

[Polaris]

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАГОН
(ДОРОГА В БАГДАД)**

Советская авантюрно — фантастическая проза
1920 — х гг.

Том XX

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХІХ

Salamandra P.V.V.

**Мариэтта
Шагинян**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ВАГОН (ДОРОГА
В БАГДАД)**

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XX

Salamandra P.V.V.

Шагинян М. С.

Международный вагон (Дорога в Багдад): (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том XX). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 235 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХІХ).

Знаменитая авантюрно-приключенская трилогия Мариэтты Шагинян «Месс-Менд» (1924-1925) – в одной серии и в неискаженном позднейшей советской и авторской цензурой виде. В настоящий том вошел заключительный роман трилогии, впервые опубликованный под названием «Месс-Менд, или Международный вагон» и получивший затем свое окончательное название «Дорога в Багдад».

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАГОН
(ДОРОГА В БАГДАД)**

Пролог

ПИСЬМО, О КОТОРОМ НИ СЛОВА

Человек, пишущий письма, часто жалеет о них. Пальцы, только что выпустившие ручку, — ничем особенным не замечательные, — принадлежат человеку, который несомненно пожалеет о только что написанном письме.

Но сейчас он не заглядывает в будущее. Он упоен скрытой внутренней лихорадкой. Он запечатывает письмо, и письмо идет, — идет из пакета в пакет, по длинному пути, не смотря на короткий адрес:

Английское консульство
СЭРУ ТОМАСУ АНТРИКОТУ
Улица консулов, Порт Ковейт.

чтоб попасть, — за номером и печатью консульства, — в секретный ящик стального сейфа.

Глава первая

НИКАКИХ ПРИМЕТ

В вечерний час с главного гамбургского вокзала отправлялось восемь пассажирских поездов и между ними щегольский экспресс Гамбург — Константинополь. Обычно целая армия сыщиков, местных и иностранных, правительственных и частных, суетилась между отъезжающими, и каждый, кто держал в руках портплед или чемодан, был на примете у пары-другой глаз. Но сегодня вокзальная администрация чувствовала себя шокированной. Вольные гамбургцы после версальского мира привыкли, правда, считать себя «выше оскорблений», — чрезвычайно удобная позиция для обманутых мужей и наций, — но то, что происходило сегодня, превышало меру человеческого терпенья. Константинопольский экспресс был уже заполнен. Пассажиры казались крайне обычными, за исключением, может быть, того странного обстоятельства, что в создавшейся немилосердной давке ни одного из них не удавалось разглядеть как следует, даже при восхождении в вагон. Лишь одну стройную и высокую турчанку разглядела публика и нащелкали кодаки репортеров. Красота этой женщины, резкая и яркая, на мгновенье покрыла тесноту и неразбериху, как покрывает голос могучего запевалы свое хоровое сопровождение. Она мелькала в толпе черной шелковой чадрой, красиво накинутой на голову с пояса, подобно монашескому капюшону. Из-под короткого и легкого взлета шелков двигалась, с грацией голубя, снующего по рассыпанному корму, парочка таких стройных и торопливых ножек, что одно их кокетливое чередование наводило на мысль о музыке и клавиатуре. Поднявшись на ступеньку вагона, она вдруг вспомнила что-то, или, быть может, чадра ее зацепилась за чужой чемодан, но только турчанка, неожиданно для окружающих, откинула чадру и повернула к публике, — на кратчайший миг, — свое ослепительно-прекрасное лицо. Красота ее была именно такого честного и стандартного сорта, при кото-

рой можно не ссылаться на неопределенные данные, вроде «выражения», «чего-то неопишемого», «таинственных отсветов», «чарующей улыбки» и прочих спорных вещей. Наоборот, турчанка была в высшей степени описуема. Небольшая головка с прямой линией лба и носа, с ворохом золотисто-каштановых кудрей, падавших на самые брови, и эти тонкие брови, прямые, как стрелы, над темными, яркими, немного дикими глазами, — все это напоминало известную скульптуру Диониса. Длинная царственная шея, рот, у самого кончика вздернутый кверху, подбородок с премилой ямочкой, — все в ней было твердо, четко, обоснованно-хорошо, без малейшего проблеска чего-нибудь оспори-мого.

Но вовсе не резкая красота турчанки и вовсе не странная давка скандализировали вокзальную администрацию. Привыкнув ко всякого рода слежкам и ко всевозможному типу жу уголовного и политического сыска, вокзальные чиновники на этот раз были сбиты с толку. Старший кондуктор спального вагона, со списком в руках, взволнованно подошел к начальнику охраны перрона номер шесть:

— Простите, герр Нольдер. Не можете ли вы объяснить мне...

— Я сам ничего не понимаю, Вайсбарт, — утрюмо ответил начальник, — прочтите еще раз список пассажиров!

Старший кондуктор принялся читать. Он вез в спальном вагоне тридцать человек, среди которых не было ни владетельных принцев, ни денежных магнатов. Самые посредственные имена стояли в списке. Фабрикант щетины, дватри богатых грека, английские мисс, австрийский пианист, восемь киноартистов, чиновники, служащие, майор Кавендиш со своей женой-турчанкой, пастор, археолог, профессор-арабист.

— А между тем именно ваш вагон служит предметом слежки, — шопотом произнес начальник охраны, — я советую вам глядеть в оба. Смотрите! За двадцать лет службы впервые вижу нечто подобное!

Кондуктор перевел глаза туда, куда указывал взгляд начальника. Там происходила небывалая сцена: за длинным

элегантным, блестящим корпусом спального вагона несомненно следили английские сыщики. Их было несколько, и каждого из них Нольдер знал в лицо. Но за этим первым сортом английской полиции шла в свою очередь внимательная слежка, — слежка номер два. Она исходила от агентов турецкой полиции. Черный, маслянистый блеск глаз, алые губы из-под синей фабры усов, статная выправка указывали на турок. Но и турки были в свою очередь объектом для слежки, — на этот раз слежки номер три. За ними внимательно наблюдали частные английские сыщики, цвет английского розыска, — их тоже знал в лицо начальник охраны. Ошеломленные этим сыскным конвейером, кондуктор и Нольдер переглянулись.

— Если б я знал, ради чего... — пролепетал кондуктор.

— Поезд должен через сорок секунд отойти, — там увидите! — успел ответить начальник.

Хорошо говорить — там увидите! Но что мог увидеть честный старый Вайсбарт? Захлопывая последнюю дверцу вагона, он знал только одно: что, за вычетом нескольких пар видимых пассажиров, он вез три пары невидимых, — подвое от каждого сыска: английского правительственного, турецкого и английского частного. Не говоря друг с другом, эта странная компания расселась в известном порядке вдоль по всему вагону.

«Ежели я буду следить за английской частной, я упрусь в турецкую, — подумал про себя кондуктор, — а ежели прослежу турецкую, упрусь в английскую правительственную. Секрет заключается, следовательно, в том, за кем именно охотится эта последняя».

Придя к такому выводу, обер-кондуктор решительно заглянул в купе, занятое английскими правительственными сыщиками. К его величайшему изумлению, оба джентльмена, вместо обычного в их положении любопытства, естественно затаенного и тщательно скрываемого, обнаружили нечто как раз обратное: они мирно похрапывали, тщательно скрывая и утаивая свой сон под двумя широко развернутыми газетами.

— Притворяются, что читают, а сами спят, — вздрогнув, пробормотал обер-кондуктор, любивший ставить точки над «и». — Следует задать вопрос: кому нужен сыск, если это не сыск, а маскировка под сыск? О, фатерланд, доколе терпеть тебе?

С этой лирической сентенцией обер-кондуктор прошелся по всему вагону, заглядывая в раскрытые купе. Он не имел предлога для проникновенья в закрытые. А между тем в открытых сидели как раз те люди, чьей профессией было выставлять себя напоказ. Логический ум Вайсбарта подсказал ему, что они были бы слишком дешевым объектом для сыска. Покуда киноартисты трещали, выставляя — мужчины голову в дверь, а женщины — плечики из-под ворота платья, обер-кондуктора осенила новая арифметическая идея:

«Франц видел всех, когда проверял билеты, — порасспрошу-ка я Франца!»

С этими словами обер-кондуктор отправился в маленькое служебное купе. Но за каждым шагом старика, неслышно ступая по золотистому плюшу, шел теперь странный человек, слегка напоминавший его по комплекции и росту. На этот раз не было никакого сомнения: человек этот, вынырнувший из вагонного тамбура, не записанный в число пассажиров, не принадлежащий ни к английскому правительственному, ни к турецкому, ни к английскому частному сыску, — тем не менее выслеживал, и притом выслеживал никого иного, как самого старшего кондуктора!

Дойдя до дверцы купе, Вайсбарт взялся за ручку. Но дверь, не дожидаясь нажима, мягко раздвинулась; Франц сидел за столиком в обществе пивной бутылки. Правда, это был какой-то странный Франц. Но недоумение точного вайсбаровского ума не успело еще оформиться, как старика кто-то втолкнул в купе, в мгновение ока связал по ногам и рукам, и, прежде чем мог он притти в себя, нос его судорожно втянул остросладкую струйку хлороформа.

— Ну-с, теперь старый тюфяк заснул до вечера, — пробормотал человек, вынырнувший из тамбура. — Менд-месс, Боб. Ты, я надеюсь, хорошо скопировал проводника? Скинь-

ка с него амуницию и запри его куда следует.

Тот, кого вошедший назвал Бобом, не теряя лишних слов, уже стягивал с кондуктора форменную одежду. Потом он прислушался, надавил невидимую кнопку, — и тотчас же тонкая фанера раздвинулась, обнаружив меж топкой и служебным купе таинственную и никем не учтенную жилплощадь, выкроенную ребятами из вагоностроительного. Там, на подушках, сладко спал уже усыпленный проводник Франц, и его бритая щека даже не дрогнула, когда в нее крепко уткнулся нос обер-кондуктора.

— Надо надеяться, они будут сговорчивыми, — пробормотал Боб, — выйти на пенсию, да еще не потеряв службы, это, Сорроу, приятная участь разведенных японских жен, не достигших совершеннолетия.

Закрыв фанеру, он однакоже перестал улыбаться. Во взгляде его на товарища, спешно гримировавшегося под обер-кондуктора, засветилось что-то жалобное.

— Срамота, Сорроу, срамота и неудача! Все шло как по маслу, начиная с этого дурня-проводника, который нанюхался понюшки, как кот валерьянки. Я пропускал публику честь-честью, отрывая купоны. Зеркалка у меня на шее фотографировала каждого, как обезьянка. И вот, не успело дойти до него...

— До майора Кавендиша?

— Ну да, до этого чортова майора, как в глаза мне метнулась щепотка пыли, словно от ветра. А потом, Сорроу...

— Ну?

— Протерев глаза, я — сказать тебе по чести — на секунду сам закрыл их!

Боб Друк мечтательно смежил ресницы. По лицу его разлилась немецкая сладость.

— Я закрыл их, потому что, Сорроу, красота этой женщины ошеломила, ослепила, обсеркала меня! Представь себе молодую красавицу-турчанку, жену этого проклятого Кавендиша, в полном анфасе и без чадры. Она держала в руках билеты. Зеркалка нащелкала ее четыре раза. «Мой муж, майор, не совсем здоров. Он прошел в купе, не беспокойте его» — сказала она по-немецки, а я...

— А ты, Боб, как трижды олух, как старый дамский ридикюль, как месопотамский осел, поверил ей и не придумал повода, чтоб заглянуть в купе. Ты не сделал главного, для чего союз прислал тебя в Гамбург?

— Ну да, — угрюмо ответил Боб Друк, — посмотрел бы я, кто это сделал бы на моем месте!

— Ты хочешь сказать, что ты так и не видел майора Ка-вен диша?

— Ни в лицо, ни в профиль, ни в спину, дружище. Успокойся! Время еще есть. В Гаммельштадте я обязан вручить ему в собственные руки телеграмму!

— Плох тот парень, кто надеется на завтра, Друк! — угрюмо ответил Сорроу: — тебе было сказано: сфотографировать майора при посадке. А ты что сделал? Ты позволил пустить себе пыль в глаза в прямом и переносном смысле, да после всего этого смерча не раздобыл вдобавок ни единой приметы майора!

Что правда — то правда. Ни единой приметы от проклятого майора не имелось в руках не только у Боба Друка. Никто из союза Месс-менд не видел майора ни в натуральную, ни в живописную величину. Этот замечательный джентльмен, вызвавший только на-днях величайший скандал в английском парламенте, никогда и нигде, даже в американском журнале Утка-Ревю, не появлялся сфотографированным: до скандала — потому что он еще не был знаменит и даже не был известен, а после скандала — потому что печатать его фотографию было строжайше запрещено, а сам майор был заклеен ужасным именем вероотступника.

С тяжелым укором глядя на Боба, сидел Сорроу в углу ку дивана и помалкивал. Вечер за окном сменился глубокой душистой германской ночью, которую так и хотелось назвать мифологической — по ненатуральной величине звезд да зловещей и молчаливой густоте леса, когда-то прятавшей германцев Тацита. За дверью купе золотистый плюшевый сумрак, забрызганный дрожью лампочек в розово-желтых лепестках хрусталя, тоже молчал, убаюканный ровным качаньем поезда. Пассажиры, повидимому, спали, и даже киноартисты прикрыли свои купе.

— Вообще, Сорроу, — начал Боб Друк виноватым голосом, — я понять не могу, с какой стати майору уделяется столько внимания. Этот провинциальный старый ловелас, не стоящий, уж конечно, ни единого ноготка своей восхитительной...

Сорроу встал и подошел к окну. Он поднял в раскрытую ночь трубочкой. Он повернулся к Бобу и посмотрел на него. Взгляд Сорроу был в высшей степени серьезен.

— За каждым шагом этого «старого, провинциального ловеласа», Боб, — проговорил он медленно, понизив голос, — за каждым его шагом следит с величайшим интересом весь мусульманский Восток или, вернее, церковный штаб мусульманства. Ты, парень, знаешь, что выкинул этот Кавендиш?

— Женился на турчанке?

— Дурак! — презрительно оборвал Сорроу: — он выступил в английском парламенте с неслыханным предложением. Он выдвинул проект отказа от христианства и поголовного перехода англичан в мусульманство, «потому что, — сказал Кавендиш, — мусульманство объединит нас с народами наших колоний в одну семью и заменит умирающую религию Христа более жизнерадостной и жизнеспособной, а также политически более зрелой религией Магомета».

Сорроу помолчал немного, прислушиваясь к гудку паровоза: поезд, замедлив ход, приближался сейчас к знаменитой гаммельштадтской трясине, над которой вознесся фантастическими зубцами своих пролетов один из крупнейших в Европе мостов.

— И вот, парень, хоть англичане и изгнали его, хоть майор со своей неведомо откуда взявшейся турчанкой и держит сейчас путь в Константинополь, хоть церковь, католическая и протестантская, и предала майора проклятию не хуже, чем большевиков, — наш брат должен помнить одно: этот сумасшедший майор — англичанин, и больше, чем когда-либо, следует держать англичанина на примете!

Глава вторая

УБИЙСТВО МАЙОРА КАВЕНДИШ

Сорроу не успел еще договорить этих слов, как Боб вскочил с места. Он забыл свои обязанности проводника. Следовало обойти длинный ряд зеркальных окон и затянуть их дымчатым шелком занавесей. Следовало закрыть окна там, где дымили меланхоличные курильщики, страдавшие бессонницей. Да и старшему обер-кондуктору, не тому, что спал в тайнике, забыв о сыскной лихорадке, а тому, кто завладел его ключами и бумагами, надлежало поинтересоваться внутренними делами.

Как раз в это время, минут за шесть до знаменитого моста, тихий и безмолвный коридор внезапно ожил. Красавица-турчанка, захватив маленький ручной саквояжик, проследовала, оставляя слабый и сладкий запах приторных восточных духов, — в далекую уборную. Она шла стройной, крепкой, но легчайшей походкой, похожей на балетные или акробатические прыжки. Ночной халатик, заменивший чадру, подчеркивал удобу ее необычайного тела, гибкого и мускулистого не по-женски. Затылок — не отвратительный бритый затылок современных буби-копфов, где синева бритых волос, затмевает синеву малокровной кожи, — а самый поэтический затылок с небольшим колечком золотистого локона, с милым наклоном к шее, с прелестным девичьим желобком, пушистым, если приглядеться к нему, как хвостик новорожденной пумы. Впрочем, автор несамостоятелен. Он только взглянул на дело глазами сентиментального Боба Друка, намеревавшегося проследить желобок под самым воротом халатика, — обстоятельство, доведшее его до дверей уборной и помешавшее ему заметить кое-что другое, случившееся в коридоре. Надо сказать правду: на этот раз и Сорроу проморгал это «кое-что другое». Вzbешенный неустойчивостью парня, которому союз Месс-менд доверил крупное дело, Сорроу на цыпочках шмыгнул за Бобом и поймал его у дверей захлопнувшейся уборной.

— Дурень! — произнес Сорроу, супя брови: — когда-нибудь вылечишься ты от женской болезни?

— Помалкивай, — проямлил Боб, — я обследую одну половину майора. Бери себе, коли хочешь, другую половину, — и дело с концом.

Между тем шорох в коридоре усилился. Как по волшебству, проснулись и ожили все три пары сыщиков. Раскрыв двери купе, они блестящими глазами следили за тем, что творится, в этот поздний и тихий час, в молчаливом плюшевом раю спального вагона, ритмически укачиваемого ровным ходом поезда. Ни один из них не высовывал головы дальше порога. Едва слышный тягучий скрип дверной филенки заставил их насторожиться: это медленно, медленно раскрывалась дверь занимаемого майором Кавендишем купе. Еще секунда — и оттуда показалась длинная фигура в странном облачении. Сухой и жилистый человек стоял в коридоре, подняв сухой профиль и как бы прислушиваясь к стуку колес. Сероватый блеск его красивых волос, благочестивое выражение глаз, твердый и сжатый рот, даже странная белизна небольших рук, сложенных в каком-то экстазе, — все слилось сейчас в молитвенную, торжественную, необычайную, непонятную позу, заставившую даже самого опытного сыщика вздрогнуть. Человек постоял минуту, глубоко вздохнул, поднял глаза к потолку, и губы его зашевелились. По странной прихоти случая, розовый шелк абажура над электрической лампочкой раздвинулся вдруг от слишком большой струи воздуха из вентилятора, и яркая полоса света пролилась на мгновение на благородную голову безмолвного человека и его поднятое к небу лицо. Потом он опустил подбородок быстрым жестом служителя церкви, привыкшего к смирению, и немного деревянной походкой проследовал по коридору к своему собственному купе. Острые черные глаза приковались к каждому его шагу. Пара турецких сыщиков перекинулась тихим замечанием:

— Что нужно этой собаке, Мартину Андрию, от аги Кавендиша?

— Пастор ходил увещевать агу...

Как раз в эту минуту, едва не столкнувшись с человеком, названным турецкими сыщиками «пастором Мартином Андрию», красивая турчанка вернулась к себе. Она медленно открыла дверь, вздрогнула, отступила на шаг, — кинулась внутрь, и вдруг дикий, глухой, отчаянный крик ее, иступленный крик ужаса, пронесся по всему коридору, заглушая резкий металлический лязг колес, проносившихся сейчас над знаменитым гаммельштадтским мостом.

Боб Друк и Сорроу отозвались на крик. Шесть сыщиков, с быстротой мобилизованных солдат, выскочили из купе. Кое-кто из пассажиров, прервав зевоту, выглянул в коридор.

Купе майора Кавендиша залито кровью. Кривой нож с крестообразной рукояткой, старинной средневековой формы, какие носились некогда крестоносцами, валяется на столике под окном. Самое окно распахнуто, занавеска разорвана, следы борьбы и кровавых пятен на стекле, на рамке, на плюше дивана, — а самого майора Кавендиша — нигде ни следа.

— Он убит, убит, он выброшен из окна! — глухим, гортанным голосом с сильным иностранным акцентом кричала красавица: — О! Собаки, собаки, вы поплатитесь! Смерть, смерть убийцам аги!

В то же мгновение сластолюбивый Боб Друк, малодушный Боб Друк, обруганный Боб Друк — преобразился. Предоставив Сорроу успокаивать мистрис Кавендиш и пассажиров, он нырнул в купе, как бы не веря своим собственным глазам. Круглое добродушное лицо его стало положительно придурковатым. Обязанности проводника — на первом месте, чорт побери! Знаменитый мост все еще пролетал внизу всей тонкой кружевной инженерией своих крыльев. Проводник быстро закрыл окно, затем запахнул занавеси, тщательно оглядев кровавые пятна. Покуда в коридоре толпилась испуганная и полураздетая публика, он успел нагнуться и заглянуть под диван. Он успел обнаружить там странный и отнюдь не убийственный предмет — голубую тарелку с водой. Кровь на столике была еще свежа, в углублении деревянной обшивки она прочно держалась лужицей, и сюда проводник, воровски оглянувшись на дверь,

успел сунуть стеклянную трубочку, забравшую кровь, как берут ее для анализа у больного.

— Ничего нельзя трогать до прихода полиции. Вот уже огоньки Гаммельштадта, — сказал он, выходя в коридор. — Будьте добры, господа, не расходиться и не покидать вагона. Мы люди подчиненные, мы отвечаем за каждый ваш шаг.

Трагедия перешла во вторую стадию, когда любопытство и страх, связанный с приятным чувством личной безопасности, сменяются у пассажиров неприятнейшими спазмами в желудке и оскорбленным самолюбием. Но таковы уже химические рефлексy, возбуждаемые полицией под всеми долготами и широтами. Честная немецкая жандармерия отнюдь не составила исключения. Она действовала сухо и торжественно: она арестовала рыдавшую турчанку. Она запечатала купе. И лишь после этого стала медленно обходить вагон. Обыск не дал никаких результатов. Пассажиры предъявляли паспорта. Три пары сыщиков вынули жетоны. Пастор Мартин Андрию, кротчайший из пассажиров, заслужил даже тихое одобрение полиции ласковой грустью своих манер. Документ, предъявленный им, гласил:

Достопочтенный МАРТИН АНДРЬЮ. 51 год. Миссионер и проповедник слова божия в Белуджистане. С поручением епископа Кентерберийского к Месопотамскому викарию, отцу Арениусу.

И было совершенно понятно, что ласкового и кроткого проповедника не обременили даже обычным вопросом: «не видел ли он чего-нибудь особенного?». Гораздо менее понятным осталось то обстоятельство, впрочем, никем не отмеченное, что ни один из шести сыщиков не сообщил немецким собратьям о таинственном ночном посещении пастором рокового купе, где совершено убийство.

Глава третья

ЧЕЛОВЕК, НА ЧЬИ МОЛИТВЫ ОТЗЫВАЮТСЯ НЕБЕСА

Сторож Крац, получивший сторожевой пункт по правую сторону Гаммельштадтской пустоши, был человек точный, аккуратный, исправный, непьющий, некурящий, холостой, храбрый, как лев, и уважающий всякое начальство вплоть до печатного расписания поездов. Он был бы идеалом железнодорожного сторожа, если б не маленькая особенность, приключившаяся с ним, по мнению докторов (всегда прибегающих к этому чисто топографическому диагнозу, когда анатомическая и физиологическая природа человека оказывается в полном порядке), на нервной почве. Эта особенность заключалась в невыносимой, всесокрушающей, последовательной и непрерывной, вроде семи дней недели, не успевших дойти до воскресенья и опять начинающих всю музыку с понедельника, — страсти к чесанию. Начнет, например, сторож Крац за ухом, совсем даже не думая, что дело это чревато последствиями, как не думает о последствиях какой-нибудь молодчик, говоря незамужней женщине «здравствуйте». Глядь, пальцы его сами собой перешли из-под уха за воротник, из-за воротника — подмышку, из подмышки — за спину, из-за спины — и пошло, и пошло, а как у сторожа Краца перевалит, наконец, к воскресенью, то есть к пяткам, и он вздохнет с облегчением, вдруг, с неистовой силой, обе руки сами собой поднимутся к уху и начнут там скрести и дергать, доводя его до полного изнеможения.

Эта роковая особенность сводила на-нет все совершенства сторожа Краца, причиняя ему в домашней жизни множество неприятностей. Стоило ему, например, поставить перед собой суповую миску, как топографическая неприятность лишала его рабочих рук, и, будучи от природы человеком с воображением, он мог наблюдать с минуты на ми-

нута охлаждение, оцепенение и дезорганизацию собственной похлебки. Но, когда в духов день, проходя вброд речку по служебным надобностям, сторож Крац уронил в нее кошелек, и, прежде чем успел нагнуться, пальцы его полезли прямехонько под шапку, — дело приняло в высшей степени драматический оборот.

Речка со всех ног неслась к мельничному жернову. Кошелек с минуту лежал на камнях, в надежде, что его поднимут. Но, когда этого не случилось, он махнул хвостиком, тихо перевернулся и пошел ко дну, — ни дать, ни взять, как какая-нибудь вобла. Сторож Крац следил за ним отчаянными глазами.

— Десять марок восемнадцать пфеннигов и хорошая брючная пуговица! — бормотал он в бешенстве. — Если считать, что для такого бедного человека, как я, каждая марка все равно, что для богача тысяча, — то клади для круглого счета десять тысяч марок. Доннерветтер, тысяча брючных пуговиц и десять тысяч марок! Понеси я их в банк, разумеется, не в Рейхсбанк, а в Хандельсбанк, у меня бы через пятнадцать лет, через пятнадцать лет, через пятнадцать лет...

Замедление мыслей Краца было вызвано острым припадком топографии между пятым и четвертым ребром, а когда местность пошла на понижение, Крац издал бешеное проклятье: кошелек унесся в водоворот!

Потеря огромного состояния до такой степени потрясла несчастного сторожа, что он бормотал об этом до глубокой ночи, бормотал, зажигая зеленый фонарь и, выходя навстречу константинопольскому экспрессу, бормотал, стоя на ночном ветру, бормотал, когда высоко вверху раздалось знакомое гуденье, дрожанье и колыханье...

— И как подумать, что, если б был у меня хороший пес, он ровнешенько в одну секунду вынес бы его в зубах. Небеса! Десять тысяч сто восемьдесят марок, положенных в Хандельсбанк! Эх, будь у меня пес, будь только у меня хоррр...

— Хорррррр! —

Ужасная, ревущая, волосатая масса, страшная, как сто тысяч дьяволов, увеличенных в пропорцию, с какой возрос капитал сторожа Краца, со всей силы обрушилась на него сверху, облапила его и сунула ему за воротник такой огненный шершавый язык, что несчастный сразу потерял сознание.

Когда он пришел в себя, вокруг была полная тишина. Константинопольский экспресс промчался. Круглый электрический шар разбрасывал волны света по страшной Гаммельштадтской пустоши. Сторож Крац сидел на болоте, обеими руками держа огромного тощего пса, косившего на него два красных глаза и дышавшего, как паровой котел.

Сторож Крац дрожащей рукой провел по лбу. Не было никаких сомнений! Небеса существовали, и небеса услышали его молитву. Отныне Крац мог принять полное участие в воскресных беседах, устраивавшихся пастором Питером Вурфом для железнодорожных рабочих, и мог даже самолично сделать доклад.

Он положил руку на мохнатую голову пса, кинул взгляд на небо, вздохнул, увидел там что-то похожее на голубя, точь в точь такого, какие выпекаются в кондитерских, с изюмом посредине, и дрожащим голосом произнес:

— Отныне и присно называю тебя «Небодар». Служи мне, как я служил отечеству и расписанию двадцать три года, не считая военного фронта, не женись и носи поноску, даже если тебе приспичит почесаться где-нибудь под хвостом!

С этими словами сторож Крац снял свой собственный кушак, сделал петлю, надел ее на Небодара и тихо повел за собой сверхчеловеческого пса, хромавшего на одну лапу. Придя в сторожку, Крац напоил и накормил его, сделал хорошую подстилку из соломы и войлока, перевязал ему раненую лапу и взглянул на часы. До следующего поезда оставался час с четвертью.

— Мы с тобой успеем вздремнуть, дружище, — ласково пробормотал он Небодару, — ка-ак следует успеем вздремнуть, чего, будучи на небе, ты, должно быть, никогда не...

Тук-тук-тук!

Вот и вздремнул сторож Крац! Среди глубокой ночи в его сторожку постучал и вошел неказистый небольшой человек с трубкой в зубах, с руками за спиной, с прищуренными глазами, точь в точь будто он входил в свой собственный дом, покинутый им с полчаса назад.

Войдя и оглядевшись, незнакомец пыхнул трубкой и спросил с сильным американским акцентом:

— Сторожевой пост?

— Именно, — угрюмо ответил Крац, видя у незнакомца вымоченные сапоги и брюки в зеленой гаммельштадтской трясине, — ежели вы заблудились, так держитесь грунтовой дороги налево за деревом. Я не обязан махать фонарем никому, кроме поезда.

— Вот уж никто не говорит, что обязаны, — хладнокровно объявил человек, направляясь прямо к огню и обсушивая перед ним сапоги, — больше того, по природе вы не обязаны махать даже поезду. Теплая, хорошая немецкая ночка! Не будь этих чортовых трясин, одно удовольствие прогуляться на мельницу.

Сторож Крац сердито молчал.

— Слушайте-ка, парень, — проговорил незнакомец, меняя тон и поворачиваясь всем корпусом к Крацу, — если хотите получить на выпивку, ответьте-ка в двух словах, — не слышали ли вы чего, когда пролетел константинопольский экспресс?

Сторож Крац меньше всего расположен был ответить на подобный вопрос. Но в эту злополучную минуту небесный пес, вероятно, с непривычки вкушать земной сон, тявкнул и почесался, а пример заразителен. Обе пятерни сторожа полезли прямо за пазуху и в отчаянном припадке самоскребенья бедняга выложил перед незнакомцем все свои тайны.

Он начал с того, что Хандельсбанк дает на два с половиной процента больше, чем Рейхсбанк, и кончил тем, что религия оказалась права, несмотря ни на какую астрономию, а в промежутке уложил историю с речкой, историю с кошельком, историю с водоворотом, историю с собакой и собственную резолюцию насчет всех этих историй, касав-

шуюся пастора Питера Вурфа с его богопротивным сомнением.

Когда, наконец, Крац высказался до конца, он взглянул на часы, вскрикнул, схватил фонарь, палку, фуражку и потребовал, чтобы незнакомец сопровождал его к Гаммельштадтскому мосту, над которым через семь минут должен пройти берлинский почтовый.

— Идите сами! — равнодушно пробормотал незнакомец, усаживаясь рядышком с Небодаром: — я посторожу вашу избушку.

Сплюнув со злости, Крац побежал к насыпи, дрожавшей в белесоватых полосах электричества. Фонарь засвечен, вдали гроыхнуло, огромный стальной гигант затрепетал... как вдруг под самым его нутром, в стальных стропилах, цепях и перемычках мелькнули пятна нескольких фонарей.

Крац дал пройти поезду, издал пронзительный свист и кинулся к мосту. Яркий свет прожектора, направленный на насыпь, обнаружил кучку полицейских с баграми, фонарями, крючками, палками и вилами.

— Не видел ли ты чего-нибудь этакого, когда прошел константинопольский экспресс? — спросил один из полицейских, поворачиваясь к Крацу.

— Решительно ничего, — мрачно ответил Крац, проклиная полицейских в глубине своей души; и с природным недружелюбием ко всему, что вынюхивает, вышаривает, выискивает и выслеживает, он зашагал к сторожке, твердо решив выпроводить незнакомца.

Но, когда он переступил порог, фонарь выпал у него из рук, палка застряла между ногами, а из груди вырвался вопль: чудного, мохнатого Небодара на подстилке не было. Вместо него, там лежал... чорт возьми, там лежал мокрый, скомканный кошелек сторожа Краца с теми самыми десятками тысячами марок, которые теперь надлежало, с обратным мозговым напряжением, — настолько же тягостным, насколько тяжело возвращение из пивной по сравнению со счастливой туда отправкой, — надлежало прокалькулировать: —

!екдяроп моксечитемфира монтарбо в

Глава четвертая

НОЧЬ В ГАММЕЛЬШТАДСКОЙ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ

Приближалась минута отхода поезда, когда, наконец полицейские вывели на перрон арестованную мистрис Кавендиш и сняли запрет с вагона. Сотни народа, возбужденные убийством, стерегли их выход. Репортеры ринулись вперед.

Сердце немецкой металлургии, городок Гаммельштадт, даже в этот ночной час страдал нервной индустриальной бессонницей. Жители, в домах, на улицах, на вокзале, — сытые и голодные, от директоров до рабочих металлистов, — на все лады обсуждали происшествие. Стало известно, что в ту же ночь, на дне мрачного болотца, в самом начале железнодорожного моста, под балками и стропилами, отыскалось, наконец, тело несчастного майора, превращенное, однакоже, в такую кровавую кашу, что не только его, но даже и его одежду признать в этом хаосе кровавых сгустков, хрящей, костей, тряпок, лоскутьев и грязи было совершенно невозможно. Трясина еще более рассосала майора, превратив его воинственные останки в паштет. Понятно, что испуганная полиция энергично уцепилась за жену майора, чтоб сложить возможную ответственность за это несчастье с многострадальных немецких плеч на английские.

Мистрис Кавендиш, накинув чадру на халатик, заплаканная, растрепанная, среди глубокой ночи уселась в тюремную карету и была доставлена в тюрьму, несмотря на все свои стоны и протесты. Тюремное начальство проявило изысканную вежливость. Оно не подвергло обыску ни ее, ни ее вещи, рассыпалось в извинениях, прислало холодный ужин, но даже начальство не могло сделать для бедной новобрачной главного, что хоть немного успокоило бы ее нервы: отвести ей отдельную камеру.

Гаммельштадтская тюрьма в этот летний сезон была

так густо набита коммунистами, что даже Болгария не могла бы поспорить с этой процентной нормой. Жену майора пришлось поэтому внедрить в камеру простой фабричной работницы, саксонки с дрезденской мануфактуры, давным-давно спавшей на единственной кровати.

Сонная надсмотрщица, ругаясь, вошла в камеру, пинком ноги ударила кровать и хрипло объявила работнице:

— Гербель, вставайте. Дайте-ка место барыне. Сколько там ни бунтуй ваша порода, а как дойдет дело до господ, так вам уж придется рано или поздно потесниться.

Гербель и не подумала встать, а надсмотрщица не без тайного удовольствия швырнула вещи мистрис Кавендиш в угол, повернулась и вышла, старательно заперев камеру. Тогда на кровати что-то пошевелилось, бледное личико поднялось с подушки, на мистрис Кавендиш уставились два голубых глаза и ребячий голос спросил:

— Вас за что?

Перед работницей Минни Гербель стояла высокая, крепкая, знатная дама с лицом писаной красавицы, с короткими локонами вокруг дионисийской головки, спадавшими крепкими завитками над прямой линией лба и носа. Красавица досадливо, как муху, отмахнула вопрос, оглядела камеру, заметила окно и, прежде чем Гербель опомнилась, повисла на руках под самым потолком. Там она ловко и с невероятной быстротой перекувырнулась так, что ноги ее уперлись в решетку, а сама она, употребив их на манер рычага, принялась раскачивать и трясти железные брусья. Но решетка поддержала былую честь гаммельштадской металлургии. Ничего не добившись, красавица спрыгнула вниз, тряхнула локонами и тут только встретила восторженный взгляд Минни.

— Вы мне нравитесь, — прошептала работница, — я сама отчаянная. Только этим вы делу не поможете. Идите-ка лучше сюда, ложитесь со мной и отдохните.

Мистрис Кавендиш подошла к постели.

— Эти негодяи поплатятся за мое заключение, — пробормотала она отрывистым, глуховатым голосом, — хотя, если я смыслю что-нибудь в деле, они завтра же выпустят

меня, не дожидаясь допроса. Нет ли у вас папирос?

Гербель отрицательно покачала головой.

— Жаль! — с досадой воскликнула мистрис Кавендиш.
— У меня тоже нет. Ночь будет бессонная. Спите. Я совсем не желаю отнимать сон у такой пиголицы, как вы.

С этими словами она удалилась в угол, села на один чемодан, положила ноги на другой, скрестила руки и задумалась. Надо сказать, что при мигающем свете лампочки, на фоне облезлой тюремной стены, эта грациозная и странная красавица, похожая на большую кошку, совершенно потрясла Миннино воображение.

Маленькая работница с двухлетним комсомольским стажем, несмотря на свои юные годы, была трижды приговорена к условному, дважды выслана и сейчас ждала приговора, который, по ее мнению, преподнесет ей три года отсидки. Минни была лучшим организатором молодежи, прекрасным оратором и стояла поперек горла у местного социал-демократического комитета.

Она спрыгнула с постели и подошла к загадочной турчанке. Минни была маленькая, тощая от постоянной голодовки, хрупкая женщина с детской грудью, детским лицом, но когда она остановилась перед мистрис Кавендиш, с любопытством вперив в нее голубые глаза и скрестив тонкие, бледные ручки, настоящий ценитель женственности задумался бы, кого из них предпочесть.

— Слушайте-ка, — резко проговорила турчанка, — чего вы уставились? Не стойте передо мной в рубашке и босиком, это неприлично.

— А я думала, уж не из наших ли вы, — отозвалась Минни.

— Из ваших? Какого чорта вы подразумеваете под вашими? Взломщики, налетчики, казнокрады, карманники?

— Вы в политическом отделении, — ответила Минни спокойнo. — Я было подумала, уж не коммунистка ли вы.

— Коммунистка?.. — Глухой голос мистрис Кавендиш наполнился искренним ужасом. Яркие карие глаза впились в тощую фигурку, руки схватились за стул, и турчанка судорожно попятилась к двери. Но через секунду ужас сменил-

ся удивлением, удивление — веселостью, и красавица упала на стул, так громко расхохотавшись, что, если бы стены немецкой тюрьмы могли сотрястись, они бы непременно сотряслись.

— Воробей, — выговорила она сквозь хохот, — воробей, чирик, червячок, булавочная головка! И это называется «коммунистка»! И против этого задумывают, на манер Рокамболя...

Но тут она прикусила язык.

Голубые глаза смотрели на нее с холодным спокойствием. «Булавочная головка» так остро впиалась в ее слова, точно хотела просверлить черепную крышку и посмотреть, что делается у мистрис Кавендиш в мыслях. Турчанка отвернулась и спряталась от маленькой Минни Гербель в чадру.

Минни снова подошла к постели, залезла под одеяло и несколько секунд глядела на странную соседку. Непостижимая вещь, но мистрис Кавендиш упорно продолжала ей нравиться, хотя Минни и не могла бы определить, чем. Скоро мысли ее стали путаться, ресницы слиплись, и она заснула с образом кудрявого Диониса, чертыхающегося, как любой извозчик.

Но Минни в эту ночь так и не суждено было спать. Кто-то дернул ее за волосы и шепнул:

— Проснитесь!

Мистрис Кавендиш стояла перед постелью. Окно было раскрыто настежь, решетка перепилена и веревочная лестница спущена вниз.

— Вы видите, обо мне здорово позаботились, — саркастически проговорила красавица, бросая Минни ее убогое платьице и чулки. — Я думаю, вы тоже непрочь удрать. Торопитесь!

Минни думала не больше секунды. Три года отсидки — и возможность побега. Она взвесила то и другое, натянула чулки, набросила платье и бесшумно вскарабкалась по веревочной лестнице вслед за мистрис Кавендиш. У тюремной стены не стояло ни единого часового. Ворота на улицу слегка приотворены. И вот уже обе женщины в тесной из-

возничьей каретке, бесшумно покачивающейся на рессорах. Маленькая Минни продрогла. Мистрис Кавендиш бросила ей на плечи свою чадру. На углу одной из улиц предместья карета остановилась.

— Убирайтесь на все четыре стороны! — резко сказала мистрис Кавендиш, распахивая дверцу перед Минни Гербель. — Делайте свою дурацкую революцию, пока не повиснете на фонаре.

— Чепуха, — тихонько ответила Минни, — вы все-таки мне нравитесь. Дайте-ка я вас поцелую! — С этими словами маленькая, тощая работница положила на плечи мистрис Кавендиш обе ручки, бесстрашно наклонилась и крепко, как пчела, клюнула ее в губы. Еще секунда, и хрупкий силуэт комсомолки мелькнул по улице и исчез в темноте.

Полицейский пост между тем кончил телефонные переговоры с английским консульством на сообщении:

«Ваше превосходительство, все устроено согласно вашему совету».

Только тогда, измученные этой ночью, несчастные полицейские вздохнули свободней, изнеможенно свалились на диваны и тоже вознамерились малость вздремнуть.

— Тактичный народ, эти англичане, — пробормотал начальник поста, зевая во всю ширь своей глотки и отстегивая шпагу.

Глава пятая

ПАСТОР И СЫЩИКИ

Если б бедняга Вайсбарт, очнувшийся от столбняка и приступивший, вместе с Францем, к прерванной службе, мог отдать себе отчет во всем происшедшем, он сказал бы, следуя логическим запросам ума своего, что вселенная помешалась. Толстый кожаный кошель, полный американских долларов, был первым тому доказательством, а небольшой жетон — вторым.

— Вселенная помешалась, — сказал бы Вайсбарт, — на круговом сыске. Должно быть, так оно необходимо с точки зрения международного права. Английская-то правительственная следила за Кавендишем, турецкая — за английской правительственной, английская частная — за турецкой, я — за английской частной, неизвестный человек — за мной, вследствие чего... гм... у меня и у Франца прибавилось недвижимости, а также звания!

С этими словами добрый Вайсбарт показал бы таинственный жетон и шепнул бы, что он назначен неведомыми людьми следить одним махом за английской частной, турецкой правительственной и пастором Мартином Андрию.

Во всем этом не было ни на горошину лжи. Вайсбарт действительно следил и с точностью записывал странные результаты слежки. Дело в том, что кроткий английский пастор, внезапно ставший объектом слежки, казалось, позировал перед сыщиками, словно провинциальный актер перед фотографом. Он давал заглядывать себе в лицо. Он выходил чаще, чем нужно, в коридор. Звук его голоса раздавался то в одном, то в другом углу вагона. Чем дальше на юг летел поезд, тем говорливее и оживленнее становился пастор. Тонкие пальцы, внезапно мертвевшие, выдавали вдруг, на несколько секунд, странной синевой своих ногтей и белесоватой мертвенностью кожи — нарушенный обмен веществ и останавливающуюся работу сердца. Только одно оставалось неизменным в нем: деревянная походка да непод-

вижность небольшой и узкой, почти женской, ступни.

Не менее странным казалось и поведение сыщиков. Вайсбарт вздрогнул, уловив выражение двух пар черных глаз, неотступно следивших за пастором. Турки, повидимому, полны были ненависти. Эта ненависть, почти личная, сквозила в каждом их движении, в сдавленном звуке гортанного голоса, когда, наклонив головы, они шептались между собой по-турецки, в сжатых кулаках, в странном свисте, говорившем о стиснутой челюсти, — турецкие сыщики по-свистывали про себя, глядя в спину своей жертвы. Англичане тоже заслуживали внимания. Их взгляд был равнодушен, но неотступен. С холодной цепкостью ловил он каждое движение пастора. На каждой остановке один из сыщиков выходил из вагона, другой оставался возле купе. Было ясно, что первая попытка пастора к бегству будет тотчас же пресечена его холодными английскими собратьями.

Но пастор и не думал ни о каком бегстве. Настроение его беспрерывно менялось. Он не мог ни на чем сосредоточиться. Спокойствие, ласковое спокойствие, пленившее немецкую жандармерию, совершенно покинуло его, — и перед самым Константинополем в этом сухом, породистом лице были все признаки скрытого нервного расстройства: истерически дергалось веко над глазом, посинели губы, беспокойно двигались уши. Встав с дивана и захватив небольшой саквояж, он напряженно смотрел на сияющий синим и розовым отблеском далекий наплыв Стамбула, простор горячего неба над городом минаретов, стаю блуждающих голубей. Запах роз и пыли пахнул в окно. Стекланный купол вокзала накрыл поезд. Оглянувшись на сыщиков, пастор Мартин Андрию почувствовал вдруг ту драгоценную химическую реакцию, какая возникает в нашем теле от неведомых действий внутренней секреции, чаще всего после тяжелых припадков отчаянья и неврастения.

«Все ерунда, я живу, жить хорошо!» — вот как можно было бы определить шестью словами эту реакцию. Дыхание нагретого вокзала, шум гортанных голосов, яркие, алые улыбки вежливых чиновников из-под нафабренной синевы усов, — и розы, розы, сотни букетов роз, — все это охва-

тило пастора здоровым призывом к простой и бесхитростной жизни. Воровски оглянувшись и не видя своих преследователей, пастор Мартин Андрию быстро юркнул из вагона и кинулся прочь от поезда, в самую гущу вокзальной толпы.

Несколько секунд, казалось, он был свободен. Сыщики исчезли. Осторожно выйдя в город и подозвав такси, пастор с облегчением поставил ногу на подножку. Дверца раскрылась перед ним.

— Добро пожаловать, мистер Андрию, — ласково произнес из такси чей-то голос.

И, прежде чем пастор успел отпрянуть, сильная рука втянула его в каретку.

Тотчас же из-за киоска вышла пара английских сыщиков и со скучающим видом повернула к вокзалу. Циничная улыбка сыщиков и глаза их, внезапно ставшие утомленными, говорили, что дело сделано и забота спала с их плеч долой.

— Зато им теперь придется здорово поработать! — пробормотал один из них, глядя вслед удаляющемуся такси, за которым на велосипедах неотступно следовали турецкие сыщики: — им-то уж не удастся выспаться, как нам с тобой!

С этими словами английский сыщик крикнул газетчика и отобрал у него с десяток турецких газет и журнальчиков.

— Пари на десять фунтов, что здесь уже пропечатали нашего молодчика!

Его товарищ прервал зевоту судорожным взрывом смеха. Пастор Мартин Андрию между тем угрюмо сидел в такси. Возле него курил сигару английский джентльмен. Милое и чрезвычайно мягкое лицо джентльмена говорило о деликатной сконфуженности. Менее всего хотел джентльмен употреблять насилие и подчеркивать роль насильника.

— Куда вы меня везете? — сухо спросил пастор.

— На виллу, нанятую специально для вас, дорогой друг, — тихо ответил ласковый джентльмен, — нет надобности

говорить вам, что жизнь ваша на всем Востоке в опасности, вернее — в преждевременной опасности. Фанатики уже начали действовать, газеты выпустили статьи с требованием допросить вас о том, что вы делали в купе майора. Словом, прелюдия уже готова.

— Чорт ее побери, эту прелюдию! — вырвалось у пастора далеко не христианским тоном.

Ласковый джентльмен улыбнулся. Он нежной рукой дотронулся до похолодевших пальцев Мартина Андрию:

— Тем не менее дело начато, — сказал он тихо.

В такси воцарилось молчание. Сухое лицо пастора посерело, и волчий оскал его рта стал болезненным и старым. Уже не тянуло его из каретки, и запах пыли и роз вместо прежней жажды жизни вызвал одну тошноту. Такси остановился перед роскошной металлической решеткой, за которой с приятным и глухим шумом покачивались на ветру огромные эвкалипты. Мягкий джентльмен открыл дверцу. Турецкие сыщики с видом бродяг, бросив велосипеды за углом, шли сейчас мимо, горлая песню. Их зоркий взгляд оглядел и запомнил номер.

— Идите сюда, за мной, — ласково сказал джентльмен, ведя пастора под руку, — и соберитесь же с силами!

Они проходили сейчас по гравии извилистой и тенистой дорожки. Кусты алоэ росли справа и слева. Царственный портал небольшого здания в персидском вкусе показался из-за эвкалиптов. Изразцовые стены дышали прохладой, невидимый фонтан пел и прядал, огненно-радужное пятно вдруг вспорхнуло на перила мраморной лестницы и поплыло по ним. Это была ручная цесарка.

— Все блага жизни, все тончайшие улады человеческих прихотей собраны тут для вас, дорогой друг, — мягко сказал спутник Мартина Андрию: — ни один из соблазнов не забыт. Ваша собственная воля, ваш вкус, ваши намерения, ваши пороки и прихоти, — все течет, как созвездия в небе, — по вашему собственному плану! Что значит количество прожитых часов? До порта Ковейта вы будете хранимы, вы будете ласкаемы, любимы, лелеемы, как счастливый принц из арабской сказки!

Он ввел пастора в длинную галерею, где курильницы нежно дышали голубым дымком ароматов. Ниши, полные шелковых подушек, бассейн с жемчужной водой для усталых ног, длинная трубка кальяна, ковер, чьи тона благородно ласкают глаз, — и приготовленная на нем еда, казалось, взятая из тысячи и одной ночи: здесь были все тонкие пряности Востока, — шафранный плов с подрумяненным цыпленком, начиненным фисташками; нежная рыба с зеленью в остекленном рту; прозрачный каскад фруктов, сладости, истекающие миндалем и медом, прохладное мерцание драгоценных вин, зеленые корешки гашиша.

— А это... — произнес джентльмен, распахивая парчевый ванавес.

Пастор Мартин Андрию вздрогнул, и мертвое лицо его порозовело. Перед ним на звериной шкуре лежало дитя, едва превращающееся в женщину. Нагота бронзового тела, пропорции которого почти оскорбляли своим недостижимым совершенством, дышала сейчас тихим покоем. Ребенок спал. Длинные глаза, удлинённые сурьмой к вискам и переносице, были замкнуты, и шелковая бахрома ресниц легла на розовую негу щечек. Маленькие груди, едва созревшие, были украшены перламутровыми розетками. Ручка с тонкими пальцами, каждый ноготь которых мог бы ненасытно приковать глаз художника, — лежит между ними распластанной птичкой.

— Этим вы можете тешиться хоть до самого порта Ковейта, — закончил джентльмен начатую фразу.

Глава шестая

КОМПАНИЯ ДИРЕКТОРОВ АМЕРИКЕН-ГАРН УЧИТЫВАЕТ МОМЕНТ

Плойс, главный пайщик Америкен-Гарн и председатель хлопкового треста обеих Америк, сделал движение, как если б хотел поднять из бамбукового кресла половину своего туловища, разлитого в нем, как студень.

Вильмор, директор ниточной фабрики, предупредил это намерение и упал в другое кресло раньше, чем тело мистера Плойса поднялось на вершок.

— Дорогой мистер Плойс! — пробормотал гость, отдавая в руки лакея шляпу, перчатки и трость. — Ваша идея имеет необыкновенно жизненный характер.

— Все мои идеи имеют необыкновенно жизненный характер, — согласился Плойс, поглядев с веранды, где сотни вентиляторов поддерживали приятный холодок при сорокаградусной жаре, в сад, на играющих в теннис собственных детей.

— Я получил новое письмо от моего корреспондента, — продолжал мистер Вильмор: — он пишет с Канарских островов. Там тоже, знаете ли, большой спрос на изделия с портретом Ленина. Вам известно клеймо на знаменитых моих катушках, № 108-bis?

— Если не ошибаюсь, черепаха? — спросил Плойс.

— Вот именно. Со вчерашнего дня, дорогой мистер Плойс, она заменена головой Ленина в профиль, с открытым ртом. Популярный снимок. Я дал заказ на четырнадцать миллионов этикеток, в виде пробы.

— Это недурно, — пробурчал Плойс, — что касается нашего треста, мы ограничились пока серпом и молотом. Я предвижу большое оживление промышленности.

Мистер Вильмор кивнул головой. На радиобашне, в глубине сада, загорелась звездочка. Лакей, вынырнув из-за кресла, молчаливо подал двум трестовикам каучуковые науш-

ники. Мистер Плойс и мистер Вильмор напялили наушники, закрыли глаза и отдались самой приятной музыке, какая существует для ушей капиталистов: потоку биржевых цифр.

— Сэр, вас желает видеть председатель бюро забастовок, — доложил лакей, прерывая упоительную мелодию.

На веранду быстро вошел юркий молодчик с портфелем, раздувая такие пышные усы, что они положительно могли бы сойти за хвост, если б помещались не спереди, а сзади.

— Милостивые государи! — пропищал он почтительно: — очень, очень приятные известия. Волна забастовок разрастается. Сейчас пришло известие, что забастовала вся лионская мануфактура, забастовал шотландский район, забастовал египетский, великобританский хлопкосюз, забастовали кочегары повсеместно в Бомбее и Калькутте! Если прибавить к этому шанхайский кризис и полное отпадение Манчестера, то мы имеем...

Здесь юркий человек вытащил крохотные счета из слоновой кости, нащелкал на них кончиком носа, поднял усы кверху и изверг из-под них следующее умозаключение:

— Мы имеем сто сорок два градуса широты и тысячу градусов долготы емкого колониального рынка, способного поглотить американскую продукцию всеми своими ртами, открытыми настежь.

— Этим надо немедленно воспользоваться! — вскрикнул мистер Вильмор, в то время как мистер Плойс вдумчиво глядел на кончик банана, висевшего над ним в воздухе.

Не услыша реплики, мистер Вильмор уставился на тот же кончик банана, точно в нем крылась сейчас магическая разгадка великой мозговой операции, совершавшейся в круглой голове мистера Плойса. Что касается юркого человека, он давно уже висел всеми своими фибрами на том же самом банановом стрючке.

— Гм! — произнес, наконец, мистер Плойс и оглядел двух своих замерших гостей. — Гм! Никто из вас не знает Англии. Это лисица, помноженная на шимпанзе!

Юркий человек с быстротой молнии выхватил карандаш и занес в свою книжку сентенцию великого человека.

— Если только, — продолжал мистер Плойс, — если толь-

ко она пронюхает, мы провалимся. Устройте... гм. Устройте забастовку и у нас — на всех фабриках... гм... гм... — ватных одеял!

Мистер Вильмор и юркий человек подняли глаза к небу с видом людей, никогда не слышавших ничего более гениального, и откланялись с просиявшими лицами.

Мистер Плойс поглядел им вслед, пренебрежительно фыркнул и вскочил с места с самой неожиданной энергией.

— Автомобиль! — крикнул он в рупор.

Через секунду нога его ступила на подножку автомобиля.

— Нью-Петроград!

Автомобиль прыгнул, как мячик, и понесся по укатанному шоссе, от загородной виллы мистера Плойса к Нью-Йорку. Не доезжая до города, шофер тронул рычаг. Они понеслись теперь вдоль Гудзона, пересекли одиннадцать рельсовых путей, восемь депо, сорок два гаража, полигон и замедлили ход. Перед ними показалась грязная группа чего-то, похожего на палатки кочевников. Здесь у костров сидели каменщики, угрюмо варившие кашу. Дальше возвышались всякого рода леса, стропила, балки, переплеты и вообще симптомы жаркого строительного сезона, загородившего от человеческих глаз по меньшей мере десять квадратных километров. Мистер Плойс чихнул. Шофер дал гудок и медленно въехал в ворота.

На длинном белом полотнище, висевшем через всю улицу, черными буквами написано:

ПЕТРОГРАД

Справа и слева от надписи столбики со стрелками, указывающими названия улиц, или, вернее, пыльных пустот, тянущихся радиусами во все стороны. Судя по ним, мистер Плойс мчался сейчас по Невскому проспекту, не щадя ни белого летнего костюма, ни собственного носа, ставших мише-

нюю для целой тучи строительного мусора.

Автомобиль подлетел к огромному деревянному бараку, носившему вывеску:

КОНТОРА
по делам иммиграции на Вторую Родину,
а также сбора пожертвований,
кто чем может.

Мистер Плойс дернул веревку и через минуту очутился в глубине сарая перед суетливым пожилым человеком в пенсне и русской студенческой фуражке дореволюционного образца.

— Чаю? Кофе? Рюмочку водки? — осведомился человек в фуражке с истинно-русским гостеприимством, культивированным вдобавок четырьмя годами пребывания в лучших зарубежных ресторанах.

Мистер Плойс нетерпеливо вынул бумажник.

— Компания Америкен-Гарн, — произнес он с расстановкой, — преклоняясь перед русским патриотизмом, вносит на восстановление Петрограда.

Мистер Плойс подписал чек.

— О-о! — пробормотал русский, вытаращив глаза: — мы можем назвать вашим именем университет. На-днях состоится закладка, и я надеюсь, что к 48-му году мне удастся достроить, а к 53-му кончить юридический факультет вашего имени.

Мистер Плойс сильно усомнился в хронологии, касающейся личного возраста своего собеседника, но скрыл эти сомнения про себя.

— Если не ошибаюсь, ваши соотечественники рассыпаны по всем колониальным странам света, островам, проливам, заливам, перешейкам, обитаемым и необитаемым? — спросил он, глядя на карты, развешенные по стенам.

— Увы! — вздохнул славянин: — как сказал великий поэт Пушкин, нас называет всякий суций язык, в том числе язык дикарей, людоедов, полинезийцев, новозеландцев и папуасов.

Мистер Плойс еще раз вынул бумажник и поиграл им в воздухе.

— Ваши соотечественники, гм, удручают меня. Я положительно не могу кушать ни брекфеста, ни ленча, думая о страданиях ваших соотечественников. Если б, со своей стороны, вы могли организовать среди них реклам-бюро для борьбы с мировой опасностью, я охотно выложил бы...

— Реклам-бюро?

— Ну да, реклам-бюро во всемирном колониальном масштабе. Рынок — вот главная политика нашего времени. Все инструкции, конечно, и все расходы...

Мистеру Плойсу не понадобилось долго играть бумажником.

Когда автомобиль вынес его из пыли и мусора новой столицы России, председатель хлопкового треста величественно чихнул в шелковый платок.

— Мы еще поборемся с Англией, — пробормотал он, чихая еще и еще раз, — мы поборемся с ней за обладание пестрокожими. Все дело в приманке, как говорит рыболов, спускающая удочку. И если вы, джентльмены, думаете, что рыба клюет на нежные чувства, мы, со своей стороны, полагаем, что рыба клюет на мясо.

Глава седьмая

АМЕРИКАНСКАЯ ПРИМАНКА

— Мик! — заорал кто-то неистовым голосом, расталкивая кулаками и локтями деревообделочников и со всех ног летя к русобородому мастеру, только что нацелившемуся выкурить трубочку.

— Мик!

— Ну?

Тощий, ошипанный, как курица, парень с глазами, вылезшими на лоб, с открытым ртом, с распахнутым воротом, задыхаясь, произнес:

— Мик, дело, можно сказать, математическое. Ребята тебя требуют. Помоги!

Тингсмастер выколотил трубку, спрятал ее в карман и поощрительно взглянул на ошипанного парня.

— Видишь ли, ткач Перкинс из Ливерпуля сломал бобину...

— Ну?

— Мастер хватил ткача Перкинса по затылку...

— Ну?

— Рабочие обозвали мастера...

— Ну?

— Фабрикант оштрафовал рабочих...

— Да ну же!

— Фабрика объявила забастовку...

— Слушай, Бек Уикли, если ты прибежал рассказать мне про английских ткачей, так я тебе как по нотам выложу дальше: правительство арестовало русского торгового делегата, товарища Ромашева, за пропаганду, фабрики честерфильдские присоединились к ливерпульским, манчестерские к честерфильдским, лондонские к манчестерским, а ты, паря, как встаешь поутру, оботрись перво-наперво холодной водой да загляни в газету.

— Да ты выслушай, Мик, — простонал Уикли, отчаянно собираясь с мыслями, — коли меня прервут, я как подре-

занный... Дело-то в том, что на нашей собственной фабрике эта старая собака, инженер Пальмер, остановил всю выделку, снял все рисунки, изменил всю заправку, и с нынешнего дня мы, брат, ткем самую что ни на есть месопотамскую набойку, или, как у них там обзывается, калемкер, чорт бы его разнес...

— Калемкер?

— Вот именно, Мик, да не в калемкере дело. А понимаешь ли ты, как стали ребята ткать, так и увидели, что рисунок...

Здесь Уикли сделал такое неопределенное лицо, какое бывает у луны, когда на нее глядит старая дева, и выпалил:

— Рисунок весь состоит из серпа и молота!

Мик Тингсмастер выронил от неожиданности рубанок. Не прошло и секунды, как он нахлобучил кепку, шепнул слова два соседу, провалился в стену и со всех ног мчался на огромную черную фабрику «Америкен-Гарн», где работало двадцать тысяч прядильщиков и ткачей. Несчастный Уикли, сунув два пальца в рот, чтоб не прикусить собственный язык от тряски, болтался за его спиной, влекомый подмышку.

Не успели они нырнуть в мусорную яму, пробежать тайным ходом, взобраться по спиральной лестнице и сунуть нос в ткацкое отделение, как сотня ткачей облепила стеновое отверстие, а другая сотня рассыпалась сторожить по коридорам на случай появления инженера Пальмера.

— Говори, Мик, как быть, — прошептал старый, седой ткач: — наш брат здесь по делегату от каждого отделения.

— Покажите мне готовый кусок!

Двое рабочих притащили огромный кусок персидской набойки, окрашенной в яркие восточные тона. Мик отворотил конец. Перед ним, на лицевой стороне, нарядно, франтовато, модно, в высшей степени соблазнительно переплелись два значка, потрясшие мир: серп и молот.

— Да! — воскликнул белокурый гигант, вытаращив на эту штуку два голубых глаза: — дело и впрямь математическое. Ребята, вы уверены, что рисунок составлен под руководством самого Пальмера?

— Как пить дать, Мик!
— С ведома директоров Америкен-Гарн?
— Да уж они так шушукались, точно сами и выдумали.
— И ни дядя Сорроу, и ни один наш мастер не приложил к этому руку?

— Что ты, Мик, — обиженно пробормотал старый ткач:
— Сорроу, как тебе известно, орудует вместе с твоими молодцами в Гамбурге, а наши мастера чуть в обморок не попадали, когда увидели. Мы и порешили, уж не объявить ли нам на манер ливерпульцев, коли тут кроется каверза...

Мик Тингсмастер опустил голову и на мгновение задумался. Голубые глаза зажглись мыслью. И вдруг он так громко расхохотался, что в воздухе заплясал хлопок:

— Ребята!

Ткачи уставились ему в рот.

— Тките эту самую материю! — проговорил он убедительнейшим голосом и подмигнул в высшей степени весело: — тките, точно и знать не знаете! А насчет забастовки не может быть и речи.

Рабочие задумчиво переглянулись и разбрелись по отделениям. Не прошло и десяти минут, как резолюция Мика облетела всю фабрику. Каждый стал на работу, и от станка к станку, из мастерской в мастерскую, от глотки к глотке понеслась тихая песенка текстилей, ровная, как жужжание бесчисленных веретен. В прядильной пели прядильщицы:

Сестры-прядильщицы, братья-ткачи,
Песню потягивай, нитку сучи!
Днями и нами
Время не шутит, —
Тянет-потянет
И перекрутит...

Ну-тко и мы-тко,
С ним заодно,
Из ты-ся-чи ни-ток
Станем одной!

В сотне ткацких отделений бодро подхватывали:

А не ты ли бил, батан,
Разным людям на кафтан?
Что ново —
Для одного,
Что похуже —
То для дюжин,
Плоховато —
Своему брату,
Поярчей —
Для богачей?!

И все вместе, сколько их было, многотысячным плавным
напевом кончали песню:

Не будет ни сирого
У нас, ни вельможи,
Для нового мира мы
Выткем одёжи.....
Эх, да!
Не будет ни сирых
У нас, ни вельмож, —
Для нового мира
Одёжу даешь!
Просторную, легкую,
Чтоб одевалась
Каждым, кто в мир придет,
На труд, на радость.....
Сестры-прядильщицы, братья-ткачи,
Песню потягивай, нитку сучи!

Между тем Мик было далеко не спокоен. Провалившись в трубу, он быстро прошел километр, отделявший Мидл-тоун от компании Америкен-Гарн, выкарабкался возле своего станка на деревообделочном и угрюмо посмотрел на истощенного, немолодого гостя, прохаживавшегося по мастерской в ожидании.

— Дело путается!—пробормотал он, налегая на рубанок: — я удерживаю ребят всячески. Месс-Менд постановил не бастовать, пока мы не развернем врага на собственной ладони. Что-то ты мне расскажешь про континентальные делишки?

— Собака в наших руках, Мик. Боб Друк отслеживает майора Кавендиша со стороны Англии. Том ездит на его месте загримированный под Боба. Сорроу разрывается между Гаммельштадтом и Веной. Но это покудова одна мелочь.

— Повидимому, — медленно заметил Тингсмастер, — ставка будет поставлена на майора. Англия затеяла прибрать к рукам мусульманский Восток. Вам следует, дружище, во что бы то ни стало...

Гость поднял голову и посмотрел на него пристально.

— ... Во что бы то ни стало сорвать маску с Кавендиша, а для этого отыскать его, живого или мертвого, набальзамированного или набитого собственным навозом!

Глава восьмая

ДИСПУТ В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ КЛУБЕ

Каждую субботу в читальне маленького клуба железнодорожников, находящегося возле трясин Гаммельштадта, происходил религиозный диспут под председательством пастора Питера Вурфа. Сюда приходили католики и протестанты, верующие и неверующие, ищущие и нашедшие, которым так и не терпится сбыть всем окружающим то, что они нашли.

Именно к последнему типу принадлежит, повидимому, мрачный мужчина с многозначительно поджатыми губами, пришедший раньше всех и усевшийся возле читального стола. Посидев смирнехонько минуты две, он завозился на стуле, поднял пятерню к уху, потом к шее, потом к затылку и по этому чесальному маршруту мы тотчас же узнали в нем сторожа Краца. Не успел он дойти до подмышек, как дверь растворилась, и вошел второй посетитель в широкой черной шляпе, нахлобученной до самого носа. Он сел к столу, взял газету, уткнулся в нее и вдруг разразился таким скрипучим хохотом, что сторож Крац вздрогнул и перестал чесаться.

— Хи-хи-хи, сударь! — заскрипел он, ударяя кулаком по газете и подсовывая смятое место под нос соседу: — прочитайте-ка эту враку!

Сторож Крац, то поднимая, то опуская брови в такт каждому слогу, прочел:

ПОРТ КОВЕЙТ. Сюда съезжаются многочисленные мусульмане в ожидании перевезения останков покойного майора Кавендиша для празднования «недели Кавендиш», установленной в честь покойника. По прошествии трех дней, во время которых изуверства дойдут, по опасениям английской полиции, до границ, во много превосходящих празднество Мохаррам, процессия пойдет с останками майора к Элле- Кум-

Джере, чтобы похоронить их в специально устроенном мраморном склепе. Для географических судеб мусульманства крайне важно образование этого нового святого места (центра будущих мусульманских средоточий) вместо Иерусалима, Мекки и Медины, в английской зоне влияния, поблизости Индии.

— Ну, и что ж с того? — равнодушно спросил Крац.

Человек в черной шляпе потер руки, хихикнул и снова схватился за газету.

— Я не говорю, сударь, что тут что-то есть! Я ничего не говорю! С какой стати мне говорить! Молчанье, сударь, гробовое молчанье, особенно для моей профессии могильщика!

С этими словами он закатился неистовым хохотом. Между тем дверь начала поминутно хлопать. Один за другим входили посетители диспута и рассаживались вокруг стола. К небольшой кафедре проследовал пастор Питер Вурф, всегда повязанный гарусным шарфом.

Внимание сторожа Краца тотчас же обратилось на пастора, и странный могильщик был им на время забыт.

— Братья, — произнес пастор носовым голосом, — будем продолжать наше собеседование о чудесах господних. Что есть чудо для человеческого ума? Это есть слабость характера, други мои, недостойная лютеранина!

— Неужели, херр пастор! — прошептала старая прихожанка.

— Именно! — твердо отрезал пастор. — Когда к хорошему лавочнику приходит добрый, хороший покупатель, уважаемый во всем городе, что он ему говорит? Он говорит: положи в корзину, добрый друг, то и то, окорок ветчины, кию меду и кило сыра и еще разного товару и отправь это в дом мой. И что отвечает хороший хозяин уважаемому покупателю? Разве он скажет ему: «Оставь в залог часы твои или выложи деньги наличными, прежде чем начну упаковывать»? Нет, но он скажет: «Иди к себе, друг мой, еще не зайдет солнце, как сделаю по слову твоему». И верит хороший лавочник покупателю, и верит покупатель лавочнику,

и недоверия нет между ними. И вот, братья, не таким ли должно быть отношение лютеранина к богу? Верю ему без чудес его, и не надо мне в залог ни часов, ни запонок, и не надо чудес ни с неба, ни с подземли, ни в воде, ни в воздухе, для веры истинной и неколебимой!

В зале раздались тихие всхлипывания. Пастор Питер Вурф сорвал с шеи гарусный шарф и приложил его к очкам. Как вдруг в этой атмосфере, полной уважения и доверия, раздался голос, зазвучавший грубо и резко, как какое-нибудь известие о гарантийном договоре со столбца иностранной газеты. Голос принадлежал сторожу Крацу.

— Желаю возразить!—рявкнул сторож Крац.

Сотни умиленных глаз взглянули на него с явным попреком.

— Желаю возразить! — повторил сторож: — как я есть тот самый человек, который своими глазами видел небесное чудо, вовсе даже против своей совести не будучи католиком! Прошу слова!

— Говори, чадо, — терпеливо ответил пастор Вурф, сокрушенно наблюдая, как все его прихожанки впились глазами в недостойного сторожа и так и задрожали от любопытства.

— Чудо это есть святая истина происшествия, в чем приношу клятву расписанием поездов по всей линии и в жизни и целости своей головы, чтоб ей оторваться на виселице, коли я вру! — торжественно начал Крац, обводя всех сверкающими глазами: — спросите у начальства, коли я беру в рот хмельного или чего прочего, отшибающего память! А только в тот день была темная ночь, и я пошел по службе, стоя у своей будки, и молчал, как всегда, говоря, что молчание золото, а слово серебро. Стою это я у будки и вдруг, не будучи католиком, помолился господа богу о чуде.

— Вот оно, неверие века сего! — грустно воскликнул Питер Вурф.

— Дай, говорю я, господи, мне хорошую собаку — пса для сторожевой службы разведки! И тут в эту самую минуту с неба гав-гав, и прямо мне на руки огро-о-мная собачище-пес с мордой, хвостом и лапами, и язык мне прямо под-

щеку, а вокруг в тот день, заметьте себе, была полная ночь, и с неба ничего не капало! Прошу объяснить господина пастора, с какой стати приключается это чудо с лютеранином, который не есть католик?

Вокруг раздались изумленные возгласы. Прихожанки обступили сторожа тесным кольцом. Каждая из них спешила задать ему богословский вопрос насчет того, была ли собака с плотью или только видение, и не был ли на ней ошейник с номером, или она была беспризорная, и особенно почему сторож Крац попросил собаку, а не выигрышного билета с хорошим номером или сумки с золотом, или, по крайности, новой пары?

А самая верующая из прихожанок раздирающим душу голосом требовала, чтоб он немедленно помолился о новом чуде для всего собрания, и хотела, чтоб публика расступилась. Напрасно пастор Питер Вурф клеймил все такие выпадения корыстными и богомерзкими, напрасно сторож Крац запустил пятерню в шевелюру, публика бесновалась и требовала немедленного чуда для проверки. Неизвестно, что произошло бы дальше, если б человек в черной шляпе не залился снова своим скрипучим хохотом и не сунул пастору Питеру Вурфу ту самую газету с тою самою отметиной, которую уже совал без особенного успеха сторожу Крацу.

— Прошу слова! — заскрипел он таким пронзительным голосом, что в клубе тотчас же водворилась тишина: — я тоже имею сказать слово о чуде! Пусть пастор Питер Вурф почитает в газете про Порт Ковейт!

Пастор ровным голосом и не без скорби об иноверцах прочел вышеупомянутую заметку.

— Все слышали, ха-ха-ха?! — воскликнул человек в черной шляпе.

- Все, — хором ответило собрание,
- Слышали про священные останки?
- Слышали!
- Про талисманы?
- Ну да!

— Что их зароят в святую могилу и будут целить ими больных и раненых?

— Да в чем дело-то?

— Ну, а коли я вам так-таки и не скажу в чем дело? — игриво ответил человек в шляпе, натягивая ее чуть ли не по самый рот: — слышали и намотайте себе на смекалку, что, дескать, открыты святые мощи! Молчание! Гробовое молчание! Дескать, стал бы господь бог исцелять людей костями первого пьяницы на селе? А если б стал, так не значит ли это, судари мои, что господу богу можно подсунуть какую ни на есть бумажку, а он, сердяга, подмахнет, по самому что ни есть доверию? Вот оно каково мое мнение, господин пастор и потаенные братья! Хе-хе-хе! Молчание! Могильщик Брекер не из таковских, чтоб болтать, чего не следует! Адье!

И странный человек выбежал из залы клуба, прежде чем настор Вурф и его паства могли опомниться от удивления.

Глава девятая

ВСТРЕЧА ЛЮДЕЙ, УМЕЮЩИХ ХРАНИТЬ ТАЙНЫ

Гробовщик Брекер выбежал не один. Вслед за ним поднялся пожилой человек, до сих пор скромненько сидевший в углу и сосавший трубку. Он заложил руки за спину, догнал гробовщика и, идя рядом с ним, одобрительно пробурчал:

— Ге! Хорошо вы, сударь, отбрили их!

Брекер подозрительно оглянулся.

— Я говорю, сударь, ловко вы их отбрили! Я сам люблю морочить публику. Четыре года тому назад... Э, да куда вы?

Брекер шмыгнул в переулок. Но человек с трубкой поворотил вслед за ним, ничуть не смущаясь.

— Четыре года назад, сударь, со мной случилась точь в точь такая история. Покупка чужого тела. Подмен. Небольшая операция с покойником. Жаль, что я связан клятвой, а не то рассказал бы вам премиленькую историю. Ведь я могильщик из города Ганау.

— Как, вы тоже могильщик? — вырвалось у Брекера.

— А то как же, сударь, — хвастливо ответил человек с трубкой. — Стану я разговаривать с первым встречным, тоже подумаешь! Я, сударь, известен как самый молчаливый мужчина в округе. Про меня так и говорят: «гроб проболтается, а могильщик нет». Можете спросить в Ганау, кого хотите.

— Я тоже не из болтливых, — хмуро ответил Брекер.

— Не спорю, сударь, не спорю. Видать по лицу, что вы не любитель тратить слова по пустякам. Но я, сударь, чемпион молчания.

— Чемпион! А почему вы так о себе воображаете?

Человек с трубкой снисходительно улыбнулся.

— Зачем воображать? Разве вы не знаете, сударь, что у нас в Ганау была комиссия? Ну, разумеется, выбрали жюри. А жюри приходит ко мне поздно вечером, стучит в окошко

и протягивает золотой жетон, — дескать, тому, кто умеет хранить тайны. С тех самых пор я чемпион.

— У нас в Гаммельштадте комиссии еще не было, — кисло ответил Брекер: — но ко мне, сударь, и без того обращаются по всяким делам, где нужно привесить на рот замочек. Сознаюсь вам, таких дел у меня больше, чем покойников.

— Вот и у меня тоже! — подтвердил человек с трубкой: — покойник — он что? Лежит себе и лежит без процентов капитала. А секрет для умного человека и чемпиона не что иное, как оборот! Вы не продешевили ль, сударь, на этом деле с Кавендишем?

Брекер вздрогнул, оглянулся и понизил голос:

— Какое такое дело? С какой стати вы спрашиваете?

— Странно, право! — обидчиво отозвался человек с трубкой: — если я с вами говорю, как могильщик и чемпион молчания, можете как будто не беспокоиться за последствия. Конечно, если вы себя не считаете достоверным, сударь, это дело другое. Я сам против разговора, в котором нет достоверности.

— Ха-ха-ха! — неожиданно расхохотался Брекер: — достоверность! Да я, ежели захочу, могу получить десять таких жетонов! У вас в Ганау такие дела и во сне не приснятся. Достоверность! А что вы можете возразить, сударь, на смерть пьяницы Бертеля, у которого, кроме бутылки, не было ни одного близкого сосуда? Я вас спрашиваю, что вы сможете возразить на факт?

— Гм! — задумчиво ответил человек с трубкой.

— И, сударь, стали бы вы держать пари, копая для пьяницы Бертеля яму, ибо его похоронить не пришел даже трактирщик, которому Бертель пропил, можно сказать, всю свою наружность и внутренность, что этот самый забуддыга Бертель наполнит ваши карманы золотом, а сам начнет творить чудеса под видом святых мощей, о чем даже пропечатывают в газетах, не в обиду будь сказано дураку нашему пастору, с чего только зазнавшемуся, неизвестно, когда его собственная жена готовит ему во чреве восьмое чудо ни от кого иного, как от пономаря Франца?

— Гм! — опять ответил человек с трубкой.

— Какая же вам еще достоверность, сударь, ежели среди темной ночи вас хватают за плечо и говорят, что студентам нужен покойник для ихней анафемы, а платят-то не четыре марки, а сто марок золотом — за Бертеля! Что ж я дурак, что ли, по-вашему, не проследить этих самых студентов и не намотать себе на ус, когда вдруг весь Гаммельсгадт заговорил об убийстве Кавендиша, а ночью стали обшаривать Гаммельштадтскую трясику, точно искали иголку, и притом нанимая всех, кого попало, ну и меня в том числе, — что ж я дурак, что ли, сударь, не разнюхать-то тело несчастного майора, когда его подобрали, как котлетку, хоть и разнесенное на мелкий фарш, однакоже проспиртованное запахом, который я, можно сказать, узнал бы с завязанными глазами, потому как начихался над пьяницей Бертелем еще в его грешном виде?

Выпалив эту речь, как с полбутылки пивной пены, взвившейся к небу вслед за выскочившей пробкой, могильщик Брекер доверчиво подтолкнул локтем в бок своего коллегу и добавил:

— Так вы, сударь, того уж... коли увидите эту самую комиссию, шепните ей насчет моего адреса. Гаммельштадтское кладбище святого Бонифация... могильщик Брекер. Нем хуже могилы!

— Ладно! — мрачно ответил человек с трубкой: — я буду не я, если вас не сделают чемпионом! Идите себе спокойно домой и ждите жетона!

Глава десятая

НЕОБЫЧАЙНЫЕ СОБЫТИЯ В ЛОНДОНСКОМ МОРГЕ

Останки вероотступника Кавендиша были затребованы из Гаммельштадта Англией и выставлены в лондонском морге. Но в ту же ночь толпа лондонских мусульман ворвалась в морг. Сторожа были избиты и позорно изгнаны, останки майора заключены в хрустальный ларец, и многотысячная толпа арабов, турок, персов, афганцев, индусов и всех цветных, кто только исповедывал магометанство, в пестрых национальных костюмах (взятых, по словам коммунистической газеты, из Бритиш-Музеума) устроила грандиозную демонстрацию, повергшую в трепет весь Лондон. Хрустальный ларец водрузили на катафалк. Волоокий джентльмен цвета жареного каштана выступил с пламенной речью, не предусмотренной ни властями, ни полицией. Может быть, именно вследствие этого волоокий джентльмен успел от начала и до конца сказать все, что намеревался, в то время как двадцать два сыщика и взвод полисменов, разинув рты, глядели на подобную наглость.

— Джентльмены, синие, красные, желтые, померанцевые, фиолетовые джентльмены! — произнес он на чистейшем арабском языке: — не верьте хищникам империализма, не верьте, что наш святой, наш ага, наш голос пророка, новое воплощение Будды, заступник, магометово око, наш незабвенный майор Кавендиш убит своей женой. Кто такая его жена? Ее никто не знает, не видел и не собирается разыскивать! Она была наемным агентом капиталистов и империалистов!

При этом выводе даже старый, почтенный индус, лежавший у самых ног проповедника, до такой степени вздрогнул, что у него оторвалась седая борода. По словам той же коммунистической газеты, под ней обнаружился острый подбородок Фрэда Пинта, молодого студента-арабиста. Но

кошунственные догадки коммунистической газеты не дошли до публики в виду того, что газету запретили в тот же день и на все последующие дни..

— Джентльмены, — продолжал волоокый проповедник, рыдая навзрыд, — я имею тут на груди доказательства, что наш мученик пострадал за проект свободы. Он намеревался освободить все колонии — французские, голландские, японские, испанские и американские! Он намеревался объединить их с великобританскими колониями в великий союз народностей, чья свобода, честь, слава и имущество охранялись бы дружественными жерлами великобританских пушек и стальными грудями наших броненосцев. Но чудовищные интриги правительства помешали ему. Майор Кавендиш убит, уничтожен, но дух его жив, дело его...

Рыдания помешали проповеднику закончить. Он сунул руку за пазуху, вырвал оттуда пачку бумаг и бросил их прямо в толпу цветнокожих, распорядившихся тотчас же духовным наследством майора по-своему: они разорвали его на тысячу клочков, и каждый спрятал драгоценный амулет у себя на груди.

Не прошло и получаса, как речь была повторена неистовыми цветными людьми на всех языках, какие существуют под тропиками и над тропиками. Только после этого спохватившиеся полисмены бросились на проповедника, как тигры. Они схватили его за плечи, потрянули несколько раз за шиворот, уперли ему под нос револьверные дула и вообще подогрели возмущение и негодование толпы до такой степени, что, когда волоокый джентльмен был, наконец, сунут в полицейскую карету, вся многотысячная толпа, стена и охая, отправилась вслед за ним.

У катафалка с хрустальным ларцом остались лишь сторожа да немногие любопытные, с удивлением следившие за странным белым человеком, ведшим себя ничуть не хуже цветных. Это был круглолицый, заспанный парень с глазами, сонными, как у рыбы, с покрасневшими от слез веками. Он беспрерывно всхлипывал, моргал, икал и бил себя в грудь с таким отчаянием, что один из сторожей не вытерпел и подошел к нему вплотную.

— Чего это вы разрываетесь, парень? — спросил он с состраданьем: — видать, будто вы не из полосатой породы.

— О-ох! — простонал круглолицый, положительно давясь от собственной жидкости, заливавшей ему все шлюзы: — несчастный я человек! Погибший я человек! Ведь я наследник побочной линии!

Сторожа расхохотались.

— Так тебе, брат, нечего делать в Лондоне. Езжай-ка прямехонько в Ульстер, в родовой замок Кавендишей. Там тебе может что и перепадет, если только, — здесь сторожа переглянулись, — если только министерству колоний не понадобятся все старые майоровы брюки.

— Эй, ты, помалкивай! — грозно вмешался полисмен, на которого политическая разговорчивость сторожа произвела очень неприятное впечатление. Круглолицый парень принял, повидимому, совет сторожей прямо к сердцу. Он круто повернулся и зашагал прочь, пробормотав себе под нос:

— Ну, здесь нечего больше делать! Проедемся в Ульстер.

И в самом деле, миновав несколько лондонских улиц, уже успевших завернуться в густой туман, он дошел до вокзала, взял билет в Ульстер, сел в вагон третьего класса и немедленно заснул, предварительно убедившись, что у него нет соседей ни в этом, ни в смежном отделении.

Маленький городок Ульстер в вечернем сумраке производил самое умиротворяющее впечатление. Несколько кэбов с дремлющими кучерами стояло у вокзала. Что касается вокзальных часов, то они тоже стояли, по причине тихой дремоты вокзального коменданта. Дремали даже четыре чистильщика сапог, после того как вычистили друг другу сапоги до самого верху. Надо сказать, что город Ульстер мирно отдыхал от предвыборной кампании, только что давшей английскому парламенту двух пивных заводчиков и одного бутылочного фабриканта.

Но, когда круглолицый парень вышел на улицу и сказал кэбмену: «Замок Кавендиш!» — мир этот был тотчас же нарушен.

Кэбмен вздрогнул, точно наступил на змею. Соседи его

повскакали с козел и окружили круглолицого парня, глядя на него во все глаза. Чистильщики сапог разинули рты и выронили щетки.

— Кав... кав... ввендиш! — пробормотал извозчик, побледнев, как от желудочной колики: — да вы, молодчик, христианин или нет? Кавендиш! Найдите смельчака, который свезет вас туда, хотя бы за десять фунтов.

— А за двадцать? — миролюбиво ответил парень.

Извозчики переглянулись и почесали за ухом.

— Дело-то, видите ли, не чисто, — промямлил одни, — если бы еще утречком, а то к ночи...

— Да говорите вы толком! Я плачу двадцать фунтов. Кто везет меня в замок Кавендиш за двадцать фунтов?

Тут самый тощий из кэбменов, безмолвно стоявший со своей клячкой в глухом углу площади, внезапно хлопнув бичом, загромыхал к вокзалу и так пронзительно заорал: «Садитесь! Везу!», что все остальные извозчики, на страхе божием воспитанные, так бы и своротили ему скулы, нос, челюсти и прочие части тела, если бы, разумеется, успели это проделать. Но круглолицый парень быстро вскочил в кэб, а тощий возница быстро помчался вперед, и намерение это осталось бушевать на чисто теоретической почве в душах восьми остальных кэбменов, обмеривавших друг друга поистине фракционными взглядами.

— Что они болтали? — спросил тем временем парень, ударив тощего возницу по плечу: — разве в замке Кавендиш кто-нибудь живет после смерти майора?

— Никто не живет, кроме старухи-экономки, — угрюмо ответил возница, — все его слуги разбежались... Поговаривают, что каждую ночь...

Здесь он вздрогнул, неистово ударил свою клячу и замолчал.

— Ну, что же такое каждую ночь?

Но возница остался безмолвным, несмотря ни на какие подвертки круглолицого, пустившего в ход все свое красноречие, помноженное на кошелек и возведенное в куб при помощи вместительного кубического сосуда с приятной на вкус жидкостью. Видя, что никакая дипломатия не помо-

гает, парень оставил в покое кэбмена и занялся обзором окрестностей.

Они ехали по мрачной холмистой местности, почти лишенной растительности. Слева тянулись зыбучие пески, справа — невысокие холмики. Сумерки начинали падать быстро. Птицы уже не пели, ветер стих. Вдруг неподалеку, из песчаных рытвин, лишенных какой бы то ни было растительности, раздался протяжный совиный крик, заставивший вздрогнуть не только возницу, но и самого круглолицего парня.

— Чорт побери, подержите-ка лошадь, — шепнул он, хватая извозчика, — я что-то не слышал, чтобы совы кричали среди песков!

С этими словами он выскочил из кэба и, прежде чем возница мог притти в себя от ужаса, быстро исчез за рытвинами. Прошло десять минут, еще десять минут, еще пять минут. Кучер весь вымок от холодного пота. Кляча его, тщетно пошарив по песчаной дороге губами, задремала, изжевав собственный свой язык. Было уже совсем темно, когда седок возвратился. Он был молчалив, сгорблен, и шапка его была так низко надвинута на нос, что кучер не смог различить не только выражения его лица, но и самого лица.

— В Ульстер, — шепнул он хрипло, изменившимся голосом.

Если бы не радость от поворота в город, кэбмен уж наверное задумался бы над странным изменением этого голоса. Но тут он крепко хлестнул лошадь, возблагодарил судьбу и помчался со всех четырех пар колес и лошадиных ног в добрый старый Ульстер, подальше от чертовщины, привидений, криков совы и прочих ужасов, окружавших замок майора Кавендиша.

«Интересно, сколько он заплатит» — подумал извозчик, уже въехав в город и приостанавливая лошадь.

— Эй, сэр...

Но все прочие слова замерли у несчастного на языке. Поворотившись к седоку, он увидел, что кэб был пуст. Там не было ни круглолицего парня, ни его кошелька, ни обещанных двадцати фунтов.

Глава одиннадцатая

В ЗЫБУЧИХ ПЕСКАХ УЛЬСТЕРА

Между тем круглолицый парень, побежавший на крик совы, не успел завернуть за первую насыпь и нащупать в кармане револьвер, как чей-то кулак пришелся ему прямо-хонько по темени и вышиб у него из глаз целый дождь падающих звезд.

— Готово, — пробормотал кто-то, срывая с него шляпу, куртку и брюки, — нечего тебе выпрашивать да вынюхивать, да разъезжать. Наше дело, брат, нехитрое: за каждую шапку — денег охапку. Понял! Передай-ка все это на допросе у господ бога, да кланяйся от меня покойным родственникам!

С этой в высшей степени радушной речью оглушенного парня легонько приподняли, проволокли и сбросили сверху вниз во что-то холодное, вязкое и дрожащее, как сто тысяч новорожденных лягушек.

— Погиб! — пронеслось в оглушенном мозгу, и парень тотчас же пришел в себя. Он был брошен в зыбучие пески Ульстера, засасывающие человека, словно спичку. Ноги его медленно уходили вниз плавным движением, точно он скользил по паркету или раскланивался на льду. Перед ним, на песчаной насыпи, стоял коренастый человек, занятый стаскиванием с себя рубахи и штанов. Стащив их, он сорвал с головы шляпу, сунул ее в узел, связал все вместе и бросил в пески. Потом натянул одежду, снятую с парня, нахлобучил его шляпу по самые брови, сделал прощальный жест и повернулся к нему спиной.

— Семь минуток, любезный, — хихикнул он зловещим голосом, — через семь минут трясина дойдет тебе до макушки. Ты можешь утешаться, что подъехал к собственной своей кончине прямо на извозчике, да еще вдобавок не заплатив ему ни гроша.

С этими словами он сгорбился, раскорячил ноги и пошел по направлению к проезжей дороге, подражая поход-

ке своей жертвы.

Парень меланхолически поглядел на небо. Известно, что небеса устроены именно таким образом, что в затруднительных случаях ждешь оттуда какой-нибудь подходящей оказии, хотя каждая гусеница знает, что свыше не дается ничего, кроме птичьего помета.

— Неужели крышка? — думал парень: — мамаша, Мик Тингсмастер, прощайте: Менд-месс, ребята! Боб Друк погиб, втяпался, опростово... Эге, это что такое?

Небеса отозвались на усиленную декламацию весьма интересной точкой. Не было никакого сомнения, что точка эта снижалась с быстротой, какая только доступна хорошему пилоту. Боб Друк молниеносно оглядел местность. Возле него торчал узелок, еще не всосанный песками. Друк вытянул руку, вырвал из узелка шляпу и посадил ее на собственную голову с такой силой, что она покрыла ему глаза и нос. Шляпа была огромная пробковая с соломенными полями, прелюбопытной формы. Теперь надо было вопить и махать руками. Если кто-нибудь когда-нибудь спасется из ульстерской трясины, так это он!

С аэроплана глядели в бинокль. Механик, сидевший с пилотом, внезапно опустил бинокль и пробормотал в ужасе:

— Ник Кенворти попал в трясины! Несчастный машет руками!

Тотчас же длинный канат с деревянной перекладной, шипя, полетел в пустоту, раскачался и заходил, как цирковые качели, над каждым квадратным метром ульстерской трясины, пока не пролетел над головой несчастного парня. Он был уже в песке по самый пояс. Тем не менее перекладина попала ему в руки, и через секунду грязный, вываленный в трясине, похожий на вяленую воблу, Боб Друк был вырван у смерти и поднят в кабину, где потребовалось всего десять минут, чтобы залепить тиной глаза механику, а пилота, набоксировав ему спину боковым ударом, уложить под лавку.

Боб Друк не умел управлять аэропланом и не желал делать вид, что умеет. Он добросовестно перепробовал все

рычаги и ручки как раз для того, чтобы честно потерпеть аварию на самом берегу трясины и разбить аэроплан вдребезги. Выскочив из-под обломков, он возблагодарил ульстерскую тину, сделавшую его положительно непроницаемым ни для каких ударов, и первым долгом сунул руку к себе за пазуху. Тина не тронула его жилетки. Друк нащупал во внутреннем кармане то, что ему было нужно.

— Везет мне, — пробормотал он облегченно, — экспедиция запоздает, но не будет отложена. Хорошо, что этот прощальга, которого, повидимому, зовут Кенворти, как написано на его шляпе, — хорошо, что он не содрал с меня и жилетку.

Боб бросил шляпу в тину, убедился, что механик и пилот не нуждаются больше ни в чьей помощи, кроме той породы лошадей, что ходят шагом и носят на голове страусовые перья, — и быстро побежал к проезжей дороге. Найти ее было нетрудно. Вечерний мрак уже давно озарялся такой крупной лунищей, что можно было бы не только читать, но, при желании, собирать на песчаных холмах местную флору для гербария. Боб поглядел по сторонам в бинокль, уцелевший от аварии аэроплана, и радостно вздрогнул.

Перед ним, в небольшой лощине, озаренной полным лунным светом, лежал мрачный маленький замок Кавендиш.

Он был построен в форме небольшого треугольника. Передний фасад выступал ребром, вдоль которого шли две гладких каменных стены с двумя рядами окон, образуя острый угол. Наверху по обе стороны возвышались две башенки, украшенные старинной лепной работой. Фруктовый сад и парк лежали в стороне, вокруг крохотного искусственного озера. Все место казалось таким деланным, неудобным, нелепым, что только дворянский каприз мог заставить Кавендишей из поколения в поколение сохранять подобный ублюдок.

Друк поискал глазами теневое место и осторожно пошел к замку. Через два километра песчаные россыпи замесились меловыми, ослепительно белевшими в лунном свете. Здесь ему пришлось выйти из тени. Он пересек белую до-

рогу, белые холмы, белый двор, не слыша ни единого звука. Собаки не было. Ворота не заперты. Никто не тявкнул, не крикнул, не выстрелил, не выступил. Он позабыл всякий страх и решительными шагами направился к дверям, сверкавшим медными украшениями. Схватив молоточек, по старинному обычаю еще подвешенный к английским джентльменским дверям, несмотря на то, что прочие нации давно уже употребляют гораздо более удобные «английские замки», — Боб Друк только что хотел нарушить тишину смелым стуком, как внезапно замер и покрылся холодным потом.

Из-за угловой стены, медленно волоча ноги, выступило нечто до такой степени страшное, что волосы Боба Друка зашевелились.

Огромный голый человек протащился мимо него. От человека пахло трупным запахом. Глазницы его были пусты и сверкали фосфорическим блеском. Между ребрами зелеными кусками висело отстающее мясо. Шатаясь и охая, чудовище переползло за угол, добралось до маленькой боковой двери и здесь упало, так сильно трясясь и лязгая зубами, что, казалось, весь дворик наполнился зубным скрежетом.

— Не могу! Ни за какие денежки не могу больше! — простонало привидение надрывающим душу голосом, несомненно, принадлежащим существу деликатного пола: — хорошо еще, что я сама его не вижу собственными глазами со стороны. Но Полли из Обершира так его описала, так описала, проклятая, что уж лучше б мне подавиться всеми денежками, чем еще разок влезть в эту проклятую шкуру...

Тут привидение охнуло и завопило, ломая страшные костлявые руки:

— Батюшки мои, не могу, не могу, не могу из него вылезть! Каждую божью ночь вылезала, а вот не могу, хоть умри, не могу. С тех пор как эта проклятая Полли описала мне его, я как помешанная. Вылезу, а вдруг да он станет на собственные ноги... сам... сам... сам... стоятельно!

С этим ужасным предположением привидение, вскрикнув диким голосом, всплеснуло всеми своими костями и упало в обморок, покотившись прямо под ноги изумленного Боба Друка.

Глава двенадцатая

ИСПУТАННОЕ ПРИВИДЕНИЕ, ИЛИ БИБЛЕЙСКАЯ ЯМА, КУДА ПОПАДАЕТ ТОТ, КТО ЕЕ РОЕТ ДЛЯ ДРУГОГО

Видя, что привидение лежит без чувств, Боб Друк живо выскочил из-за угла, схватил его подмышку и втащил через маленькую дверь в дом. Здесь он стянул с него по порядку всю бутафорию, начиная с каркаса и ходуль и кончая разложившимся мясом из-под ребер, а вслед за ним и самими ребрами. Всю эту музыку он немедленно швырнул в камин, зажег и только тогда взглянул в лицо привидению. Перед ним была экономка средних лет, а каждый, кто имеет представление о родовых замках и холостых майорах, может в высшей степени точно представить себе и экономку средних лет; предпочтительно брюнетку, с мешочками под глазами, с губками бантиком и с бровями, немного приподнятыми у переносицы в виде двух запятых, опущенных к вискам. Короче сказать, на обязанности экономки средних лет лежит всплескивание руками, упадение в обморок, звяканье ключами, крик души, непонятное одиночество, рюмка горячительного и воспоминание о прошлом, что точка в точку приложимо и к экомке майора Кавендиша, лежавшей в настоящую минуту в объятиях Бока Друка.

Вздрогнув под водяной струей, sprыснутой на нее из собственного рта Боба, экономка начала приходить в себя. Она взметнула всеми своими оконечностями, затрепетала, как крупная рыба, и открыла глаза. При виде незнакомого круглолицого мужчины, державшего ее за талию, экономка заорала неистовым голосом и предпочла снова потерять сознание.

— Не бойтесь, моя душенька! — вкрадчиво пробормотал Друк, не обращая никакого внимания на новый обморок: — я честный человек, прибывший к вам с вечерним поездом из Лондона. У меня к вам небольшое частное дельце, тако-

го благородного характера, что вы даже не откажетесь расписать со мной по рюмочке, если только скрепитесь и выслушаете меня.

— А разве вы не видели... его? — содрогаясь, прошептала экономка.

— Его, душенька? Я не видел никакого «его» и надеюсь, что у вас нет ревнивого супруга с дубинкой в руках!

— Его!.. — снова повторила экономка, трясаясь как в лихорадке. — Он... он ужасен. Я боюсь его больше, чем страшного суда, и прошу вас, сэр, поискать тут в комнате, не стоит ли он где-нибудь между двумя шкафами и не висит ли на вешалке?

Боб Друк добросовестно посмотрел между шкафами и вернулся к взволнованной женщине:

— Никого, сударыня, здесь нет, кроме каких-то странных стрючков, догорающих в камине и похожих на остатки картонного скелета.

Женщина открыла глаза, устремила их в камин и потом, с выражением неописуемой благодарности, подняла их к потолку.

— Он взбесился и сжегся!.. — прошептала она прерывающимся голосом: — я... я благодарна вам, сэр, кто бы вы ни были! Должно быть, ваш вид подействовал на него, и хоть, признаюсь вам, мне не велено сюда пускать ни единой живой души, но испытание было выше моих сил. Вы получите, сэр, ужин и ночлег! Вы получите рюмочку! Обождите только самое необходимое время.

С этими словами воспрянувшая духом женщина быстро засуетилась по комнате, постелила скатерть, налила чайник, распахнула шкафы, и перед счастливым Друком, под звеньканье, дребезжанье и треньканье всякого рода посуды, показались гусиный паштет, мясной пудинг, пирог с цыплятами, маринованная рыба и графинчики всех цветов спектра, сопровождаемые рюмочками.

— Легкая вечерняя закуска, сэр, — журчала экономка, усаживая Боба на самое почетное место и садясь сама спиной к камину. — Кушайте правой рукой, сэр, и придержите меня левой, чтоб я снова не потеряла чувств. Завтра я уго-

щу вас горячим ульстерским фазаном, нафаршированным грецкими орехами в молоке. Покойный майор...

Боб Друк грустно покачал головой.

— Я знаю, что он любил фазанов! — прошептал он таинственным голосом: — именно, как вы говорите, — ульстерских фазанов, нафаршированных грецкими орехами!

Экономка вытаращила на него глаза:

— Любил, сэр? Я только что собиралась сказать вам, что он их терпеть не мог, и при его жизни я, скрепя сердце, воздерживалась от этого блюда, потому что, да будет вам известно, сэр... нет, нет, не жмите меня, я не подразумеваю ничего дурного... в начале нашего знакомства мы... мы кушали за одним столом!..

Боб Друк сострадательно вздохнул:

— Удивительно, как женитьба влияет на человеческий характер, дорогая моя леди! Вы говорите, он терпеть не мог фазанов? А между тем, не успел майор войти со своей красавицей-женой в вагон, как тотчас же поманил меня к себе: «распорядитесь, — так и заорал он, — чтоб мне приготовили пару настоящих ульстерских фазанов, нафаршированных грецкими орехами!»

Экономка всплеснула руками.

— Провалиться мне, если это не запечатлелось в моей памяти! — энергично продолжал Друк. — Майор при этом добавил: «моя жена обожает фазанов, — а что любит миледи, то люблю и я!»

На этот раз экономка выслушала, как окаменевшая. Губы ее поджались с таким видом, что, если б они были барометром, ни один капитан не вывел бы свое судно в море, предпочтя при таких признаках лучше зазимовать на рейде.

Между тем Друк, ничего, повидимому, не замечая, оказал честь гусиному паштету, цыплячьему пирогу, пудингу и рыбе, облегчая их сухопутный маршрут усиленными возлияниями из графинчиков.

— Скажите мне, сэр, — произнесла экономка, не дотронувшись ни до одной из тарелок, — по какому, собственно, делу вы ко мне попали?

Друк вынул зубочистку, уселся поудобнее и начал:

— В моем лице, душенька, вы видите человека с укорамми совести. Я служил проводником в международном вагоне! Когда майора Кавендиша выбросила из окна его красавица-жена, — между нами будь сказано, даже не отведавшая фазанов, — полиция забрала ее в тюрьму и опечатала багаж майора. Но, подметая купе, я нашел...

Друк вытащил лакированный модный дамский ридикуль с пряжкой из настоящего халцедона. Экономка впиалась в него глазами.

— Первым моим побуждением, душенька, было вернуть его мистрис Кавендиш. Но где была мистрис Кавендиш? В немецкой тюрьме! Я раскрыл ридикуль...

(Друк раскрыл ридикуль...) —

— он был, душечка, точь в точь как теперь, набит золотом !

С этими словами Друк запустил в него руку и побряцал на ладони сверкающими золотыми монетами:

— Долго я думал, кому, собственно, сдать эти вещи, и, признаюсь, сильно склонялся к мысли выйти в отставку и завести себе огородик. Но совесть, душечка, заела меня. Совесть толкала меня не хуже, чем полицейский, прямехонько под жабру и привела прямо сюда, к законным наследникам майора. Берите, душечка, не сомневайтесь!

С этим благородным выводом Друк отер слезу и протянул ридикуль прямо в руки восхищенной экономки. Излишне добавить, что честная женщина несколько минут сомневалась, имеет ли она на него право. Но, когда Друк победил все ее сомнения, ридикуль был спрятан в самый дальний угол самого пузатого комода, запертого самым крепким ключом, она почувствовала неожиданный прилив такой сильной благодарности, что немедленно схватила свечу и предложила Друку итти в гардеробную мистера Кавендиша.

— Вы малость повымазались в тине! — прошептала она нежным голосом: — пара хороших брюк была бы вам кстати!

Друк не отказался, но, как только они очутились в гардеробной, он выразил сильное желание навестить все фа-

милые места майора Кавендишей, начиная с портретной галереи и кончая склепом. На лице экономки мелькнуло что-то вроде испуга. Она прислушалась к ночному безмолвию замка, и свеча затряслась в ее руке.

— Послушайте меня, сэр, — пролепетала она тихо, — конечно, я не смею ни в чем отказать вам... Но не ходите, уж лучше не ходите никуда! Взгляните-ка на этот шнурок...

Она показала Друку толстый черный шнур, огораживавший узенький путь в коридорную майора и преграждавший все остальное пространство, покрытое густым слоем пыли:

— Взгляните-ка, ни одна живая душа не была пущена в комнаты майора со дня его отъезда, не считая и меня самой! Если вы наклоните свечку, вы сможете даже увидеть здесь отпечаток следов самого майора!

Она не успела закончить, как Друк вырвал у нее свечу, наклонил ее и увидел на пыльном полу два бледных, но явственных следа от небольшой мужской ноги. В ту же минуту в глазах Друка сверкнуло страшное изумление, брови его поднялись, а изо рта раздалось нечто вроде мальчишеского свиста. Он глядел на след не больше секунды. Потом с неожиданной быстротой повернулся к экономке:

— Не дадите ли вы мне, душечка, пару поношенных сапог майора? — произнес он крайне легкомысленным голосом, вперея в нее острые глаза с таким выражением, точно ждал и угадывал все, что произойдет на ее лице после этого вопроса.

Так оно и было, Боб Друк! Повидимому, сапоги майора отдать куда труднее, чем брюки. Экономка мистера Кавендиша смутилась, насупилась и прикусила себе губу, словно сболтнула что лишнее.

Глава тринадцатая

КАБАЧОК «КОШАЧИЙ ГЛАЗ»

В три часа ночи на окраине Вены полицейские могли наблюдать весьма обычное в Австрии явление: падающую девушку. Не то чтобы она падала в фигуральном смысле, как звезда, теряющая славу, или хорошая бургерша, теряющая невинность; она падала в самом честном и прямом направлении, от высоты собственного роста прямехонько на тротуар, где к тому же было дьявольски мокро от дождя.

Полицейские сердито подошли к ней и схватили ее за плечо.

— Проходу нет от голодных, — проворчал один.

— Чорт их знает, зачем они шлятся! — поддакнул другой. — Коли ты хочешь есть, сиди дома, — сбережешь по крайности фунтик своего собственного мяса, если только он сохранился у тебя где-нибудь подмышками.

Ни тряска, ни философия не вызвали у несчастной ни малейших признаков жизни. Это была хрупкая, тощая женщина, не старше восемнадцати. Лицо ее осунулось и заострилось, не потеряв от этого миловидности. Нос и щеки покрыты веснушками: мягкие невьющиеся волосы прядями свисают на лоб.

— Нечего делать, тащи ее в «Кошачий глаз».

— Франц! — недовольно отозвался другой.

— Говорю тебе — тащи! Чего там: «Франц, Франц!» Не бегать же по ее милости за извозчиком, да еще по такой погоде. А в «Кошачьем глазу» — ты сам понимаешь...

— Если только они не взгреют тебя за доставку этой курицы как-нибудь по-другому, чем ты надеешься, — осторожно пробормотал полицейский, таща девушку вслед за своим товарищем.

Узкая темная улочка кончалась почти у самого выезда в город: дальше шел уже дачный пейзаж, то есть целый лес телеграфных столбов, зимой и летом одинаково цветущих белыми бутонами, опадающими разве только в карман са-

мого последнего воришки. За лесом шли овраги и рытвины, бывшие глинобитни, густо усеянные остатками от пикников: бумажками, окурками, жестянками, ножами, бутылками, и два-три раза в месяц — двумя-тремя проткнутыми трупиками — процент сравнительно небольшой, особенно с точки зрения тех добрых самаритян, кто привык стаскивать сапоги с людей, ушедших на покой, не успев сделать этого самолично.

Кабачок «Кошачий глаз» сверкнул из темноты круглым ярко-желтым фонарем, разрисованным узкими черными полосками из центра к окружности, что и делало его странно похожим на данное кабачку название.

— Кто идет? — шепнули навстречу полицейским.

— Свои! — ответил первый из них, выступя из темноты к свету. — Не откачаете ли вы вот эту уличную, свалившуюся тут поблизости?

Две руки в форменном обшлага протянулись за девушкой и куда-то втащили ее, после чего между их хозяином и вновь прибывшими произошла тихая беседа, уже по поводу собственной откачки, на которую последовало согласие. Не прошло и минуты, как в руках полицейских очутилось несколько бутылок, а желтый «Кошачий глаз», проливавший свет на всю грязную улицу, освещал дружеские фигуры десяти или двенадцати полицейских. Такое изобилие блюстителей порядка перед самым мрачным из притонов, повидимому, не влияло ни на хозяина, ни на посетителей кабачка. По крайней мере с десятков отвратительных бродяг, задрапированных в рваные плащи и с нахлобученными по самые брови шапками, пробралось мимо них, бормоча какое-то одинаковое слово, менее всего похожее на проклятие.

Голодная девушка очнулась от обморока в низкой, душной, дымной комнате, освещенной таким же полосатым фонарем, какой висел у входа. Лица обступивших ее бродяг тоже казались полосатыми. Один из них сунул ей в рот бутылку с водкой и, когда она вперила в него свои голубые глаза, налег кулачищем на ее коленку. Девушка вздрог-

нула, подмигнула и отпила из бутылки. Тогда человек встал, отошел к стойке и начал перемывать стаканы.

Ожив и придя в себя, девушка села и вызывающе улыbnулась. Голубые глаза ее оглядели всех полосатых и тотчас же убедились в том, что каждый из них был пьян не больше, чем она, и старался быть и пьяным, и грубым, и развязным с усилиями, не меньшими, чем ее собственное. Это открытие заставило девушку хрипло расхохотаться, вскинуть ногу на стул, сделать жест самой отчаянной проститутки и попросить у ближайшего соседа папироску.

Через минуту соседний бродяга был подхвачен ею под руки и водворен в темном уголке, между большой кадкой, с пальмой побитой красным эстрадой, с которой несли визгливый, острый, тоскующий джаз-банд. Бродяга усиленно подливал ей и подкладывал на тарелку, поглядывая вокруг себя внимательными глазами и мало обращая внимания на то, ест или нет его непрошенная подруга. Когда спустя полчаса она упала на стол головой и захрапела, он с жестом отвращения оттолкнул ее руку, вцепившуюся ему в рукав, и кивнул головой слуге.

Тот подошел качающейся походкой инвалида. Старые подслеповатые глаза его были белы от усталости.

— Уберите эту женщину, — брезгливо пробормотал бродяга, царственным жестом указывая на проститутку.

— Ладно, успеешь, тоже не велика птица, — пьяным голосом ответил служащий, отходя к стойке.

Бродяга вскочил, но в ту же минуту сел снова. Навстречу ему из глубины кабачка шел незнакомец, шатаясь, как его собственное зеркальное отражение.

— Фламинго? — прошептал он вопросительно.

— Готовы к отлету, — тихо ответил первый бродяга, — эта женщина спит, не бойтесь.

Подошедший тронул женщину кончиком своей палки. Спящая не шевельнулась. Храп равномерно вырывался из ее стиснутых зубов. Тогда он сел, придвинул губы к уху первого бродяги и шепнул по-французски, с явным английским акцентом:

— Вот вам две главных новости: Англия потворствует культу Кавендиша, под видом его преследования. И кроме того... кроме того — собака не найдена. Повидимому, — она жива.

— А! — сквозь зубы вырвалось у бродяги. Он уже встал чтоб уйти. Но в ту же секунду он увидел в маленьком ком-с-м зеркале нечто такое, что заставило усы его шевельнуться. Маленькая проститутка не спала: она лежала, прикрыв ладонью пару трезвых голубых глаз, так и впившихся в каждую черточку его собственного лица.

— Нас подслушали, — холодно сказал он по-немецки, нагибаясь к проститутке и окидывая ее жестоким взглядом, — будьте добры предупредить Гонореску.

С этими словами он продел свою руку через руку незнакомца, и два грязных, оборванных, шатающихся, пьяных, отвратительных полуношника вышли из кабачка самой подозрительной походкой, какая только может смутить в этом месте человеческое воображение: походкой чистокровных джентльменов.

У подъезда они тотчас же разошлись. Незнакомец юркнул направо, бродяга налево, где стояла группа полицейских.

— Франц, дайте мне огня, — лениво проговорил бродяга, останавливаясь перед полицейскими и поджидая, пока десяток рук протянутся к нему со спичками: — в чьей карете приехал Дельсарт — вы не заметили?

— Как же, ваше превосходительство, — прошептал полицейский, — в экипаже американского посланника.

Пока этот замечательный разговор происходил под покровом ночи, девушка с голубыми глазами, похолодев от ужаса, сидела в глубине кабачка. Ей казалось, что странные полосатые стены сдвигаются, странные полосатые лица расплываются во все стороны, желтый кошачий глаз с потолка бросает на нее целый сноп черно-желтых пронзительных взглядов и джаз-банд взмахивает над нею чем-то вроде хлыста с окровавленными зазубринами. Озноб потряс ее худенькое тельце, она вытянула перед собой руку, встала и — как подкошенная свалилась вниз.

Глава четырнадцатая

ГДЕ СОРРОУ ОБЕЩАЕТ ПРЕМИЮ ЛЮБОЙ ВЕЧЕРНЕЙ ГАЗЕТЕ

— Сорроу, — пробормотала девушка, вторично приходя в себя в темной каморке и увидя наклонившееся над ней лицо со старыми белесоватыми глазами, — что это за место? Кто его держит? Зачем вы здесь? Как вы успели сюда пристроиться?

— Ну, Минни, — сердито ответил Сорроу, приподнимая девушку и похлопывая ее по спине, — это следовало бы спросить мне, а не тебе. По твоей милости я должен прервать свою слежку, потерять место и выпустить из рук хорошую дичину, не успев даже толком разобрать, чем она пахнет.

— Не ругайтесь, дядя, — ответила Минни, — я три дня не спала, не ела. Меня вытащила из тюрьмы сумасшедшая английская леди, по имени мистрис Кавендиш, и бросила на перекрестке, окруженную четырьмя шпиками. Эти люди, дядюшка, любят получать суточные. Они меня гнали, как мышь. Я прикатила в Вену, чтобы не подвести наших ребят, и свалилась тут поблизости ни жива, ни мертва от голода. По правде сказать, ваше место наводит меня на размышление. Разговор, который вели эти самые бродяжки...

— Придержи-ка балаболку, — прервал Сорроу, нахмурившись, — английская лэди Кавендиш... это, Минни, интересная история. Валяй все, что с тобой случилось, по порядку.

Минни Гербель уселась поудобней, скрестила худенькие ручки на животике, что было ее излюбленной позой, и обстоятельно рассказала Сорроу все свои приключения.

— Гм! — разразился, наконец, Сорроу после долгого молчания: — Кувыркалась под потолком! А бродяги, ты говоришь, вели прелюбопытный разговор?

— Ну да, они интересовались майором да еще какой-то собакой, про которую узнали, будто она жива.

Сорроу вскочил, как ошпаренный.

— Собака! — пробормотал он взволнованно: — Э-ге-ге-ге-ге, голубчики! Минни, сиди тут безвыходно и не открывай, кто- бы ни постучался. В шкафу — хлеб и колбаса, в углу — корзина с бутылками. Они, положим, пустые, но если опрокинешь каждую из них в глотку, так что-нибудь перекапнет.

С этими утешительными словами он схватил шапку, нахлобучил ее, заложил руки за спину и только направился к двери, как Минни сердито преградила ему путь.

— Эй, дядя Сорроу, — шепнула она укоризненно, — вы оставляете меня без всякого разъяснения. Что это за место? Кто его хозяин?

Сорроу посмотрел на девушку сверху вниз, как глядят на воробья, подскочившего к самому носу, и медленно ответил :

— Что это за место? Кабачок «Кошачий глаз» в городе Вене, на углу Штумгассе, возле Гагенских оврагов. А кто его хозяин? Это, девушка, хотел бы я пожертвовать любой из наших вечерних газет, живущей на премии, в виде хо-о- рошенького вопроса своим подписчикам. Смело можно по-обещать за разгадку десять тысяч пар подтяжек, дюжину велосипедов, тринадцать зубоврачебных кресел и даже полное прекращение своей собственной газеты, без всякого страха, чтобы хоть одна живая душа могла когда-нибудь разгадать.

Оставив Минни с открытым ртом не столько от смысла этого спича, сколько от необычайности подобного красноречия в его устах, он быстро выбежал из каморки.

Маленькая комсомолка задумчиво покачала головой.. Положение вещей начинало ей сильно не нравиться. Прежде всего она заперла дверь, насторожила уши и убавила свету в крохотной газовой горелке. Потом полезла в шкаф и вытащила оттуда огромный кусок колбасы с крохотной корочкой хлеба. Прикинув одно к другому и философски сощурившись, Минни решительно перерезала колбасу пополам, раскрыла ее, спрятала в серединку хлебную корочку и, устроив себе таким образом бутерброд, хотя и проти-

воречащий всякой теории, но зато отлично согласованный с практикой, запустила в него обе половинки челюсти. Съев бутерброд, она перешла к пивной корзине, как вдруг в дверь раздался тихий и вкрадчивый стук.

«Стучи себе, сколько влезет!» — подумала Минни.

Стук повторился.

Минни преспокойно опрокидывала одну бутылку за другой над собственным ртом и, сев на кровать, слушала стук точь в точь с таким видом, как если б это была воскресная проповедь социал-демократа. Губки ее сложились в бантик, глаза прищурились, одну прядь волос она положила себе в рот и прикусила зубами.

— Тук-тук-тук!

— А ну тебя!

— Тук-тук-тук!

Неожиданно, как начался, стук прекратился. Минни насторожилась. За дверью послышались тихие, крадущиеся шаги.

Минни вздрогнула.

— Сиди смирно! — цыкнула она сама на себя и хотела было залезть на постель, как вдруг вместо этого подобрала со стола длинный ножик, которым резала колбасу. Потом шагнула к двери, скинула крючок и, —

это западня, —

сказал кто-то в самой глубине ее сознания, прежде чем она перешагнула через порог. Ножка Минни Гербель, поднятая вперед, тотчас же дернулась обратно, руки снова схватили крючок, но было поздно. Чья-то страшная, мясистая туша ввалилась в комнату, опрокинула ее на пол, затоптала ногами, отыскала горло, открыла ей рот и забила его отвратительным кляпом. Не прошло и секунды, как Минни Гербель была связана по рукам и ногам и в светлеющем предрассветном сумраке перенесена через пустынную, грязную улочку.

— К Гонореску! — произнес бархатный голос, швыряя ее на сиденье маленького автомобиля.—Живей!

Автомобиль зашипел и прыгнул. Последнее, что могла увидеть Минни, — был толстый, огромный человек, гово-

ривший бархатным голосом. Он не походил ни на мужчину, ни на женщину. Лицо его обвисало складками, как у бульдога, а длинный бабий кафтан был перетянут на талии кожаным пояском, какой носят монахи капуцинских монастырей.

Глава пятнадцатая

РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЯ ГОНОРЕСКУ, А ТАКЖЕ ДРУГИЕ ПОДРОБНОСТИ

В ярко освещенной зале гостиницы «Поммер», занимаемой знатным румынским вельможей, сидел чахоточный секретарь Врибезriskу и сильным голосом читал вслух.

Его патрон, холостой князь Гонореску, страдал очередным приступом бессонницы, происходившей с ним на почве горестных размышлений о невозможности достойно продолжить столь знатный род, как его собственный, на протяжении трехсот лет четырежды роднившийся с императорскими домами. На этот раз гордая мечта князя в свою очередь породниться с императорским домом, подогретая, вдобавок, скверными обстоятельствами у Гогенцоллернов и Романовых, потерпела жестокое крушение: две намеченные им невесты предпочли: одна — сделаться владелицей бюро по выдаче справок на предмет покупки художественных ручек для тростей и зонтиков, а другая — позировать перед американским Трестом Реклам для клейма на ярлыках новой системы вентиляторов. Горе было так сильно, что его сиятельство не спал уже третью ночь.

Он лежал в настоящую минуту на широком ложе под шелковым балдахином. Рядом с ним стояли три детских кровати, куда каждую ночь с большой pompой укладывали сапоги его сиятельства, брюки его сиятельства и визитку его сиятельства, предварительно сложенные вдоль шва и опрыснутые из пульверизатора. Дело в том, что князь Гонореску до обморока боялся вешалок и при виде собственного платья, повешенного хотя бы в шкафу, способен был заболеть острой пищеварительной диспепсией.

— Читай, Врибезriskу! — тоскующим голосом произнес он, когда секретарь остановился, чтобы откашляться.

— К... княгиня... кха, кха! — силно пробормотал Врибезriskу: — княгиня Аменогамия Гонореску, урожденная прин-

цесса Пидхвист, проходя мимо японской вазы синьоре Лучелио, спросила, сколько стоит, и, по словам кастеляна замка, опустила вазу себе в карман, посмотрев во все стороны. Это и было причиной знаменитого иска Лучелио к Гонореску, поданного четырнадцатого дня генваря месяца, года...

— Пропусти!

Секретарь быстро моргнул красными веками и пропустил две-три страницы семейной хроники и родословной великих князей Гонореску, служившей единственным чтением для последнего отпрыска этой фамилии.

— Князь Горностай Гонореску, старший в роде, — засипел секретарь, — любил подшучивать над молодыми поселянками, встречая их где-нибудь поблизости замка. Очевидцы свидетельствуют, что князь Горностай, при виде оных, отменнее всего любил расстегнуться и приступить к...

— Парле франсе!

Но несчастный секретарь не успел перевести образ действий Горностая на французский язык, отчего означенный образ, несомненно, немало бы выиграл. В дверь спальни раздался сильный стук, и, не дожидаясь разрешения, толстый, огромный человек с обвислыми щеками, не похожий ни на мужчину, ни на женщину, в длинном кафтане, повязанном капучинским ремешком, ввалился к почивающему князю.

— Князь, — начал он бархатистым голосом, отдуваясь и вытираясь, как прачка, только что разогнувшая спину, — приказано — сделано. Девка сцапана. Прикажешь ввести сюда или в девичник?

Гонореску глубокомысленно почесал нос. Он был недоволен. Он не любил вмешательства в свои частные дела и в глубине души надеялся, что распоряжение американского консула, навязавшего ему пьяную венку, останется невыполненным.

— В девичнике у нас сорок две штуки, — пробормотал он сердито, — норма для порта Ковейта заполнена. Есть вакансии на Константинополь низшего разряда, для носильщиков и звонарей. Отправьте ее туда.

Толстяк повернулся, чтобы выйти.

— Насколько могу судить, князь, она еще девушка! — проговорил он уже у дверей.

Князь подпрыгнул на кровати, как карась:

— Болван! Девушка? В три часа ночи, Вена, окраина, троттуар, — девушка. Веди ее сюда, если не хочешь, чтобы я перевел тебя в лиловую ливрею!

Лиловая ливрея была самой низшей должностью у князя Гонореску, предназначенной для опрыскивания и укладывания в кровать его брюк. Жирный человек свирепо надулся, лицо его так и посинело от кровной обиды, и он раз сто ущипнул и оцарапал несчастную Минни Гербель, втаскивая ее в княжескую спальню.

Минни предстала перед Гонореску точь в точь как какая-нибудь Лукреция Борджиа с полотна итальянского мастера. Руки и плечи ее были обвиты веревками, врезавшимися ей в кожу, воротник распахнут, обнажая белую, с голубыми жилками, шею, густые белокурые волосы неяркого, серого оттенка, распустились, и множество прядей свисало на лоб и на спину. Не зная, куда она попала, Минни предпочла мудрую тактику самых умных людей, иначе сказать — она притворилась непроходимо глупой.

— Гм, гм, повернись! — процедил Гонореску по-немецки, вбрасывая себе в глаз монокль, — второстепенная статья, веснушки, худоба, лицо на три с плюсом, но свежесть, юность, пожалуй, даже — нетронутость. Недурны локти. Гм, да. И лодыжки. Где твои башмаки?

Минни была босиком. Толстый человек в кафтане сердито толкнул ее ногой.

— Она была обута, князь, — завопил он со злостью, — неизвестно, куда она дела свои туфли. Все-таки пригодились бы до седьмого распределителя.

— Не будем волноваться, Апопокас, — в высшей степени добродушно отозвался князь. — Я доволен. Эта девочка лучше той жерди, которую мы приняли для пополнения ковейтского комплекта. Не говоря ничего американцу, не то он будет вмешиваться, переправь жердь завтра же на Константинополь-Маяк, а венскую птичку пометь на седьмой распределитель.

Злобный толстяк потащил за собою несчастную Минни вдоль по темному длинному коридору гостиницы. Они никого не встретили и никого не побеспокоили, потому что весь этот этаж был сдан румынскому князю. У крайней двери он остановился, отдышался и вытащил из кармана ключ. Щелк, щелк.

Ключ повернулся в замке, дверь поддалась. Минни пинком ноги вброшена в комнату, и в ту же минуту дверь снова притворена, захлопнута и замкнута с той стороны, где осталась стоять страшный румын.

Маленькая Минни Гербель была одна.

Это было, впрочем, не совсем точно.

Маленькая Минни Гербель была одна посреди огромной комнаты, освещенной голубым ночником, — и украшенной сорока двумя женщинами, лежавшими в самых разнообразных позах и в самых разнообразных туалетах, вповалку, на полу, среди ковров, цыновок, простынь, подушек, котов, кроликов и папиросных окурков. Повидимому, они не спали, так как при появлении Минни почти все вскочили, одна зажгла новый ночник, другая подбежала к ней, третья схватила ее за плечо и стала распутывать веревки, четвертая вытащила у нее изо рта кляп, пятая подала воды, шестая сказала ласковым голосом, сильно осипшим от табаку и спирта:

— Новенькая. Иди ко мне на подушку! Я тебя здорово пощечочу.

Видя, что она непрочь привести свое намерение в исполнение, Минни оскалилась, как хорошая овчарка, и, с своей стороны, показала полную готовность искушать каждую, кто к ней приблизится. Женщина с осипшим голосом немедленно ретировалась в свой угол, сунула голову под подушку и тотчас же заснула. Другие тоже отошли от Минни, ворча и переругиваясь. Возле нее осталась только круглая толстуха с глазами, синими, как незабудки, и с ворохом коротких рыжих кудрей. Она держала стакан с водой и участливо глядела на Минни.

— Где я? — спросила Минни напившись.

— Ты попала к продавцу живого товара, — тихо ответила рыжая девушка.

Между тем Сорроу, давно уже вернувшийся в кабачок «Кошачий глаз», не застал там ни Минни, ни старой ведьмы, выдававшей себя за хозяйку. Молчаливый дворник вручил ему деньги и расчетную книжку. На все его вопросы он только мотнул головой и метлой, что заставило Сорроу немедленно отступить от него на несколько шагов. Он сделал это не без досады, и продолжал еще пялиться, как вдруг, пройдя с полквартила, внезапно споткнулся, наклонился и поднял стоптанную туфлю Минни.

— Эге! — сказал себе Сорроу, и белесоватые глаза его стали острыми, как у кошки: — трудненько это на венских улицах, но если малютка догадалась спустить по той же дороге и чулки, мы, может быть, подоспеем за ней во-время!

Глава шестнадцатая

УТРОМ, НА ОТЛЕТЕ ФЛАМИНГО

Кто заглянет в пять часов утра через стеклянную дверь в вестибюль американского консульства, тот может убедиться, что у консула в высшей степени развито чувство симметрии. Справа и слева от лестницы возвышаются два канделябра, и справа и слева по лестнице стоят, как истуканы, в два ряда, по восемнадцать душ в каждом, лакеи. На лакеях фиолетовые фраки с галунами, раздвоенные сзади. Руки лакеев симметрично опущены книзу, проборы наклонены, спины сгорблены полукругом, и, надо признаться, в их позах есть нечто, напоминающее фламинго.

Любитель симметрии, американский консул только что дал банкет в честь своего знаменитого соотечественника, генерала Дауэса, прибывшего из Америки в Вену для асимметричивания Европы. Гости разошлись. Парадные огни потушены. Главный мажордом вышел на лестницу и махнул жезлом. Тотчас же все тридцать шесть лакеев, всплеснув фалдочками, поворотились вокруг своей оси и гуськом, один за другим, засеменили вниз, чтоб так же бесшумно исчезнуть, как бесшумно стояли. Когда за последним из них затворилась дверь, мажордом величественно спустился вниз, поднял дверную цепочку и...

Но тут все обычные в таких случаях действия поскакали в обратном порядке, как какая-нибудь фильма, пущенная задом-наперед. Вместо того чтоб запереть входную дверь, мажордом ее хорошенько открыл, вместо того чтобы итти спать, он стал в почтительную позу. И вместо того, чтоб спроваживать и выпроваживать, имея в виду несомненное окончание банкета и близость утра, он впустил именно сейчас крайне элегантного посетителя — высокого, стройного, нарядного джентльмена в бальном туалете и всех джентльменских принадлежностях.

— Фламинго! — пробормотал гость входя.

— На отлете, эксцеленца, — почтительно ответил мажордом, — входите, входите, их высокопревосходительство вас ждут.

Молодой человек быстро вбежал по лестнице, прошел через пустую анфиладу комнат и приподнял одну из портьер. Перед ним, в круглой библиотеке, за шахматным столиком, сидели два человека и мирно доигрывали партию. Один из них... Но, вместо того чтоб описывать эту фигуру, я просто адресую читателя к многочисленным номерам всех континентальных газет от такого-то числа такого-то месяца.

— Здравствуйте, Дельсарт, — лениво проговорил он, даже не взглянув на вошедшего. — Сядьте и обождите минуту.

Шахматная партия подходила к концу. Королева, окрашенная в американские национальные цвета, приперла английского короля при помощи — увы! — двух пешек, отмеченных серпом и молотом. Мат был в высшей степени оригинален, и его стоило бы записать.

— Теперь начнемте, — улыбнулся американский консул, игравший за английского короля. — Говорите, как если бы мы с вами были одни!

Дельсарт прикусил губу. Шахматы действовали на го самолюбие.

Хоть он и состоял на службе у Америки, что в его положении английского атташе при венском английском посланнике было в высшей степени удобно и, можно сказать, неизбежно, хоть он и имел обыкновение прислушиваться к французскому и даже немецкому посланнику, особенно когда они ничего не говорили, — однако все же Дельсарт был англичанином, младшим сыном английского лорда и не потерял надежды стать старшим и занять наследственный стул в палате лордов.

— Ну-с, Дельсарт, — поощрил его черноглазый джентльмен, — какова последняя ваша новость?

— Последняя новость, — сердито вырвалось у Дельсарта, — заключается в следующем. Мы получили предписание негласно поощрять культ майора Кавендиша. Кроме того, собака...

— Ну-с, что случилось с собакой?

— Собака жива, повидимому, так как труп ее в Гаммельштадте не разыскан. Я надеюсь, вы понимаете всю важность сообщаемых вам сведений. Я надеюсь, вы взвесите их...

— На английские фунты, — ласково закончил американский консул, — не сомневайтесь в этом, Дельсарт. Кстати, какого мнения обо всей этой истории мосье Дэпрэо?

Дельсарт вздрогнул, — мосье Дэпрэо был французским посланником. Через секунду, впрочем, он уже улыбался, принимая из рук консула соответствующий весовой эквивалент, для перевозки которого понадобилось бы не менее двух тележек, если б он не был выражен в символическом виде.

— Вот что, Дельсарт, — прибавил консул, подбрасывая на чек настоящую тяжелую гирьку, — мы вам поручаем немедленно отыскать собаку. Я не говорю — отыскать человека, так как не думаю, что ваше правительство оставило его в живых. Но собаку, дорогой мой, отыскать необходимо.

— Постараюсь, — угрюмо ответил атташе.

Он откланялся, бросил злобный взгляд на шахматную доску, где английский король все еще торчал в углу между двумя большевистскими пешками, а королева Америки, уперши руки в бока, всем своим турнюр из слоновой кости так и напирала на пешки и на короля, — взял перчатки и вышел. Величественный мажордом, усиленно моргая и потирая себе переносицу, встал с места.

— Сидите, я сам за собой запру! — быстро ответил Дельсарт, пробегая мимо него.

Мажордом шмыгнул носом, моргнул одним глазом, потом другим, словно вставлял в них последовательно по монюклю, качнул булавой и тут же погрузился в сон, нашедший на него, прежде чем он успел опуститься в кресло.

Между тем английский атташе, добежав до двери, хлопнул ею, что есть силы, сбросил башмаки, сунул их в каминную трубу и сам отправился вслед за ними. Каминные трубы в дипломатических зданиях всегда оборудованы со всеми техническими удобствами. В них можно посидеть, выкурить

трубочку, даже заняться любовью, если эта приятная деятельность приходит на помощь шпионажу, что она выполняет столь же часто, сколь часто на дипломатических лестницах встречаются существа разного пола. Каминные трубы снабжены внутри хорошими лестницами, вентиляторами и даже чем-то вроде домашних телефонных трубок. В то время как Дельсарт весьма комфортабельно взбирался наверх, американский консул не менее комфортабельно расположился поближе к каминному отверстию, хотя и не дышавшему никакой теплотой.

— Сядьте сюда, генерал, — проговорил он лениво, — здесь уютней. Славный паренек этот Дельсарт, не правда ли?

— Удивительно симпатичный! — громко отозвался генерал, падая в другое кресло возле камина. — Ничуть не сомневаюсь, что он может найти не только собаку, но и ошейник и цепочку, если это понадобится. Держу пари на собственную табакерку, что это самый талантливый молодой человек в Великобритании.

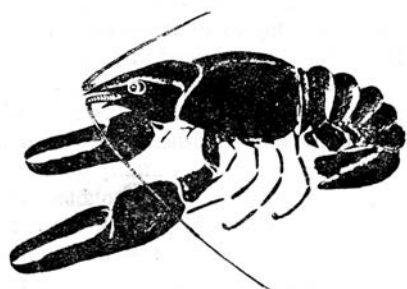
— И такого парня не сумели оценить! Дать ему место какого-то атташе, когда он способен был бы управлять Индией, — это знаете ли...

Оба собеседника так громко всплеснули руками, вздохнули и заворочались в креслах, что совершенно заглушили странное кудахтанье в каминной трубе, где восхищенный Дельсарт, втянув в себя ноздрями изрядное количество сажи, наслаждался самой приятной пищей, испокон веков улаждающей человечество: той самой, что соблазнила некую ворону.

— Пора спать ! — громко зевнул американский консул и встал с кресла. С минуту оба они стояли неподвижно, вперив взор в камин. Потом консул пренебрежительно прошептал:

— Он убрался. Ду...

Здесь, чтоб не вызвать дипломатических осложнений с Англией и не оскорбить британских лордов в их сыновьях старших, младших, средних, заочных и побочных, я предпочитаю докончить недопустимое выражение американского консула в более деликатной форме:

Глава семнадцатая

ЕЩЕ О ДВОРЯНСКИХ ДЕЛАХ КНЯЗЯ ГОНОРЕСКУ

— Я-я-я! — кричал князь Гонореску, захлебываясь от собственного личного местоимения, словно оно било из его глотки в жидком виде. — Я-я-я! Не смей! Не вздумать!

Секретарь Врибезриску стоял перед ним, судорожно сводя ноги, руки и челюсти.

— Ваш-сиятельство! — лепетал он растерянным голосом: — своими глазами! Еще утром, ваше сиятельство, я их переложил своими глазами и видел своими руками! Брюки и пиджак лежали в кровати!

— Что-о! — вопил Гонореску: — вот я погляжу тебе в физиономию своими руками! Вот тогда ты, может быть, прозреешь, олух, смородина, синайский куст! Это заговор, заговор, заговор!

И в самом деле. Брюки и пиджак его сиятельства, вместо того чтоб спокойно пребывать в лежащем положении, — были повешены. Они были повешены на гвоздике, специально вбитом для этого в стену, где, по распоряжению румынского князя, не должно быть ни единого подобия ни гвоздей, ни вешалок. Мало того, они были повешены так артистически, что брюки подвернулись туда и сюда, а рукава так и легли на коленки, оттянув плечи, точно пара его сиятельства претерпела все пытки повешения и не сочла нужным утаить это от зрителей.

Князь Гонореску не смог перенести подобного символического зрелища, попятился и, продолжая грозить, исчез из своей комнаты. В ту же секунду его секретарь Врибезриску выпрямился, вытянул голову из плеч, плечи из подмышек, подмышки из-под диафрагмы, диафрагму из-под коленок и яростно накинулся на Апопокаса, сунувшего в дверь свое бесполое подобие носа.

— Я-я-я-я! — рычал Врибезриску, колотя ногами, точно

отбрыкивая на румынской цитре: — я тебе покажу. Ты это что, болван, ливерная колбаса, фараонова корова? Так-то ты следишь за камердинером его сиятельства?!

Апопокас судорожно свел руки, ноги и челюсть и не пытался отвечать, покуда княжеский секретарь, исчерпав дотла собственное местоимение, не скрылся из княжеской спальни. Тут наступила очередь самого Апопокаса. Плечи его вытянулись из жирных подмышек, подмышки приподнялись над бабьими грудями, груди вознеслись над животом, туго перевязанным капуцинским ремешком, и длинная длань Апопокаса со всей силы схватила за шиворот подвернувшегося камердинера.

— Я-я-я-я-я! — застонал он бархатным тенором, так и выпучивая глаза на несчастного слугу: — я тебе покажу, россомаха, перевертень, рабиндранат тагор! Я тебе въеду!

Неизвестно, что случилось бы с жертвой Апопокасовой ярости, если б в эту минуту дверь не поддавалась легонько от чьего-то легкого и щегольского толчка, и лакированный ботинок брезгливо проследовал в комнату, неся вслед за собой худощавое, элегантное, бритое, джентльменское естество американского консула, взиравшее на румынскую драму с улыбкой государственного лица, сделавшего себе карьеру на политическом нейтралитете.

— Я! — сказал он очаровательным голосом: — это я сам только что повесил на гвоздик одежду вашего господина. Успокойте его. Я разыскиваю его вот уже семь с половиной минут.

Для полноты социологического курса нам следовало бы здесь, и особенно для учащихся старшего возраста, показать, как коротенькое «я» американского консула в свою очередь вызвало уход диафрагмы в коленки, живота в диафрагму, сердца в живот, подмышек в предсердие, а плеч в подмышки уже у самого румынского сиятельства, но, не желая перегружать свои страницы чисто научным материалом, я поканчиваю с социологией и перехожу к роману.

— Милейший мой Гонореску, — ласково пробормотал американский консул, усаживаясь против князя, — мне передали о пьяной венской девушке, очутившейся поблизо-

сти от кабачка «Кошачий глаз».

— Любезный сэр, девушка найдена, поймана и отослана в константинопольский притон для моряков и носильщиков третьего разряда.

— Очень хорошо! — улыбнулся американский консул: — вы помните, мой дорогой, что я говорил вам о хорошем комплекте для порта Ковейта?

Этот порт Ковейт, вопреки всякой географии, давно уже сидел у румынского князя в том месте, за которое обычно подвешивают человеческую одежду и ее носителей, когда они вытягивают лотерейный билет на виселицу.

— Помню, — кисло отозвался Гонореску, — полный комплект у нас уже подобран. Ни одной непривлекательной.. Самая большая нога размер номер тридцать шесть. Все едят простоквашу, ваниль, сухие желтки, жареную свинину и рахат-лукум. Ванна, массаж, маникюр, педикюр, катанье, валя-нье, то есть я разумею прогулки и отдых на диванах...

— А курс политграмоты? Провели вы его так, как я вам указывал?

Князь Гонореску поперхнулся.

— Милейший сэр, я... я не совсем понимаю. Мои предки, сэр, перевернулись бы в гробу. Я прошу вас, сэр, преподать ваши указания непосредственно Апопокасу.

Эта достойная речь произнесена твердым голосом. Румынский князь тоже имеет меру своего веса, как и всякая земная материя. Он нажал звонок. Дверь отворилась. Толстый, жирный, помятый Апопокас, дожевывая рахат-лукум, ваниль, жареную свинину, предназначенные для ковейтского комплекта, медленно появился в дверях, подтягивая на животе капucinский ремешок.

— Я надеюсь, Апопокас, ваши девушки милы, ласковы и хороши собой, — внушительно произнес американский консул, — их надо кормить сладостями, чтобы они стали еще милей, ласковей и симпатичней. Это одно из самых важных начинаний международной политики.

Апопокас шмыгнул носом.

— Вы понимаете, добрейший, что международная политика интересуется узловыми пунктами. Ковейт есть такой

узловой пункт. Много интересных политиков сидит сейчас в Ковейте, выполняя задание своих правительств. Но, дорогой мой, великие политики не везут своих жен в порт Ковейт, и особенно в такое переходное время. Вы понимаете поэтому, что гнездо симпатичных, в высшей степени привлекательных женщин, помещенное под международным фонарем среди розовых садов порта Ковейта, снабженное кофейней, бильярдной, восточными киосками, опахалами, кальянами, нардами, халатами, зеленым порошком * для любителей и содержимое титулованным липом, — такое гнездо может стать любимым местом отдыха для политических людей. Следует, Апопокас, отнестись к этому весьма серьезно. Следует взвесить эту серьезность на то золото, которым ваш господин будет аккредитован в Багдаде, Ковейте и Керманшахе.

— Я понимаю вас, сэр! — от всей души пробормотал Апопокас.

— И вот, милейший мой, вы подготовите симпатичных девиц к политическому восприятию. Вы дадите им ориентацию. Вы научите их разбирать, что такое русский большевик, английский империалист, немецкий филистер, австрийский болтун и американский гуманист. Вы научите их стенографии. Они должны уметь разговаривать, выслушивать и записывать.

— Но я сам этого не умею, — мрачно ответил Апопокас.

— Поищите им учителя! — мягко возразил консул: — что-нибудь из духовного звания или русской эмиграции. Итак, князь...

Два-три кивка благородной улыбающейся американской головы — и князь Гонореску остался наедине со своим слугой.

— Иди-ка сюда, собачий сын, моисеева заповедь! — произнес румынский вельможа многозначительным тоном: — иди, иди! Да не задом, а передом. Ага! Так я и знал. Ваниль, рахат-лукум, свинина! Ну, если ты мне еще раз пропитаешь девушек одними сухими желтками и простоква-

* Опиум (Здесь и далее прим авт.).

шей, я понаделаю из тебя таких бифштексов, что даже сам Врибезриску не отличит твоего мяса от...

Князь хотел добавить «от бычачьего», но, вспомнив, что ни один отель в Вене, в том числе и их собственный, уже не знает, чем пахнет и где возрастает бычачье мясо, добавил угрюмым голосом:

— От кошачьего.

Апопокас мрачно переступил с ноги на ногу.

— А теперь, — пробормотал князь, меняя дворянскую интонацию на чисто деловую: — собери весь девичник и готовься к дороге. Мы завтра же едем в порт Кувейт через Джерубулу и Багдад. Величественное путешествие! Достопримечательные остановки! Ты слышал, гм, что было сказано о городах Керманшахе, Багдаде и Кувейте? Для дворянина, Апопокас, нет более достойного города, чем тот, где он аккредитован!

Глава восемнадцатая

ПОЧЕМУ МИНИНЫ САПОЖКИ НЕ ДОВЕЛИ СОРРОУ ДО ЕЕ НОЖЕК

Не прошло и часа с той минуты, как Миннина туфля очутилась в руках у Сорроу, а дворникова метла в его тылу, как по той же грязной, кривой, подозрительной Шгумгассе проехал мороженщик на собаке. Повидимому, профессия мороженщика была выбрана им исключительно для отвода глаз, а может быть, и для отвода носа, усиленная длина и краснота которого говорили скорей о растапливающих, нежели о замораживающих предметах торговли. Но зато собака мороженщика во всех отношениях была на высоте собственной поклажи.

Представьте себе дюжего бурого пса, худого, как жердь, с мордой хронического меланхолика. Шершавый язык висит у него сбоку, подобно еретическому красному флагу, над обидчивыми круглыми глазами торчат клочья волос, уши двигаются, свидетельствуя о мозговой работе, а, вообще говоря, у пса такое выражение туловища, точно он давно и основательно разочаровался в школьной системе мироздания.

— Иди, Небодар, иди, голубчик, — поощрял его пьяный мороженщик, то и дело выхватывая из кармана что-то, похожее на стоптанную туфлю, и подсовывая ее под самый нос недовольного пса, — иди прямым шагом, коли не хочешь, чтоб я впустил тебе сзади-наперед восемь порций мороженого, и хорошо, если только клубничного, а коли ежели крем-брюле...

Угроза подействовала. Небодар поджал хвост, рванул тележку и опрометью кинулся вперед, болтая языком направо и налево. Они миновали таким образом два мрачных квартала и внезапно поворотили к центральной части города, когда, возле самого тротуара, показалась перед ними вторая туфля, сбита так ловко в пыль и мусор, что не привлекала даже внимания местных старьевщиков. Сорроу бы-

стро подхватил ее и подмигнул Небодару.

— А теперь, юбочник ты этакий, — пробормотал он игриво: — шландрён ты этакий, бегалка за дамскими ножками, беги себе во всю прыть, авось, мы встретим что-нибудь вроде штопанного чулка! Беги, ухагор, бе... Чорт возьми, это еще что за фокусы!

Небодар остановился, как вкопанный. Шерсть его стала дыбом. Морда оскалилась, глаза налились кровью. Оскорбила ли его неуместная игривость мороженщика или духовному взору его предстала небесная отчизна, но только загадочный пес презрел все окрики, подхлестыванья, притоптыванья и подталкиванья, зарычал неистовым рыком и со всех ног, брэнча мороженым ящиком и своей упряжкой, как сотней тимпанов, помчался по боковой улице, ведущей прямо к Пратеру и наполненной публикой.

— Караул! — простонал Сорроу, кидаясь вослед утекавшему Небодару: — песик! Кормилец!

Пьяница делал при этом такие уморительные прыжки и гримасы, что все внимание публики перенеслось с Небодара на его собственную особу.

— Уф! — пробормотал он, наконец, догоняя тележку в темном углу одной из липовых аллей Пратера:— хорошо еще, что нас не забрали в участок... Боюсь я, сильно боюсь, Минни, что на этот раз он охотится не за тобой!

Небодар и впрямь охотился не за Минни! Добежав до главной аллеи, он принял самый степенный вид, завилял хвостом и стал на задние лапы, а передними принялся скрестись в бревенчатые ворота, заклеенные огромными красными афишами:

**ЦИРК ПАОЛО КАЛЬВАКОРЕСКИ И
БЕНА ТРОМБОНТУЛИТАТУСА,
ИЛИ**

**ЧОРТ В РЕШЕТЕ
ТОЛЬКО!**

ТОЛЬКО: ОДНА ГАСТРОЛЬ! ТОЛЬКО! ТОЛЬКО!

Вена.

Пратер.

— Чорт тебя побери, собачья душа! — вздохнул мороженщик: — я предпочитаю потерять обе формочки с клубничным и с крем-брюле, не говоря уже о тех кандидатах ко святым местам, которые вздумают покушать их в мое отсутствие, чем лишиться тебя!

С этими словами он отпряг тележку, завез ее в кусты, взял Небодара за ошейник и стал у кассы, пока нетерпеливый пес тыкался ему носом в коленки. Жирная кассирша с подбородком, усеянным многочисленными родимыми пятнами мышинного цвета, равнодушно продавала билеты. Очередь состояла главным образом из галантерейных приказчиков и их барышень, слишком голодных для того, чтобы быть увлеченными цирком, и вся эта вялая публика, ничем не похожая на веселую, шипучую, острословную, бойкоглазую пратерскую Вену былых времен, медленно подвигалась вперед. Когда мороженщик и его собака находились уже перед окошечком, два каких-то человека в плащах и широких шляпах, крепко державшие друг друга под-руку, остановились вплотную за его спиной:

— Надо купить билет, — прошептал один сирым голосом: — администрация подозрительна, они нас ни за что не пропустят!

— Да уверен ли ты в этом Бене?

— Тсс! — прошептал первый голос: — молчи, ради всего святого, если не хочешь, чтоб тебя выбросили отсюда в сточную канаву с ножом в животе! Уверен ли я? Больше, чем в своем родном отце, дурья башка. Самый подходящий человек в целом свете. Знай я, что он тут, а не в Бразилии, я бы...

Здесь Сорроу, давным-давно пересчитавший не только сдачи, но и все десять пальцев своих рук, должен был, наконец, ретироваться, так и не дослушав интересного разговора.

Он заковылял с Небодаром ко входу в цирк. Подозрительный одноглазый дьявол в зеленом сюртучишке оторвал краешек его билета, скривил рожу при виде собаки и молча поднял портьеру такого неопределенного цвета, как если бы библейскую радугу собрали с неба суповой ложкой, наложили в котел и кипятили до тех пор, пока она не

потеряла всю свою спектральную выдержку и не перемешалась до полной неразберихи.

Цирк помещался в жалком деревянном балагане, кой-как сколоченном на голой земле. Сиденья первого ряда были обтянуты кожей, должно быть, сдернутой с тех покойников, у кого ее основательно уже повыколотили при жизни. Человек сто зрителей расположились по ярусам, причем молодые люди сосали набалдашники своих палок, а молодые девицы — собственные ногти, ибо иного угощения перед началом зрелища в современной Вене не существует ни для кого, кроме, впрочем, иностранных посольств. Описание можно закончить трапедией, устроенной в форме колеса, и такой жидкой на вид, что можно было содрогнуться за судьбу Паоло Кальвакорески и Бена Тромбонтулитатуса.

Сорроу уселся, со всей силы удерживая Небодара у себя между коленками, под прикрытием пол собственной куртки. Пес дрожал, фыркал, скреб лапами и проявлял все признаки страшного возбуждения. Незнакомцы в черных плащах тоже появились у портьеры, прошли мимо них и уселись далеко наверху, так что Сорроу было невозможно ни наблюдать за ними, ни их слышать.

Спектакль начался бегом лошадок и прыжками двух толстых клоунов через обруч. Потом красивый брюнет, обтянутый в трико, Паоло Кальвакорески, выехал на великолепном рыжем жеребце, покрутил хлыстом, дал налюбоваться всеми своими статями спереди, сзади и с боков, сделал довольно-таки бесцветный пируэт и скрылся. Служитель в зеленом кафтане прибрал за ними, унес с арены все лишнее, подмел, сделал рупор из ладоней и провозгласил :

— ЧОРТ В РЕШЕТЕ!

после чего в цирке появилась даже сама кассирша с родинками мышиноного цвета и сладко уставилась из первого ряда на трапедию. Сорроу должен был сорвать свой кушак и обвязать им трясущуюся морду Небодара — такое неистовство овладело меланхолическим псом. Пока он возился, забинтовывая и затягивая собаку, арена ожила. Кто-то золоти-

стый прошел по ней колесом, подпрыгнул, взвился, и вот уже смеющийся Бен Тромбонтулитатус крутится на одной ноге, как волчок, вокруг каната, под громовые аплодисменты всех зрителей.

Глава девятнадцатая

ЧЕЛОВЕК С КАНАТНОЙ ПРОВОЛОКИ

— Бен! — неистово орала публика, швыряя в акробата оторванными пуговицами за неимением цветов и картошек: — Бен! Га-га-га! Бис! Браво!

Беноманья овладела даже кассиршей, положительно способной в эту минуту учинить растрату, если б только касса принадлежала кому-нибудь другому, а не ей самой.

Один Сорроу, отнюдь не любитель цирковых затей, глядел на акробата с полным равнодушием и в глубине души сильно скучал без своей трубочки. Если б не скрежет, трепет и судороги, сводившие Небодара от кончика носа до кисточки на хвосте, он решительно не знал бы, на что потратить свое внимание.

Между тем публика бесновалась все отчаянней. Акробат перекувырнулся на проволоке, снова завертелся волчком и, наконец, спрыгнул вниз, легко, как резиновый мячик, — глядя на самый верхний ярус блестящими карими глазами.

Там сидели два человека в плащах. Один из них махнул акробату красным носовым платком. Бен прищурился и улыбнулся, дав кассирше и прочим беноманкам вдоволь налюбоваться очаровательной ямочкой, появившейся у него на правой щеке. Секунда — и видение исчезло. Но, увы! Вместе с видением, прежде чем Сорроу мог опомниться, исчез и Небодар.

— Чорт! — проревел Сорроу, вскакивая и бросаясь вслед за последним взмахом его хвоста: — в решете ты или не в решете, а уж я просею тебя, голубчик, будь ты хоть трижды чортом, пропечатанным в афишах с дозволения цензуры!

Эта длинная речь закончилась перед дощатой дверцей, ведущей в актерскую уборную убогого цирка. Земляной коридор был пустынен, дверца прихлопнута, ниоткуда не доносилось ни звука. И к величайшему изумлению Сорроу, перед самой дверцей неподвижно, как на стойке, лежал Не-

бодар, сунув нос под половицу и притаив дыхание.

— Гм, — пробормотал Сорроу, — до сих пор я думал, что он встретился с хозяином. Но так не ведут себя перед хозяином ни псина, ни человечина. Небодар выслеживает врага!

С этим выводом он осторожно оглянулся во все стороны, привстал на цыпочки и поглядел сквозь щель в уборную. Там никого не было. Стены были заклеены афишами с изображением «Чорта в решетке», или самого Бена Тромбонтулитатуса. На трехномом столе стояло кривое зеркальце, в углу висела черная пара. Прошло несколько секунд прежде чем Сорроу услышал приближающиеся заглушенные голоса.

Дверь, противоположная той, за которой притаился Сорроу, распахнулась. Стройный акробат кинулся на стул перед зеркалом и немедленно поднес это последнее к своему лицу. Два человека в плащах и низко надвинутых шляпах вошли вслед за ним, тихо притворили дверь, оглянулись во все стороны и, не найдя нигде стульев, недовольно поморщились.

— Нет, я не вспотел ! — произнес Бен глуховатым голосом, любуясь собой безо всякого стыда: — я могу перекрутиться еще двести раз и не вспотеть. Мускулы мои в порядке. Какой я красавчик !

С этими словами он улыбнулся своему отражению, и будь зеркало не столь запылено и закапано, может быть, даже поднес бы его к губам. Там, сквозь пыль и пятна, виднелась очаровательная головка, похожая на голову Диониса. Короткий нос шел по прямой линии от небольшого лба, обрамленного крепкими круглыми кудрями. Глаза были даже чересчур яркие, а рот чересчур ал для мужчины. Не мешает прибавить к этому счету и еще кой-какую мелочишку, вроде жемчужных зубов, длинных загнутых ресниц, вышеупомянутой ямочки и лебединой шеи. Будь Сорроу знатоком женских лиц, как Боб Друк, он непременно узнал бы в пресловутом Бене Тромбонтулитатусе очаровательную мистрис Кавендиш. Но техник Сорроу утрюмо наблюдал в щелку за всеми ужимками акробата и удивлялся гораздо более молчанию и неподвижности Небодара, чем красоте Бена.

— Послушай, Бен, — сипло пробормотал человек в плаще, — я привел к тебе господина с высшим образованием. Довольно ломаться! Уступи ему стул и валяй насчет нашего дела.

Бен опять взглянул в зеркало, тряхнул кудрями, поворотился к собеседникам и привстал со стула как раз для того, чтоб еще раз медленно, плотно и со вкусом на нем рассестся.

— Говорить с вашим братом не о чем, — проямлил он глуховатым голосом, — я Бен — канатный плясун. Меня знают все торговцы человеческим мясом по обе стороны океана. Я не отказываюсь ни от какого дельца. На последнем мы заработали десять тысяч фунтов. Какую валюту вы хотите мне предложить?

Странное дело! Несмотря на вопиющий смысл этой речи, несмотря на развязность акробата и жестокое выражение его блестящих глаз, он вдруг, без всякой видимой причины и даже вопреки здравому смыслу, начал нравиться технику Сорроу.

— Десять тысяч фунтов! — простонал человек, аттестованный как господин с высшим образованием: — куда вы деваете деньги? Если вы так хорошо зарабатываете, ой, ой, что должны делать бедные маклера!..

— На то у вас и высшее образование, — спокойно ответил акробат, — а у меня только руки, ноги и красота. Ну, скорей — какая валюта?

— Австрийская...—прошептал человек в плаще: — но с гарантией. Если вы, мистер Тромбонплутитатис...

— Тромбонтулитатус!

— Если вы, мистер Тромбонтулипитус, согласитесь, вы получите дворянское достоинство и кусок земли в Хорватии, Галиции, Венгрии или где вам заблагорассудится.

Повидимому это предложение имело для канатного плясуна какой-то особый соблазн. Глаза его сверкнули еще сильнее, краска разлилась по лицу. Оба человека в плащах многозначительно переглянулись.

— А дело-то, мистер фон Тромбонтулиус, пустяковое... муху поймать, а не дело. Извините, тут никто не слышит?

Дело-то всего-на-всего (здесь он понизил голос до глубокого шопота): выкрасть кой-какой документишко у английского консула в порте Новейте.

— Англичане мастера платить, — сухо ответил акробат, — я соглашусь на ваше дело, но, надеюсь, вам известно мое главное условие, — главное правило Бена, — на котором я работаю?

— Вы переходите на сторону врага, если он согласится заплатить дороже? — кисло произнес маклер: — мы это знаем. Но получить дворянское достоинство на пергаменте и с печатями вы от англичан не можете. Затруднения нашей власти в Персии, осложнение с Багдадской дорогой, любезный мистер фон Тромбониус, — все это толкает нас на союз с вами. И если вы станете человеком с происхождением, вы сами понимаете...

— Довольно! — крикнул акробат, вскакивая с места: — какого чорта вы твердите о происхождении! Убирайтесь вон отсюда, вон! вон! Передайте вашим собакам, что Бен с канатной проволоки... принимает их условия. Во-о-он!

Оба незнакомнца в ужасе попятились от стула, колесом завертевшегося в руке канатного плясуна. Не успели они выбраться через внутреннюю дверь из уборной, как Тромбонтулитатус дико расхохотался и схватил зеркальце.

— Красавчик мой! — глухо проговорил он, сверкая самому себе глазами и жемчужной линией зубов: — мы тебя сделали дворя-ни-ном. Ты получишь про-ис-хож-де-ни-е! Ты построишь себе родовой за-мок в Венгрии. Ты женишься на дво-рян-ской дочери и будешь сечь ее, сечь, сечь, сколько твоей душе угодно! Дети твои...

Но тут канатный плясун затих и выронил зеркало из рук.

— К чорту, — пробормотал он уже другим голосом, быстро стянул с себя трико, накинул поношенный черный костюм, нахлобучил на блестящие кудри потертую кепку и вышел.

Только теперь Небодар проявил признаки жизни. Слабо повизгивая, он лапами отворил дверь в уборную, вполз в нее животом, волоча за собой хвост, словно перебитый

палкой по всем хрящикам, и стал обнюхивать и вылизывать все места, куда ступала нога канатного плясуна. При этом он ныл, выл и повизгивал надрывающим душу голосом, подействовав даже на железные нервы техника Сорроу.

— Странно, — пробормотал этот последний, вынимая трубочку и, наконец-то, позволяя себе хорошую затяжку табачного дыма: — я было думал, что собака ненавидит его всей своей собачьей фиброй. А сейчас склонен допустить, что дело-то похоже на другое. Уж не влюблен ли Небодар в это бесовское отродье? Немного еще, братцы мои, и я... гм... м... я сам... того... хоть надо сознаться, он столько же заслуживает любви, сколько гиена, ехидна или другая какая-нибудь брамапутра!

Глава двадцатая

СНОВА ПАСТОР МАРТИН АНДРЬЮ

Надо сказать правду: никто более самой Англии не способствовал популярности культа майора. Газеты, в пылу возмущения, перепечатывали решительно все воззвания о нечестивом вероотступнике, снабжая их пространными комментариями. Филологи сочинили новое слово «кавендишизм». В театрах ставили пьесы: «Кавендиш, пророк Магомета», «Кавендиш, отец угнетенных», «Смерть Кавендиша» и тому подобное, разумеется, немедленно же по прошествии двух-трех недель яростно снимаемое с репертуара английской цензурой. Дошло до того, что даже сами туземцы стали читать колониальные газеты и, по словам шутников, заинтересовались вопросом о Кавендише.

Именно в эти дни, в ясное, глубокое, солнечное утро, когда под карнизами плоскокрыших домов ходят голуби, а над карнизами дышат розы, пастор Арениус вышел на крышу своего домика в городе Джерубулу. Он был бел, как стены его жилища. Плечи миссионера от старости уходили вниз, коленки подгибались, а веселые голубые глаза смотрели подслеповато. Усевшись в тростниковую качалку, он развернул месопотамскую английскую газету и много раз кивнул головой с видом крайнего удовольствия.

— Даже писаки стали упоминать имя божие, — пробормотал он с чувством: — истинно, истинно размягчаются сердца века сего. Ведь как пописывают-то! «Владыко живота нашего и добра нашего, и скота нашего, умученный злодеями, к разбойникам сопричтен, бич всех иноверных, святой, всемогущий, памяти твоей поклоняемся, ма..»

Тут пастор Арениус вскрикнул и выронил газету. Вместо святого духа, Иисуса Христа, или по меньшей мере матери божьей, перед глазами его стояло: «ма... йор Кавендиш».

Благочестивые строки были точным переводом туземной молитвы, обращенной к английскому майору!

Старческое лицо Арениуса налилось кровью. Глаза наполнились слезами. Он прямо-таки горел от стыда. В его епархии, среди его мирных овец, в маленьком беленьком душном от роз Джерубулу зародилась самая странная ересь, какую только мог выдумать человеческий мозг.

— Я искореню это! — воскликнул пастор, поднимаясь на свои старые ноги и изо всех сил ковыляя к дверям: — искореню это, хотя бы...

Но тут он уткнулся головой в чью-то душистую чесучовую грудь, пахнувшую турецким табаком, и пара железных рук подхватила его под локти.

— Что это вы собираетесь искоренить, отец Арениус? — произнес голос, подействовавший на него, как электрическая искра.

Пастор Арениус отшатнулся, вытаращил глаза и поднял руки, словно перед привиденьем:

— Вы... вы...—пробормотал он в ужасе: — что же все это значит?

— Я сам, дорогой коллега, собственными ногами и руками, — саркастически произнес пастор Мартин Андрию, входя на беленькую крышу и преспокойно опускаясь в качалку: — надеюсь, вы не откажете мне в ночлеге, ужине, чашке шербету и распорядитесь, чтоб ваши слуги привели из караван-сарая мой маленький экипаж.

Видя, что Арениус не отвечает и сидит в кресле ни жив, ни мертв, Мартин Андрию поднял на свет свои сухие пальцы и поглядел, как они розовеют:

— Тем более, что со мной едет... гм... дама. Ее надо тщательно прятать от любопытных, — закончил он сухим голосом.

Вытащив из-за пазухи драгоценный пакет, запечатанный собственной с кольца кентерберийского епископа печатью, пастор Андрию весьма непочтительно швырнул его прямо в лицо почтенному старцу.

Арениус вздохнул и дрожащей рукой распечатал пакет. Но не успел он прочесть и первых строк, как смертельная бледность разлилась по его лицу и бумага полетела на пол.

— Никогда! — проговорил он с достоинством, поднимаясь и глядя на Мартина Андрию грозными глазами: — никогда, пока я служу господу моему Иисусу Христу и его святому Евангелию! Передайте это всем королям и епископам мира сего!

С этими словами он выпрямился и твердо пошел к выходу, не обернувшись больше ни на пастора Андрию, ни на епископское посланье.

Его коллега пожал плечами, процедил сквозь зубы крепкое английское ругательство и в свою очередь выбежал из домика.

Узенькие улочки городка Джерубулу были, повидимому, отлично знакомы пастору Андрию. Он шел походкой восточного человека, слегка приподняв правое плечо над левым и размахивая кистью руки в такт шагам. Мартин Андрию выбрался из ослиной гущи, ускорил шаги и очутился на площади перед каравансараем.

Грязное, немощенное пространство густо усеяно навозом, жижей, растоптанными фруктами, сеном, кизяком, мусором. Вокруг железных треножников персы на корточках жарят ребраху. А над всем этим, возносясь стройными полуарками и сводами в яркое синее небо, стоит изумительной красоты здание в строгом персидском стиле — каравансарай. Туда-то и направился пастор Мартин Андрию, брезгливо шарахаясь от полуголых нищих, опрокидывая скученные треножники и наступая на крохотных черномазых детей.

— Саиб, мы здесь! — шепнул слуга, вынырнув из первой же подворотни: — прикажи двигаться дальше. Я видел толстую, жирную собаку с ремешком на животе и без волос на голове. Пусть уменьшится моя тень, саиб, если это не кеёса*. Нехороший глаз у кеёсы. Не уберечь нам ханум!

Пастор сердито отмахнулся и вошел в караван-сарай. В полутемной нише, возле запертых кожаных лавок, приютилась его экспедиция — с десятков турок и курдов весьма

* Кеёса на Востоке овначает безволосого и женоподобного человека. Встреча с кеёсой предвещает несчастье.

зловещего вида. Двое из них стояли возле крытого темного паланкина.

Мартин Андрю шепнул им что-то по-турецки, распахнул дверцу паланкина и прыгнул внутрь.

На подушках, расшитых золотом, лежит дитя. То же спокойное равнодушие идола на гладком лбу, над сросшимися бровями и миндалевидными глазами, удлинненными сурьюю к переносице и бровям. Руки и ноги ее крепко спеленуты, как у младенцев кочевого племени.

— Эллида! — прошептал пастор далеко неблагочестивым голосом и потянулся рукой к ее шейке. Но через секунду он вскрикнул и отдернул руку. Тонкий и острый укус, словно от маленькой змейки, вызвал черную каплю крови на конце его самого сухого пальца.

Мартин Андрю засмеялся. Нельзя сказать, чтобы смех этот действовал утешительно. Два курда возле паланкина вздрогнули и выплюнули изо рта порцию хорошо разжеванного табаку. Даже слуга пастора, турок Гуссейн, сотворил заклятие и опасно оглянулся на свою тень. Только неподвижное бронзовое дитя глядело загадочно-равнодушными глазами прямо в лицо пастору и не шевельнуло бровью.

— К Арениусу! — крикнул Мартин Андрю хриплым голосом. — Марш вперед! Вперед, собаки!

Хлыст взвился над верными слугами пастора, и караван тронулся. Пока это происходило в глубине каравансара, крыша белоснежного домика Арениуса, увитая розами и полная голубиногульканья, некоторое время была совершенно безлюдна. Но вот низенькая дверь приотворилась. Низенький человечек в пасторском облачении выглянул из-за нее. Нос у человека длинный и красный. Губы мокры и фиолетовы. Щеки висят по-собачьи. Глазки... но достаточно взглянуть в эти глазки низенького человека, чтобы убедиться в величайшей степени его низости. Это предподобный отец Беневолент, помощник и заместитель пастора Арениуса, а также прямой кандидат на его доходное место.

Он понюхал воздух, танцующими шажками добрался до качалки, сел и невинно закачался вниз и вверх, вниз и вверх, пока ножки его не стиснули между собой епископское посланье и не подбросили к ручкам, а ручки не поднесли осторожно к глазам, как раз настолько, чтобы сверлящие взоры отца Беневолента не прочитали о «...совершенной необходимости не только не препятствовать, но даже споспешествовать культу майора Кавепдиша, насыщая и оформляя его всеми символами нашей святой религии...»

Глава двадцать первая

СОВЕЩАНИЕ НА МЫСЕ СВЯТОГО МАКАРА

Не успел английский фунт стерлингов, подобно толстому джентльмену, быстро взобраться вверх по биржевой лестнице, на радость всем британским патриотам, как случилось странное, неслыханное, недопустимое событие: фунт споткнулся и покатился вниз. Нахалы из советских посольств объяснили это событие введением в России метрической системы. Лорд Чирей, только что назначенный лордом-хранителем печати (от тлетворных влияний), был отозван к его величеству для дачи объяснений.

Лорд Чирей уселся перед английским королем, отер пот с лица, вынул из портфеля странного вида древесную корку и пробормотал дрожащим голосом: — Ваше величество! Все шло как по маслу, кавендишизм начал собирать под британский флаг многотысячные толпы дервишей, кликуш, факиров, прокаженных и опиумистов. Наши пушки и броненосцы пошли навстречу движению, охраняя туземную свободу совести. Наш фунт поднялся. И вдруг, ваше величество, на древесной коре всех тропических и субтропических колоний Великобритании появилась пропаганда. Судите сами, ваше величество !

Лорд Чирей дрожащей рукой поднял корку и развернул ее верхний край. Перед ошеломленным королем появился явственный знак серпа и молота, а под ним, не без орфографических ошибок, стояло на несомненном английском языке:

ЦВЕТНЫЕ ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ!

Собирайтесь на мысе св. Макара для
выработки единого фронта против
насильников, грабителей и хищников
империализма!

— И эта богопротивная надпись, ваше величество, — понизил лорд Чирей голос, — подписана ненавистным для каждого великобританца именем. Она подписана: Ка-ра-хан.

Английский король глубоко вздохнул.

— Но это еще не все, — продолжал лорд Чирей, — нам нигде не удалось поймать ни единого агитатора. С своей стороны, сорок восемь профессоров объединенного географического общества обоих полушарий высказались в отрицательном смысле о существовании мыса св. Макара. По словам профессоров, мыс святого Макара не нанесен ни на одну из существующих карт.

— Но, боже мой, тогда нанесите его! — с упреком сказал король.

— Да, ваше величество, но куда, в какой океан? Под какую широту и долготу? Под чей державный флаг? Все это вопросы, на которые нет ответа. Мы вынуждены признать, — лорд Чирей трагически сдвинул брови, — что ни бороться с самой пропагандой, ни разогнать пушками имеющее быть собрание на неизвестном для нас мысу мы не можем.

Английский король вспыхнул от гнева.

— Лорд Чирей, герцог Брисьподстульский! — проговорил он, выпрямляя монаршую спину и меряя взглядом хранителя печати: — если в течение трех дней мыс святого Макара не будет найден, палата лордов лишит вас наследственного места, а Скотланд-Ярд поголовно выйдет в отставку.

Лорд Чирей вышел из Виндзорского дворца темнее ночи. В таком состоянии люди обращаются обыкновенно или к Шерлоку Холмсу, или к его другу, доктору Ватсону, но несчастный Чирей давно уже не верил в английскую мифологию. Он сел в автомобиль, стиснул пальцы и велел везти себя в Гринвичскую обсерваторию, где, как известно, имеется список всех часов, бьющих под какой бы то ни было широтой и долготой.

«Если на этом проклятом мысу хоть где-нибудь повешены часы, — думал Чирей тоскливо, — он найдется в списках!»

Пока герцог Брисьподстуський ломал таким образом руки, сидя в лондонском автомобиле, — на самой людной улице Нью-Йорка пролетал другой автомобиль, где сидел инженер Пальмер, потиравший себе руки с выражением полнейшего удовольствия. Подлетев к роскошному дворцу, он быстро поднялся по мраморной лестнице, вошел в столовую, сверкающую хрусталем и золотом, раскланялся с чистокровной дюжиной янки, жевавших вокруг стола, и громкогласно воскликнул:

— Джентльмены, призыв на мыс святого Макара выполнен на все сто процентов. Я только что узнал по радио о появлении надписи в Белуджистане, Триполи, Северной Индии и Персии.

— Мистер Пальмер, — величественно промычал Плойс, — садитесь и кушайте. Сперва желудок, а потом идеологическая надстройка!

Шутка директора Америкен-Гарн была встречена одобрительным мычанием. Механические подъемники десятый раз вознеслись снизу вверх с новой сменой ароматичнейших блюд. Челюсти янки работали. Вентиляторы со всех сторон дышали прохладой и свежестью. Солнце за окном померкло, и тотчас же зажглись люстры. Одновременно с ними стеклянные двери распахнулись на огромную веранду, уставленную тропическими растениями. Дюжина столиков из яшмы выскочила снизу вверх, точно пуговицы из звонка. На столиках появились кофе, ликеры, сигары, сифоны с водой и зубочистки.

— Сядем, мистер Пальмер, — важно проговорил Плойс, завладевая зубочисткой. — Я должен сказать, что ваша новость нам уже известна. Мы интересуемся сейчас другим вопросом: приняты ли вами меры для изобретения универсального продукта?

— Универсального? — переспросил инженер Пальмер.

— Ну да, универсального продукта. Вы помните, я предложил вам создать продукт, который заинтересовал бы в одинаковой мере всех директоров нашего треста. Продукт, рассчитанный на кожу, шерсть, лен, паклю, нитки, ткань, кнопки и металлические изделия для наших прикладных

фабрик. Вы понимаете, что мы начали рекламу в мировом масштабе совсем не для интересов отдельных фабрикантов ниток или летних тканей.

Инженер Пальмер таинственно улыбнулся.

— Дорогой мистер Плойс, я думаю над универпродом. Мы имеем перед собой потребительский рынок больше чем в пятьсот миллионов душ, если принять во внимание Китай. Сперва я остановился на чемодане. Чемодан, изящный, портативный, в руках у вождя племени Плюю-Плюю, где-нибудь в Никарагуа или Сан-Тимидите, — это может импонировать. Но чемодан громоздок, дорог, не демократичен. Тогда я изобрел подтяжки, что могло бы заинтересовать фабрикантов текстильных, кожаных, кнопочных, пуговичных, резиновых и бумажных зараз. Но согласитесь, что молодой гонолуовец с подтяжками, но без штанов, производил бы отрицательное впечатление. Вместо универпрода, подтяжка обратилась бы в предмет роскоши. И по зрелом размышлении я пришел к единственному выводу: универпродом может быть только колпак! Колпак всех видов, всех цветов, всех комбинаций! Колпак, выделка которого принадлежала бы дорогому мистеру Дику, весьма удачно к тому же разрешающему для нас тайну нашей рекламы!

Эта таинственная экивока на жирного, маленького фабриканта шляп и мелкой галантереи имела какой-то особый смысл, сокрытый от наших читателей в интересах загадочности и таинственности мироздания, отмеченной еще неким Горацио, повидимому, служившим у Шекспира на предмет составления рекламы. Она пришлась мистеру Плойсу в высшей степени по душе. Следует сказать, что мистер Плойс был в числе тех великих сердцем американцев, кто непримиримо восстал на Чарльза Дарвина и пожертвовал сто тысяч долларов на изъятие теории обезьяны из всех школ Соединенных Штатов. «Потому что, — так сказал мистер Плойс на собрании баптистов, квакеров, пуритан и методистов, — если мы искореним из мира все мистическое и загадочное, то на чем же, скажите, будет держаться торговая реклама?!»

Итак, намек на фабриканта шляп вызвал неистовый, длительный хохот всего собрания, не прекращавшийся в течение десяти минут.

— Ох-охо-хо! — стонал один, падая головой на ликерный столик.

— Ха-ха-ха! — рычал другой, колотя себя по животу.

— Хи-хи-хи! — заливался третий, обнимая своего соседа.

Мистер Плойс ограничился простой улыбкой, способствующей пищеварению.

— Это хорошо, мистер Пальмер, — проговорил он мило, — это стоит денег. Будьте добры, приготовьте миллионы плакатов, листовок, объявлений на транспорте, почте, яйцах, бочках, бусах, газетах, конторах и молитвенниках, о том, что

Отгадавшему местоположение
МЫСА МАКАРА будет выдана
бесплатная премия

Глава двадцать вторая

БОБ ДРУК ОПРАВДЫВАЕТ ОБВИНЕНИЕ В ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПОПАДАЕТ В БЕДУ

Утром трясины Ульстера казались далеко не такими страшными, как ночью, и тем не менее Боб Друк, пробираясь мимо них, поднял воротник, точно его знобило. Он шел со всех ног мимо бледных меловых гряд, мутных канав, редкого чертополоха, желтых полос песку, по грязной сырой дороге, где никто не шел, не ехал и не виднелся, кроме него самого, а между тем зубы Боба выстукивали дрожь точь в точь, как пионерский барабан.

Он миновал уже с полпути и рысцой побежал вниз, где в туманной ложине, под порывистым ветром, лежали острые башни Ульстера, как вдруг почувствовал за собой бег другого человека. Кто-то шлепал по дорожной грязи, как он. Друк остановился. Другой человек остановился тоже. Друк судорожно зашагал дальше. Он не смел обернуться. Револьвер в его кармане забит тиной. Другого оружия не было. А увидеть врага лицом к лицу храбрый и отчаянный Боб не мог. Дело в том, что он нес при себе страшнейшую в мире вещь, не прощаемую никогда на свете, и вещь эта написана у него на лице, читается в глазах, кривится в губах.

— Если собаки увидят, что я узнал-таки кое-что про Кавендиша, мне не добраться до Ульстера! — пробормотал он, дрожа как в лихорадке. — Лишь бы только успеть передать об этом ребятам... лишь бы только успеть!

Глаза его тоскливо мерили оставшийся путь. И вдруг, далеко впереди, он увидел симпатичную деревенскую одноколку, управляемую сторбленным старым крестьянином. Одноколка ехала почти шагом, колеса ее застревали в ухабах. Друк быстрее зайца рванулся вперед и побежал прямо на спасительную точку.

Быстрей, быстрей, — шаги за Друком отстают, умирают, отстали. Задыхаясь, мокрый от пота, Боб навалился на

кузов крашеной тележки и прокричал прямо в ухо дремлющему седоку:

— Прихвати меня в Ульстер!

Седок поднял голову. Широкополая шляпа колыхнулась. Лицо поворотилось к Бобу. В ту же секунду Друк дико вскрикнул: на него глядела рожа Кенворти, а за ним, там, где он бросил мнимого преследователя, сиротливо трусил жалкий деревенский почтальон, не знавший, чего больше бояться, — одиночества или Боба Друка.

— С удовольствием, приятель, — ехидно пробормотал Кенворти, хватая Боба за грудь железными пальцами.

Тррах! Удар по переносице, еще одна встряска, удар по лошади, — и наш герой лежит в одноколке, потеряв сознание, а дзревенская кляча, оказавшаяся превосходным бегуном, мчится, распустив хвост, по дороге в город.

Боб пришел в себя от шопота нескольких голосов. Он долго не открывал глаз, боясь увидеть застенки, подземелье, железные кольца в стене, дыбу, окровавленный пол и страшную рожу коренастого Кенворти. Но вообразите себе его удивление, когда, вместо всего этого, он оказался в просторной, чинной, благопристойной комнате, пахнувшей папками, деревянными столами, сургучом, бумагой и прочими атрибутами законности, — а прямо перед ним, мирно беседуя с Кенворти, сидел жирный человек в парике и с красным носом, ульстерский коронный судья.

Заметив, что Боб Друк пришел в себя, судья устремил на него пару оловянных, выпуклых глазок, чихнул и тотчас же погрузил нос в огромный носовой платок.

— Я горжусь, сэр, — напыщенно произнес Кенворти, ударяя себя кулаком в грудь, — горжусь, что поймал его, не боясь ни бумеранга, ни отравленных стрел, ни лассо, ни камня пииу-пиу, ни корешка миссолунги!

— Но, — величественно ответил судья, еще раз взглянув на Друка, — но, милейший Кенворти, он хотя и грязен, однакоже взгляд его интеллигентен, а цвет кожи и черты лица напоминают человека нашей расы!

— Мало ли что напоминают, — проворчал Кенворти, — вы перечтите, сэр, правительственный декрет! Там сказано

черным по белому, что колониальные народы объявили бунт его величеству королю и провозгласили этого разбойника, майора Кавендиша, собственным пророком! Поглядели бы вы, сэр, как полинезийцы, австралийцы, триполитанцы и прочие обезьяны растащили преступные останки майора. Взгляните, сэр, на этого крамольника, — что он обмотал вокруг своего живота, что? Штаны Кавендиша!

С торжествующей улыбкой схватил Кенворти старые брюки майора, крепко повязанные вокруг Боба Друка, рванул их и предъявил судье вещественное доказательство. Ульстерский судья глубоко вздохнул. Он был человеком, любившим покой, пудинг, портер и Пэгги, свою единственную дочь. Ему было крайне неприятно держать в Ульстерской тюрьме страшного идолопоклонника. Но делать было нечего. Вспомнив декрет и чихнув еще раз, судья расстроено пролепетал:

— Уберите его, Кенворти... Распорядитесь, чтоб его обмыли и обыскали. И, как гуманный человек, я бы все-таки хотел, Кенворти, чтоб вы приказали поставить ему кусок сырого ростбифа и парочку-другую бананов.

Не успел коронный судья удалиться, как круглая зверская рожа Кенворти озарилась самой ехидной усмешкой. Он поднес кулак к носу Друка, связанного по рукам и ногам, и свирепо шепнул:

— Ага, триполитанец, козьявка, эфиоп! Сгниешь, высохнешь, рассыплешься. На этот раз я держу тебя в руках, шпионская собака, и уж не беспокойся, не выпущу, не будь я знаменитый сыщик Кенворти!

Между тем ульстерский судья, оставив Боба Друка на попечение его английского коллеги, медленно шел к себе домой, опираясь на палку с набалдашником из слоновой кости. Глазки его тихо щурились от удовольствия, созерцая мокрый маленький город Ульстер, наполненный башенными часами с такой беспримерной щедростью, что положительно трудно было понять, откуда хватало времени для измерения его на таком множестве часовых стрелок. Дойдя до каменной ограды, доносившей до улицы запах роз, судья приподнял палку и постучал в калитку.

Тотчас же дверь распахнулась, премилое личико приподнялось навстречу судье, и его собственная дочь, Пэгги, подхватила коронного джентльмена под-руку, чтоб провести его в солнечный холл, где поджидали покой, пудинг и портер. Но на этот раз ульстерский судья чрезвычайно удивил Пэгги. Он не коснулся ни пудинга, ни портера, а покой, повидимому, не коснулся его самого.

— Пэгги! — произнес он жалобным голосом, высморкавшись в огромный платок с таким усилием, словно собирал собственное удобрение для бесплодного клочка земли: — Пэгги, душа моя, поищи в словаре Аткинсона на букву И.

— Есть, папа! — тотчас же ответила Пэгги, вспорхнула оборками, взметнула кудряшками и притащила обеими руками огромный словарь.

— И, папа! Икота, империализм, иступление, Исландия, Иллирия, Ирландия, Индия, Ирак, иллюзия...

— Нет, нет, — поморщился судья, — удивительно, чего смотрит цензура, дозволяя... гм... печатать словари по алфавиту! Погляди ниже, ниже, на слове «идол».

Пэгги послушно отыскала идола и подняла бровки от изумления:

— Папочка, «идол — это предмет для поклонения языческого культа. Идолы бывают разные, от деревянных чурбанов и чурок и до жестянок от консервов, оставляемых европейцами в языческих урочищах. Негры племени Га-на-Га-на поклоняются перевернутой метле, которой в метелку втыкают два камня, заменяющие глаза. Австралийцы поклоняются синему цветку, намазанному на жертвенник. Дикое племя Тон-куа поклоняется...» Ай, папа, тут неприлично!

Пэгги закрыла лицо руками и вспыхнула, как маков цвет.

— Дай сюда, — сердито пробормотал судья и нетерпеливо придвинул к себе книгу. Тотчас же по лицу его разлилась сладкая и безмятежная улыбка человека, свободно в собственных рефлексах по причине законного вдовства. «Дикое племя Тон-куа поклоняется двойному плоду мангуби, напоминающему две груди молодой женщины».

— Гм! — прошептал судья: — положительно, этот Кен-ворти садист! С каким жестокосердием он лишил несча-

стного молодого туземца экваториального солнца и предметов религиозного культа. Правда, туземец прибыл в Англию за штанами майора... Но... но я положительно не понимаю, с какой стати он меняет первобытную жизнерадостную религию на штаны этого...

Судья поперхнулся. Он терпеть не мог майора Кавендиша. Для нашего рассказа огромное значение имеет то обстоятельство, что и дочь судьи, Пэгги, терпеть не могла майора.

— Пэгги! — шепнул, наконец, судья, оглядываясь по сторонам и осторожно подбрасывая себе под самый нос огромный носовой платок: — видишь ли, душа моя, я должен с тобой посоветоваться. С тех пор как твоя мать, а моя супруга, вздумала взойти из этого мира к небу, что было ей трудно, Пэгги, очень трудно, имея в виду сердечную астму, я ни разу еще, гм... гм... не был в столь неопределенном состоянии духа!

— В чем дело, папаша?

— Я подразумеваю, Пэгги, вмешательство в религиозные дела!

Не успели: судья договорить этой фразы, а Пэгги вздрогнуть, — как дверь в холл отворилась настежь, резкие шаги простучали по каменному полу, и перед судьей очутился сам сыщик Кенворти, в дорожном костюме, дорожной шляпе и с дорожной сумкой через плечо. Ехидные глаза его так и светились дьявольской хитростью.

— Сэр, — проговорил он деловым тоном, — я зашел к вам перед отъездом в Лондон. Государство призывает меня к отчету, сэр. Поручаю вам пойманного мною язычника и надеюсь, сэр, что вы своим талантом добьетесь от него признания в исповедании культа Кавендиша, тем более что в случае вашего успеха, сэр, я не премину замолвить за вас словечко в министерстве колоний!

Произнеся эту речь не без явного хвастовства и шмыгання носом в сторону хорошенькой Пэгги, мистер Кенворти поднял шляпу и ретировался.

Судья посмотрел на дочь. Дочь посмотрела на судью.

— Теперь ты видишь, Пэгги, в чем дело, — угрюмо произнес блюститель закона: — настоящий честный, первобыт-

ный язычник под кровлей моей тюрьмы, и я должен представлять его в нечестивом кавендишизме, если не хочу лишиться наследственного места! Не бывать этому, Пэгги, клянусь чертовой матерью майора, не бывать, хотя бы в память того самого дня, когда я, — тут он ударил себя в грудь, — выгнал проклятого Кавендиша из своего собственного дома!

Глава двадцать третья

ПЭГГИ УСТАНОВЛИВАЕТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОБА ДРУКА И ЕГО РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Каждому человеку дается от судьбы бенефис. Нет сомнения, что на этот раз бенефис выпал тому самому ульстерскому извозчику, чьи заплата на кафтане, пятна на кэбе и зловещие лысины на лошади воспитывали смирение и скромность и держали возницу в стороне от прочих собратий, на предмет мгновенного и отчаянного снижения товарных цен.

В эту минуту злополучный возница стоит перед сотней ульстерских жителей и, растопырив руки, описывает свое приключение с идолопоклонником. Не только лавочники, дворники, почтальоны, курьеры слушают его, вытаращив глаза, но даже сами полицейские с булавою в руках, с пашкой наголо, сопровождающие несчастного Боба Друка в тюрьму, остановились и разинули рты.

— Вот он, братцы, как пить-есть, вот он! — орет возница, изо всей силы тыча в Друка и захлебываясь от блаженства. — Это самый, который идолопоклонник, пожиратель огня! Нанимает он меня, братцы, на хорошем языке за двадцать фунтов ехать в замок Кавендиш!..

Возгласы ужаса. Легкий обморок у барышень, стоящих под-руку с кавалером. Два-три кошелька из одного кармана в другой.

— А я, братцы, оборотился и вижу у него во рту синий огонь! Я его за ворот, а он ши-пши — и вдруг ка-ак взвился на воздух неизвестно куда. А денежки мои плакали!

Закончив свою речь, возница загоготал в таком восторге, точно плачущие денежки не доводились ему нимало сродни. Между тем ульстерские жители густой толпой окружили полицейских, чтобы насладиться зрелищем живого идолопоклонника.

— Джентльмены, он бритый! — восклицал парикмахер,

трогая пальцем щеку нашего героя.

— И пиджак на нем в самый раз! — орал портной.

— Он блондин!

— Он симпатичный!

— Он без обручального кольца!

Пищали барышни, не желая слушать ученика колледжа, тщетно объяснявшего обществу, что язычники носят кольцо исключительно в носу.

Но самую несносную назойливость проявил ульстерский аптекарь. Прыгая вокруг арестованного, он требовал, чтоб тот поговорил с ним по-язычески. Напрасно полисмены стучали булавой и рассыпали отборные английские эпитеты, аптекарь не унимался и требовал языческой речи.

Боб Друк, выведенный из терпения всей этой сценой и не вынесший плевков из запломбированного аптекарского рта, вдруг страшно выкатил глаза, сел на корточки и завыл диким голосом:

— А-ли-гу-ли-пу-ли-би!

Тотчас же на площади воцарилась глубокая тишина. Католики перекрестились. Англиканцы схватились за внутренние карманы, где рядом с кисетами лежали молитвенники. Барышни расплакались навзрыд. И, прежде чем Боб Друк успел опомниться, десятки дамских пальчиков швырнули ему на колени кто булочку, кто цветочек, кто сикспенс, а кто шоколадку.

Эта счастливая минута предрешила судьбу Боба Друка. Не успел он дойти до тюрьмы, как уже усвоил всю гамму языческих настроений, от выкатыванья глаз и сворачиванья языка трубочкой до молитвенных телодвижений перед брюками майора Кавендиша. Что касается означенных брюк, то, дорожа ими больше, чем собственной безопасностью, Боб поистине готов был превратить их в языческий фетиш.

Нет ничего удивительного, что экзотика, в изобилии разведенная Бобом, доставила тюремному начальству массу удовольствия. Надзиратель Химкинс не мог оторваться от глазка в камеру арестованного ни для обеда, ни для ужина и, проведя ночь без сна, тотчас же ринулся на наблюда-

тельный пост, чтоб не пропустить молитвенного танца идолопоклонника перед восходом солнца. Повидимому, танец этот превосходил всякую виденную им хореографию, ибо понадобилось прямо-таки рвануть его за фалду, чтоб обогреть лицом к коронному судье города Ульстера и его дочери, мисс Пэгги.

Коронный судья прибыл в тюрьму, нагруженный, во-первых, словарем Аткинсона на букву И, во-вторых, двумя очищенными зайцами в корзине, густо посыпанными кайенским перцем, и, в-третьих, множеством пробных предметов языческого культа, в целях облегчить допрос арестанта вещественными экспонатами. Тут были бумеранги, стрелы и кремневые ножики, взятые из местного доисторического музея. Деревянные чурбаны и чурки. Пустые жестянки от консервов. Пуговицы, бусы, страусовы перья. Опрокинутые метлы. Индиго и просто синька... Не было только плодов мангуби, которые достать в Ульстере не представлялось никакой возможности. Мисс Пэгги, дрожа от любопытства, устремила на тюремного надзирателя мечтательные голубые глазки.

— Сэр, — произнес Химкинс, почтительно откашлявшись, — тяжелое зрелище. Язычник поклоняется штанам мистера Кавендиша как какой-нибудь регалии или, можно сказать, хартии. Нервы мои, сэр, буквально не переносили подобного испытания с тех пор, как я себя помню в этой юдоли слез и правонарушений.

— А каков он собой? — шопотом спросила мисс Пэгги.

— Языческий! — хрипло ответил Химкинс: — нос, рот, глаза, уши, как у прочих людей, но впечатление от них, мисс, языческое, не говоря чего похуже. Эй, дай сюда ключ, отвори номер семнадцатый!

Надсмотрщик ворча отворил камеру. Дверь открылась. Коронный судья и его дочь, сопровождаемые полисменом с пакетами, вошли в комнату.

Боб Друк сидел на полу, сняв с себя башмаки и надев их на правую и левую руку. Чулки его были привязаны вокруг ушей, нос густо вымазан кашей, а миска из-под нее горделиво надета на макушку. Перед ним на гвозде висели брю-

ки майора Кавендиша. Боб Друк из всей силы колотил босыми ногами об пол, бил башмаками на манер тимпанов и уныло стонал: «а-ли-гу-ли-пу-ли-би».

— Садитесь, мисс, садитесь, сэр, — взволнованно предложил тюремный надзиратель, чувствуя себя антрепренером знаменитого артиста, — вы еще насмотритесь и не таких штук!..

— Пэгги, дитя мое, открой словарь!

Пэгги, краснея, открыла Аткинсона. Пока ее пальчики, дрожа, совершали маршрут от Империализма, Ирландии, Индии, Иллирии, Ирака до идолопоклонства, тимпаны в руках Боба Друка становились все слабее, ноги смущенно подтягивались в тыл, а глаза, повидимому, тоже заинтересовались словарем или бродившими по страницам хорошенькими пальчиками.

— Читай, — произнес судья голосом, полным научного интереса.

— «Идол — это предмет для языческого культа, — звонко начала мисс Пэгги, — идолы бывают разные, от деревянных чурбанов и чурок и до жестянок от консервов, оставляемых европейцами в языческих урочищах. Негры племени Га-на-Га-на поклоняются опрокинутой метле...»

— Стой! — прервал ее судья, выхватывая у полисмена метлу и водружая ее прямо перед носом Боба Друка: — Гу-гу-! Га-на-Га-на! Молись!

— Но, папа, он совсем не похож на негра! — вступилась мисс Пэгги, сочувственно поглядывая на идолопоклонника, успевшего счистить с носа кашу и предпочитавшего взгляды, обращенные далеко не в сторону метлы.

— «Австралийцы поклоняются синему цвету, намазанному на жертвеннике...»

— Дай сюда индиго! — провозгласил неутомимый судья и тотчас же вымарал синей краской с полстены тюремной камеры: — У-а! У-а! Молись, австралиец! Сосредоточивайся!

Но австралиец и не думал сосредоточиваться. Этот чу-дак, наоборот, проявлял все симптомы крайней растерянности, вертясь во все стороны, кусая губы, краснея, потея,

пыхтя и не зная, куда девать руки и ноги.

— Несчастный! Повидимому, он позабыл веру своих отцов и всецело предался этим проклятым штанам Кавендиша! — мрачно воскликнул судья, исчерпав весь свой запас гласных, долгих гласных, коротких гласных и полугласных.

— Папа, — шепнула мисс Пэгги, краснея, как роза, и опуская ресницы на щеки: — папа, я думаю, что я еще не дочитала... Я думаю, что этот незнакомец принадлежит к племени Тон-куа!

Судья вопросительно взглянул на дочь.

— «Дикое племя Тон-куа... — дрожащим голосом прочитала Пэгги:— поклоняется двойному плоду мангуби, напоминающему...»

— Вздор! — сердито воскликнул судья: — закройте книгу, сударыня! Наденьте вуаль! Опустите глаза! Откуда вы вообразили подобный вздор, если здесь нет плодов мангуби! И неужели вы полагаете, что я спустил с лестницы майора Кавендиша для того, чтобы предоставить вас ухаживаниям поклонника его штанов?!

С этим грозным спичем судья подхватил Пэгги под руку и быстро вышел из тюремной камеры, оставив у Боба Друка еще одну драгоценнейшую примету неуловимого майора Кавендиша.

Глава двадцать четвертая

МЫС СВЯТОГО МАКАРА

Сыщик Кенворти слез с поезда на перроне лондонского вокзала в без четверти четыре дня. Но по старой традиции, введенной романистами, начиная от Коллинза и кончая Честертоном, Лондон был окутан таким туманом, что, если б его резали ножами, нехватило бы точильщиков по всей Великобритании, для того чтобы вывести вышеупомянутые ножи из полного отупения.

Кенворти пробормотал сквозь зубы ругательство, закутался в плащ и влез в первый встречный кэб, крикнув внушительным голосом:

— Скотланд-Ярд!

Нет надобности говорить, что кэб блуждал около часа вокруг одного и того же памятника, заезжая ему то сбоку, то сзади, то спереди, покуда лошадь не наехала на полисмена, а этот последний не направил кэб куда следует.

Поднявшись по лестнице в кабинет Лестрада, Кенворти не без удивления заметил странное поведение полиции. Весь Скотланд-Ярд жужжал, как улей. Чиновники бегали взад и вперед. Полисмены входили и выходили. Сыщики то и дело хватали себя за голову, блуждающими глазами смотрели по стенам и шевелили губами. Наконец вышел сам Лестрад, значительно поседевший и потолстевший с тех пор, как его описал Конан-Дойль, на ходу протянул руку Кенворти и отрывисто спросил:

— Нашли?

— Я поймал шпиона, отслеживавшего господина майора, — отрапортовал сыщик, — шпион посажен мною в ульстерскую тюрьму под видом колониального революционера. Из суммы, назначенной министерством колоний, мне следует...

— Кукиш! — злобно отрезал Лестрад: — какого чорта вы носитесь со шпионами, когда Скотланд-Ярд висит на волоске! Когда у нас остался один-единственный день! Когда

вся Англия покрыта плакатами, вопросами и вопросительными знаками! Вы, сударь, пришли издеваться надо мной!

Кенворти вытирает глаза.

— Ну да, — простонал Лестрад, откидываясь на спинку кресла и вытирая со лба холодный пот, — разве вы не знаете, что его величество повелел нам в трехдневный срок отыскать мыс святого Макара, грозя в случае неуспеха всеобщим увольнением? Лорд-хранитель печати захворал от волнения подкожным выпрыскиванием! Лорд Биркенхед схватил подмышкой градусник! Я сам уже два дня как болею порошками хины по шести граи и готов умереть. Лучше умереть, чем выйти в отставку!

Кенворти вышел из Скотланд-Ярда, как убитый. Все его надежды получить хорошее вознаграждение за поимку шпиона рассеялись. Между тем лондонский туман не рассеялся ни на йоту, а, наоборот, сгустился до такого киселя, что Кенворти потерял всякое представление о дороге. Сделав несколько шагов, он со всей силы налетел на тумбу, получил хорошую шишку и в бешенстве сунул руку в карман за электрическим фонарем. Но не успел он пустить свет, как вскрикнул и схватился за голову. Мир, окружавший его, менее всего походил на Лондон. Это был фантастический мир, волшебный мир, театральный мир! Справа, слева, спереди, сзади, снизу, по всем меридианам глядели на него десятки, сотни, тысячи, миллионы плакатов, рыжего, белого, желтого, зеленого цвета, и на каждом плакате обещались различные премии, от иоркширской племенной свиньи и до образцовой яхты, тому, кто укажет местоположение мыса святого Макара!

Оставим Кенворти растерянно бродить среди туманов, афиш и плакатов Лондона и перенесемся на минуту к толстому маленькому человеку, сидящему под парусиновым зонтиком, четырьмя опахалами и собственным веером на пороге модного здания, увенчанного двумя мачтами. Здание стоит на самом берегу Персидского залива, среди низкорослых кактусов, с неба обжариваемых отоплением, которое в один час могло бы вылакать весь лондонский туман, если б природа руководилась в своих дарах хоть каким-ни-

будь подобием Госплана и регулировала качество собственной продукции. Короче сказать, мы возле тропиков, под носом у Индии, в английской зоне влияния, а толстенный человечек заведует радиостанцией и называется мистер Лебер или, по-туземному, Лебра.

— Из Лондона сообщают, мистер Лебер, что мыс Макара все еще не найден! — задыхаясь сообщил чиновник, выбежавший с радиостанции.

— Найдется! — спокойно проговорил Лебер, являя разительный контраст со своим подчиненным.

— Но из Афганистана сообщают, что таинственная надпись появилась на коре всех миндальных и пробковых деревьев!

— Дураки, пробки портят, — пробормотал мистер Лебер, ничуть не смущаясь.

— Но, мистер Лебер, десятки тысяч туземцев спустились с гор, прошли мимо нашего лагеря и требовали учебников географии! Нашего миссионера нашли повешенным вверх ногами на кокосовой пальме с прибитой на ногах надписью на афганском языке:

«Смерть псу, утаившему мыс Макара!»

— Пустяки! — лениво процедил мистер Лебер.

— Но американский купец, — злобно вскричал чиновник, выходя из себя от флегмы своего начальства, — американский купец, мистер Лебер, начал постройку перед самым нашим носом!

Тут только мистер Лебер отвел опахало, спущенное к его подбородку, и увидел кучку белых людей, копошившихся на самом берегу, покрикивая на меднотелых туземцев. Туземцы таскали бамбук, бревна, доски, солому и тростниковые крыши.

— Это другое дело, — произнес мистер Лебер и тотчас же встал с места.

Высокий афганец простер над ним зонтик. Мистер Лебер величественно спустился с крыльца радиостанции, последовал на берег, сел на складной стульчик и вынул бинокль. Чиновник, поспешивший вслед за ним, продолжал рапортовать:

— Необходимо, мистер Лебер, срочное вмешательство! Мы только что провели ударную кампанию по кавендишизму, согласно распоряжению правительства. Иракский парламент объявил кавендишизм национальной религией, вследствие чего мы вынуждены были оккупировать Моссул и предъявить иск Ангоре за легализацию на турецкой земле английского мятежника. И вдруг, мистер Лебер, эта самая надпись перетасовывает сферу политических интересов. Не пройдет и суток, как мы с вами вылетим в отставку, если только не откроем гнусных агитаторов или, по крайней мере, мыс святого Макара.

Мистер Лебер ничего не отвечал и пристально смотрел в бинокль. На берегу с фантастической быстротой строилось нечто вроде выставочного павильона. Раз-два-три, стены, фундамент, половицы, оконный переплет воздвигнуты наподобие карточного домика. Тростниковые крыши накрыли их меньше, чем в десять минут. Один рабочий водрузил наверху шест с американским торговым флагом, другой развернул огромное белое полотнище. А на полотнище черными буквами стояло:

ОТКРЫТИЕ ПАВИЛЬОНОВ

сегодня, в восемь часов, по Гринвичскому времени, на всех островах, перешейках, побережьях, пространствах Аравии, Африки, Азии и обоих полюсов. На открытии павильонов после оркестрового туша будет торжественно указано местонахождение Макарова мыса!

Не успело полотнище прикрепиться, как ехидный рыжеволосый янки появился на балкончике вновь отстроенного балагана и величественно обозрел свое владение. Ог-

ромные тюки, носильщики с ящиками, ручные тележки, просто мешки на спинах полутолых афганцев стали вноситься в павильон со стороны суши и моря. А перед павильоном с быстротой молнии возникла сухопутная очередь из самых разнообразных туземцев, начиная от мирных таджиков и кончая звероподобными горными лурами и белуджистанцами в горных шапках. Тут были старухи, женщины, дети, юноши в живописнейших лохмотьях и рваном тряпье. Лица их медного цвета, волосы спутаны, ноги босы, а страстное нетерпение написано на каждой черточке.

— Что нам теперь делать? — взволнованно спросил чиновник.

— Стать в очередь, — спокойно ответил мистер Лебер, подмигнув своему подчиненному: — стать в очередь и разузнать, — во-первых, где находится мыс Макара, и, во-вторых...

— Но, мистер Лебер!

— Не перебивайте меня! И, во-вторых, сколько заплачено американцами этому фантастическому стаду туземцев, за вычетом расходов на грим, туалетные принадлежности и театральные парики.

Глава двадцать пятая

ВСТРЕЧА С КЕОСОЙ ПРЕДВЕЩАЕТ НЕСЧАСТЬЕ

Гуссейн выполнил распоряжение Мартина Андрью и водворил караван в беленьком домике. Правда, хозяина домика нигде нельзя было найти. Но его помощник, отец Беневолент, провел гостей в пустынные комнатки, снабдил их сетками от moskitov и мазью от скорпионов, имел с Мартином Андрью секретный разговор, и, казалось, мирное внедрение в домик произошло благополучно и не предвещало ничего дурного.

Однако Гуссейн утрюмо покачивал головой. Он был истый турок, родившийся в Алеппо. Он отлично знал плохие и хорошие приметы. И уж если в день дважды на улицах Джерубулу ему довелось встретить кеосу, дурной глаз тяготел над всеми их делами, что бы там ни воображали хитрые инглезы. Он выбрал поэтому самую бедную, пустую и отдаленную комнату, принадлежавшую отцу Арениусу, потому что она была крайней и имела одну только дверь. Тогда он велел курдам внести паланкин, и забинтованная Эллида была выпущена лишь после того, как кривой глаз Гуссейна убедился в прочности замков и запоров.

Дитя развязано, служанки массируют ей затекшие ручки, распустили благоухающие бронзовые кудри, вынули сурьмовые карандаши. Приготовлено ложе над тысячью роз, принесенных сюда корзинами, но Эллида проявила внезапную жадность. Качая головкой, она требует еще и еще роз, целые возы роз, целую плантацию роз. Пробежавшись по комнате, точь в точь как ребенок, только что научившийся ходить, Элльнда швыряет розы во все углы, стелет их по каменному полу густой пеленой, прокусывает бутоны зубками, бросает их под потолок. Мартин Андрью, оскалившись и побледнев, наблюдает из-за дверей за каждым ее движением. Узкое личико, расширяющееся ко лбу, с дивными длинными загадочными глазами, удлинненными сурьмой к вискам и переносице и увенчанными линией сросшихся

бровей, — глазами, словно взятыми из лучших персидских миниатюр, — озарено блуждающей улыбкой. И таково действие этой улыбки, что она мерцает на плечах, бархатистой приподнятости груди, круглой линии живота, на крохотных косточках бедер, блуждающая, золотистая, гибкая, как червячок, неожиданная улыбка бронзового идола, зажегшая тело ребенка огнем, быть может некогда обжигавшим в египетском дыхании Клеопатры.

Пастор Мартин Андрию отгадал это очарование с первого взгляда. Он смотрит, изнемогая от нетерпенья. Дела — епископ Кентерберийский, мыс Макара, миссия, отец Арениус — отброшены в сторону. Седой и стройный пастор, с лицом, вытянутым, как волчья морда, перешагнул порог и кинулся к девушке.

Эллида затрепетала. Можно было подумать, что это — трепет отворачивания, если б не та же блуждающая улыбка, вспорхнувшая ей на губки. Стоя посреди комнаты, она приподнялась на цыпочки, свесила крашенные ногти к коленкам, откинула голову. Мартин Андрию сделал знак служанкам и Гуссейну, тотчас же выскочившим из комнаты, и, закусив губу, подошел еще ближе.

Эллида подпустила его к себе. Мартин Андрию протянул руки. Но бронзовый идол качнулся и выскользнул. Эллида хлопнула в ладоши, издала странный, гортанный звук, похожий на клекот тетерки, и вдруг закружилась перед пастором в никогда не виданном им до сих пор танце. Пастор Андрию — человек бывалый. Он видел, как пляшут гаитянки, скачут японочки, кружатся индуски. Но это кружение не напоминало ему ничего из виденного. Девочка подняла руки и скрестила их над головой, выворотив ладони наружу, а тыловые части прижав друг к другу. Ноги она точно так же выворотила наружу движением, каким вытряхивают плоды из корзины или выворачивают наизнанку платье. Трепет потрясал ее тельце снизу вверх, шея клонилась под тяжестью локонов, веки упали на глаза, ресницы легли на щеки. И как раз в ту минуту, когда обезумевший Мартин Андрию собирался схватить ее в охапку, ребенок сорвал с пояса великолепную красную розу, воткнул ее себе в

губы стебельком в рот, чашечкой наружу, и, все не поднимая глаз, не видя, не глядя, протянул личико к Мартину Андрию.

Когда пастор схватил, наконец, ее за талию, Эллида положила пальчик сперва на красную нижнюю губу пастора Мартина, потом на красную розу в собственных зубах и улыбнулась. Немой язык означал: поцелуй меня.

Мартин Андрию не замедлил принять приглашение. Но не успел он вонзиться зубами в розу на губах у Эллиды, как краснота его щек и век сменилась зеленой бледностью, он пошатнулся, вздохнул и повалился на пол. Тотчас же Эллида выплюнула отравленную розу. Пастор Андрию лежал неподвижный.

— Еалля, — прошептала девочка, — дулльной чеовек с де-левянная нога! — Подпрыгнув, как козочка, она схватила длинную шаль, завернулась в нее и бросилась вон из комнаты.

А там уже сделали свое дело душистые розы Джерубулу. Недаром их окропила Эллида из-под длинных накрашенных ногтей, прятавших пузырьочки с ядом. Розы, розы, розы усыпали все комнаты белого домика, и на розах, розах, розах лежали без чувств — садовник, служанки, курды.

Пробежав мимо них, Эллида распахнула двери и оставилась, потрясенная свободой и родной, ранней, райской ночью Востока, дышавшей бездонной чернотой, пересыпанной звездами, как нафталином.

Но, прежде чем ножки ее сошли со ступенек, миновали внутренний двор с журчащим фонтаном и через глухую дверь выбрались на улочку Джерубулу, кто-то заметил ее бегство.

Это был Гуссейн, сидевший, поджав ноги, на краю фонтана. Он терпеть не мог роз. Вот почему они и оставили все его чувства в полнейшей исправности. Завидя Эллиду, одноголазый турок первым долгом ринулся не на нее, а на слуг, как тигры кидаются на быков, а не на кроликов, помня, что мелкая дичь все равно от них не спасется. Пробежав по комнатам и наткнувшись на сонные тела, Гуссейн издал про-

клятье и повернулся, чтоб схватить Эллиду. Между тем девочка успела уже выбраться на улицу.

Она кинулась было с порога пасторского дома, как чья-то нежная руга дотронулась до нее, и девочка увидела перед собой доброе старое лицо, осененное белоснежными кудрями.

— В чем дело, дитя мое? Кто вас обидел в моем доме?

Пастор Арениус говорил по-персидски. Эллида ответила тоже по-персидски:

— Пустите меня! В доме скверный, злой человек с деревянной ногой. Надо назад, домой!

Арениус понял только одно: его достопочтенный коллега находится сейчас в доме, и девочка бежит от него. Взяв ее за руку, он повернул назад, и через мгновение две тени слились с чернотой неосвещенных лабиринтов Джерубулу. Гуссейн, как кошка, крался вслед за ними, выбирая удобную минуту, чтобы схватить девочку. Покуда Эллида прерывистым голосом, по-персидски, задыхаясь от бега и волнения, рассказывала Арениусу свою историю, миссионер соображал, что ему делать. Во всей английской колонии в Джерубулу не нашлось бы сейчас человека, согласного выступить против Андрию. Он это знал. Напрягая мозг, он обдумывал, где укрыть Эллиду, как вдруг Гуссейн, собиравшийся схватить беглянку, жалобно взвизгнул, сел на корточки и стал читать заклинание. Жирное безбородое существо — кеёса — с животом, перетянутым, как у бабы, кожаным ремешком, внезапно появилось перед ними на перекрестке двух улиц. Бархатный бабий голос крикнул, — и тотчас же черные черти, усаые и бородатые, в куртках с пуговицами, подхватили не только Эллиду, но и старого Арениуса, накинули им на головы мешки и, прежде чем они успели пикнуть, увлекли их в черноту ночи.

Глава двадцать шестая

ГДЕ ПРЕМИЯ, КАК И ВООБЩЕ ВСЯКАЯ ВЫГОДА ВЫПАДАЕТ НА ДОЛЮ АМЕРИКАНЦЕВ

Гуссейн все еще сидел на корточках, творя заклинание от дурного глаза, когда улица озарилась десятком факелов и фонарей. Несколько человек в белых абаях прогарцовало к домику пастора Арениуса.

Тот, кто был впереди, — высокий, смуглый, с лицом восточного типа, — остановил у порога свою косматую лошадку и соскочил на землю.

— Люди! Эй! Почтенный сэръ! Мартин Андрью!

Он колотил без всякого сострадания в металлическое распятие, прикрепленное у дверей, — но, к его удивлению, в доме была полная тишина, и ни один голос не отозвался. Воздух, даже на пороге, был невыносимо душен от роз. Положительно, не начихаешь! Рванув за дверную скобу, косматый человек проник в дом и тотчас же отпрянул в ужасе. Перед ним, в неприличном изобилии, напоминая скорей паноптикум, чем мирный приют миссионера, лежали мертвые тела.

Неизвестно, что предпринял бы незнакомец, если б Гуссейн, отчитавший свою тень от кеёсы, не вернулся в эту минуту домой.

— Полковник! — воскликнул он утрюмо: — аллах благослови ваш приезд. Спасите саиба! Спасите их! Девчонка подмешала им дьявольского зелья и удрала прямо в лапы кеёсы.

Незнакомец быстро наклонился к неподвижным телам, приняхался к розам и тотчас же схватил лежавшую служанку за голову, приказав Гуссейну взять ее за ноги.

— Розы отравлены. Тащи их во дворик!

Покончив с ними, он побежал внутрь, минуя скромные комнатунки миссионера, споткнулся о распростертое тело

отца Беневолента и добрался, наконец, до розовой кельи, где на ложе из смятых роз лежал бледный, как смерть, пастор Мартин Андрию. Незнакомец открыл окна, выбросил цветы, расстегнул кожаный пояс пастора, капнул ему на губу из крохотного флакончика.

Жизнь пробежала по желтоватым губам Андрию. Веки дрогнули.

— Эл-лида, — прошептал он, судорожно двигая пальцами.

Косматый уронил флакон.

— Эллида! — еще раз простонал пастор, открыл глаза и увидел своего спасителя.

Только одну секунду две пары зрачков глядели друг в дружку. Пастор Мартин Андрию первый закрыл глаза. Незнакомец не стал его тревожить. Поднявшись, он вышел в соседнюю комнату, где Гуссейн, как истый уроженец Алеппо, уже обдумывал, какому хозяину выгоднее служить.

— Старый дьявол, — медленно сказал приезжий, упорно выискивая взглядом потупленный глаз турка, — мы назначили тебя па это дело как настоящего мусульманина, в надежде, что это заставит тебя охранять англичанина, как человек охраняет между двумя пальцами пойманную блошку! Но ты оказался менее мусульманином, чем аллепповцем. Слышишь ты меня?

Косматый избрал неверный путь. Хитрый Гуссейн тотчас же почувствовал это. Полковник бил на идеологию, тогда как пастор Мартин Андрию хорошо платил, щедро платил, без разговоров платил.

— Чем это я провинился? — хныкнул Гуссейн жалобным голосом. — Девчонка отравила бы и меня, если б я рискнул на вонючую понюшку.

— Ты отлично знаешь, чем, — крикнул полковник: — ты двадцать раз повторил за мной приказания, отданные тебе в Константинополе: не смей возить девочку туда, где живут священнослужители, не оставлять пастора Мартина Андрию без присмотра!..

Но тут сам пастор Мартин Андрию, придя в себя и оправившись, показался на пороге и избавил Гуссейна и его

верную тень от дальнейших неприятностей. Кинув на своего слугу многозначительный взгляд, красноречиво подчеркнутый жестом руки, тихонько ударившей по карману, — пастор спокойно обернулся к приезжему.

— Чему приписать высокую честь вашего посещения, полковник?

— Необходимости тотчас же, без промедления, ехать в Ковейт, — ответил приезжий: — все подготовлено. Фанатики хотят с минуту на минуту выступить. Каждый час может оказаться роковым.

В полном безмолвии пастор Мартин Андрию взял свою шляпу, успев незаметно кинуть Гуссейну набитый золотом кошелек. Но, когда оба они бросили прощальный взгляд на домик Арениуса и собрались было повернуть к вокзалу Багдадской железной дороги, отец Беневоilent, взъерошенный, томный от розовой отравы, в высшей степени разгоряченный, кинулся им навстречу, размахивая руками, как тряпичная кукла.

— Джентльмены и достойные собратья, — завопил он голосом кумушки, только что давшей честное слово соблюдать семейный секрет, — сюда! На улицу Мертвого Павлина! В старую часть города! К Майдану!

Подскочив к пастору и полковнику, он подхватил их обоих под-руки, протащил за собой шагов пятьсот и остановился, предоставив им самим делать выводы из необычайного зрелища.

Майдан был переполнен турками, персами и персиянками. Высокий деревянный павильон выставочного типа возвышался на середине площади. Над павильоном развевался американский флаг. На витринах, прилавках и столах лежали груды самого соблазнительного товара — персидский калемкер, набойки, ленты, высокие шапки, шали, туфли, и все это снабжено рисунками по последней моде — серпом и молотом, портретами большевистских вождей и щегольскими лозунгами на турецком, арабском, абиссинском и фарсийском языках. А над всеми этими соблазнами висела огромная белая вывеска:

ГДЕ НАХОДИТСЯ МЫС МАКАРА?

Здесь, граждане, и решительно во всех
отделениях мистера Мэкера, где только
продаются шляпы его фирмы!

**АРАВИЙСКИЕ НАРОДЫ! НОСИТЕ
ШЛЯПУ МЭКЕРА!***

* Игра слов: кэп — по-английски мыс и шляпа одновременно. Мэкер — делец и фамилия фабриканта.

Глава двадцать седьмая

НОЧЬ НА БЕРЕГУ ЕВФРАТА

Поздно ночью из городка Джерубулу, минуя вокзал Багдадской железной дороги, вышел караван из двадцати верблюдов и многочисленных погонщиков. Он оставил в стороне караванный путь на Моссул, шедший через Мардин, и направился безлюдной дорогой к городку Мескене, вдоль по течению реки Евфрата.

Несмотря на многочисленность погонщиков и поклажи, придававшей каравану купеческий вид, можно было заметить странные признаки поспешности и тревоги, с какой он вышел из города. Еще доносились резкие свистки локомотива, пение автомобильных сирен, гуденье моторов, крикливо и кощунственно нарушавших безмолвие ночи, а уже арабы остановили верблюдов, прислушались и завязали им ноги мягким войлоком, чтоб поступь их была бесшумна. Потом они спустили на лицо длинные шлемы с круглым разрезом для глаз. Потом, неожиданно для верблюдов, острыми палками погнали их прочь с дороги, в могучие заросли, к самой реке, вдоль которой шла другая, болотистая тропа, затапливаемая два раза в год. Она была скользкой и трудной, но гонщики предпочли вести свой караван по ней.

На верблюдах качались корзинки, крытые парусиной. В корзине по несколько человек сидели путники. Если б звезды могли приподнять полог палаток и загореться в их глубине на манер Осрамов и других европейских домашних звезд, мы увидели бы, что путники тесно связаны друг с другом, руки их прикручены к спине, рты забиты тряпками, а сами они принадлежат к прекрасному полу.

Только один верблюд мог бы похвастаться более свободной поклажей. Палатка его широко распахнута. Ночной воздух гуляет внутри. Лай евфратского шакала и свист ночных птиц доносятся туда беспрепятственно. А из четырех мужчин, развалившихся на сиденьи, трое преспокойно ку-

рят душистые трубки, и только четвертый разделяет участь женщин: он связан.

— Конечно, достопочтенный отец, мы поступили с вами неполитично и, можно сказать, насильственно, — с важностью бормочет маленький черноусый мужчина, лежа сразу на четырех подушках и уткнув пятки в толстый живот своего соседа. — Но вы видите по нашему отъезду библейским способом, минуя немецкие вагоны и английские омнибусы, что нам крайне важно соблюсти тайну. Если б мы стали засылать к вам агентов и маклеров для переговоров, мы могли бы попасть в лапы английской полиции.

— Но что же вам от меня надо? — простонал отец Арениус, изнемогая от веревок: — я стар, измучен, болен. Кто вы такие? Почему вы не оставили меня в Джерубулу?

— Сколько вопросов сразу, — ответил черноусый, — это дурно, святой отец, очень дурно. Видите ли, вы нужны нам, чтоб отвечать на вопросы, а отнюдь не задавать их. Симпатичное маленькое стадо падших женщин, отче — вот с кем придется вам иметь дело, по всем правилам святой религии. Но я должен признаться, что вам отнюдь не следует вести их к раскаянию и отговаривать от порочной жизни.

Миссионер глухо вздохнул и хрустнул пальцами. Вселенная сошла с ума. Кентерберийский епископ повелевает проповедовать кавендишизм вместо христианства. Тайнственные черные люди везут его для бесед с падшими женщинами, которых он не смеет исправлять. И, к довершению всего этого, пастор Арениус не может даже умереть, так как жизнь его, повидимому, объявлена чрезвычайно ценной.

— Судя по вашим вздохам и разговорам в бреду, — продолжал черноусый, вы хоть и англичанин, отче, но разобижены этой нацией в пух и прах. Мы прямо признаемся вам, что ведем американскую линию. Нашим девочкам, отче, вы должны будете преподавать строгую американскую ориентацию.

— Га! — гортанно вскрикнул араб, побрасывая кверху палку. Тотчас же десяток погонщиков остановили верблюдов и бесшумно скрылись в зарослях. Разговоры замолкли. Палатка задернулась. Тревога прошла по всему каравану.

Спустя секунду гонщик вынырнул из-под верблюжьего брюха и, сложив руки рупором, шепнул что-то толстому человеку с жирным, бабьим лицом и капуцинским ремешком на животе.

— Погоня, князь, — бархатным голосом произнес толстяк, — они промчались в автомобилях по шоссе. Нам следует расположиться в этих зарослях на ночлег, как советуют арабы. Пусть высохнет мое горло, если это не одноглазый дьявол, у которого я уволок красотку.

Князь Гонореску ничего не имел против ночлега в зарослях.

Подумав с минуту, он подмигнул секретарю, указал ему на миссионера и шепнул:

— Развяжите его и поведите к девочкам. Он боится наших преследователей не меньше, чем мы, и уж во всяком случае не удерет до утра.

Врибезриску угрюмо развязал отца Арениуса. Он догадывался, куда клонил его патрон. Так оно и случилось. Не успели они сойти из палатки на землю, как румынский князь протяжно свистнул носом, протянул ноги на переднее сиденье, раскидал руки направо и налево и тотчас же блаженно заснул, убаюканный шорохом Евфрата лучше, чем своей собственной генеологической хроникой.

Между тем арабы остановили и других верблюдов. Палатки спущены вниз, на болотистой земле прикреплены сваи, натаскан хворост, устроено днище. Подушки брошены на этот высокий насест, огороженный от страшных аравийских тигров колючей проволокой. Одна за другой сюда перенесены женщины. Но если пастор Арениус развязан и пущен с миром, как доброе жвачное, от которого не ожидают бегства, то бедняжки из «ковейтского» комплекта остались связанными по рукам и ногам.

Миссионер тихо повернул к Евфрату. Над ним, как тысячелетие назад, катились огромные ясные созвездия. Перед ним лежала священная река Библии, обмелевшая и матовая на поверхности, словно насыщенная ртутью. Небо над рекой было прозрачно-зеленое, как бутылочное стекло, и черные локоны деревьев, палочки тростника, щупальцы при-

брежных кустов стояли на зеленом фоне, подобно японскому рисунку. Отец Арениус, чувствительный ко всякой глубине, был охвачен торжественной дрожью. Он продекларировал про себя двустишие Омара Хейяма и тотчас же, как истинный христианин, стал молиться. Что ему за дело до изменников и разбойников? Он знает, что ему делать, и если настала пора принять мученичество, он его примет.

С этими возвышенными и успокоительными мыслями пастор Арениус направился к падшим женщинам, дабы наставить их добру, принести милосердие и прощение и указать спасительный путь.

Поднявшись на свайную площадку, отец Арениус миновал жирного Апопокаса, тощего Врибезриску и очутился в душной тесноте подушек, среди нескольких десятков молодых женских тел. Полог поднят, звезды озаряют ночлег, и пастор без всякого труда мог увидеть, что ни одна из спасаемых им овец и не думает спать. Куда бы он ни взглянул, — на него, в свою очередь, внимательно и пристально глядели блестящие глаза, темные, светлые, большие, широко и узко расставленные, и без исключения очень красивые. Первая, на кого он наткнулся, была большая белая женщина, с рыжими косами, резким ртом и красивым овалом, Сарра из Нортумберленда. Она побывала в десяти европейских притонах и двух азиатских, — весьма почтенный стаж для молодой женщины, чтобы убедиться в абсолютной ненужности лиц духовного звания для людей ее профессии. Ничего удивительного в том, что она крепко выругалась и снова опустила голову на подушку.

— Дети мои, — нежно произнес пастор, опускаясь возле Сарры, — я принес вам не осуждение, а слова милости и прощения.

— Вот тебе и раз, сэр! — воскликнула Сарра, опять подняв голову: — верно у меня в ушах звенит. Не хотите ли вы просить у нас прощения за всех власть имущих людей? Эка, захотели! Я лично не прощаю ни на пол-соверена и, будучи выбрана делегаткой нашего коллектива, уверена, что и товарищи мои не прощают.

— Бедняжка, — прошептал пастор Арениус, — да размягчит милосердный бог твое окаменевшее сердце. Да заронит в тебя эта ночь семена раскаяния!

Сарра фыркнула от неудачного оборота пасторской речи.

А тем временем с далекой подушки приподнялась другая головка; при дневном свете это была очаровательная, хрупкая головка полуребенка с голубыми глазами, ямочкой на подбородке и веснушками возле носа. Но сейчас было видно лишь бледное лицо с двумя темными пятнами век:

— Товарищ Сарра, — произнесла она ломаным английским языком. — Объясните этому дикому человеку основы социологии!

Глава двадцать восьмая

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕНОТДЕЛА ТАМ, ГДЕ СОБИРАЛИСЬ ОТДЕЛАТЬ ЖЕНЩИН

Таинственная малоазийская ночь текла по всем своим циклам, воспетым персидскими и арабскими поэтами для добросовестных английских переводчиков, а пастор Арениус, открыв рот и сдвинув седые брови, сидел среди падших женщин и не уставал учиться самым неожиданным вещам, о которых он никогда в жизни не подозревал.

Звезды бледнели и потухали. Евфрат покрылся туманом. Шакалы и совы утихли. Хитрый Апопокас давным-давно проснулся, побуждаемый к этому близостью рахат-лукума. Но, услыша разговор миссионера со своим девичником по политграмоте, так и застыл, преисполненный любопытства.

Между тем Арениус был перенесен в область ничего общего не имевшую ни с грехом, ни с прощением, ни с душой, ни с ее делами. Посвященный рыжей Саррой и маленькой Минни Гербель в простые истины социологии, миссионер долго вздыхал и, наконец, воскликнул:

— Но... но, милые мои, что же теперь делать?

— Шевелить мозгами! — воскликнула одна из девушек.

— Бороться, — произнесла другая.

— Когда мы думали, как вы, сэр, — вмешалась Сарра, — каждой из нас ничего не оставалось, как напиться и умереть. Но вот эта маленькая саксонка зарядила нас мыслишками почище. Теперь мы сорганизовались. У нас ведется работа. Мы учим друг друга разным языкам. И мы размышляем, сударь, над теми странами и народами, по которым нас волокут неизвестно для чего.

Отец Арениус тяжело вздохнул.

— Эти страны и народы, дорогие мои, я изучал много лет, чтобы принести им свет своей веры. Но за последнее время сомнения посетили меня.

— Вот уж хорошо, что они застали вас дома, сэр, — пробормотала Минни Гербель, — неужто вы не понимаете, что дело не в свете, а в пушках, капиталах, товарах и рынках?

Увы! Пастор Арениус начинал это понимать. Но Апопокас, хотя и спросонок, тоже начал понимать странную манеру учить девиц политграмоте, и ему справедливо показалось, что это не может быть по вкусу американскому джентльмену с чеками. Поэтому он осторожно сполз с насеста, добежал до спящего верблюда, влез в палатку его сиятельства и со всей силы встряхнул румынского князя.

— Проснитесь, придите в себя! — зашипел он бархатным голоском. — Пока ваш секретарь храпит, как сорокадюймовое, я, можно сказать, глаз не сомкнул. Ходил дозором. Продрог. Идите-ка послушайте нашего дьячка. Уж лучше бы мы его предоставили собственным ногам и аравийским шакалам, чем таскать его в порт Ковейт.

Князь Гонореску, столь неделикатно разбуженный от сна, преисполненного фамильных гербов и подвалов с драгоценностями, сердито вылез из палатки и пошел за Апопокасом по мокрой от росы дороге. Возле навеса они прислушались, — как раз для того, чтобы уразуметь блестящую речь Минни Гербель о международном положении и роли великих держав в Малой Азии. Нельзя сказать, чтоб речь эта пришлась по вкусу его сиятельству, отчетливо услышавшему «лакея капитализма», подпущенного комсомолкой Минни прямехонько по адресу его почтенной родины.

Гонореску затопал ногами, потеряв всякую осторожность.

— Повесить! — закричал он, дико вращая белками. — В мешок!

— Молчите, — сухо возразил Апопокас, — на наше счастье, мы поймали красотку-персиянку. Эта венская устрица давно уже беспокоит меня. Будьте покойны, ваше сиятельство. Комплект не пострадает ни на один номер.

С этими словами он свистнул, разбудил двух арабов, велел им взять мешок и поднялся к девушкам.

Раз-два, — отцу Арениусу пришлось удар кулаком по голове, а Минни Гербель подхвачена, как перышко, тельце ее засунуто в мешок, а мешок крепко завязан веревками.

Миссионер вскрикнул и бросился к арабу. Но тот оттолкнул старика, взмахнул мешком над головой и...

— Стойте, — спокойно объявила Сарра, переглянувшись со всеми своими товарками, — если вы потопите Минни и старика, мы объявим голодовку. Мы не проглотим ни единого желтка, не говоря уже о простокваше, и вы доставите на место тридцать высохших скелетов.

— Голодовка! — завизжал весь девичник таким неистовым голосом, что князь Гонореску не вытерпел и присел на корточки.

— Успокойте их, Апопокас!

Но не тут-то было. Завтрак, приготовленный для «ковейтского комплекта» пинками и локтями выброшен на землю. Куски, поднесенные ко рту, выплеваны. Арабы испуганно бросили мешок и, творя заклинанья, кинулись в кусты. Короче сказать, не прошло и двадцати минут, как Минни, вытащенная из мешка, водворена на прежнее место, а пастор Арениус устроен на одном из верблюдов. Караван тронулся в путь.

— Сколько у нас погонщиков и слуг? — в бешенстве спросил Гонореску.

— Дюжины полторы, — мрачно ответил Апопокас.

— Пусть в каждую палатку сядет по арабу или по румыну, чтоб следить за девчонками.

Это государственное распоряжение было немедленно проведено в жизнь, несмотря на явное недовольство арабов. Между тем маленькая Минни, сидевшая вместе с пастором, Саррой и арабкой Ноэми, устроилась у отверстия палатки, откуда она могла видеть весь караван и энергично сигнализировала вдаль. Девушка, подхватывавшая ее сигналы, передавала их своей группе, откуда они передавались к следующей палатке, пока не облетели весь гарем.

— Когда начинается выступление, — деловито объявила Минни пастору, глядевшему на нее, вытаращив глаза, — самое главное, дедушка, не проворонить время и не увлекаться мелкими уступками. Следите за нашей тактикой. Ноэми, душа моя, примись за национальное меньшинство.

Ноэми взглянула на араба-погонщика жгучими аравийскими глазами и издала несколько гортанных звуков. Погонщик затараторил нечто в роде га-га-га, перемежающееся такими понятными для всякого восточного путешественника словечками, как рупий, куруш, дивани, махмуди, кубир (аравийские деньги) и тому подобное. Пастор Арениус не знал арабского языка, но по числу рупиев и курушей, упоминавшихся в их разговоре, не замедлил составить себе мнение о происходящей сделке.

— Она хочет его подкупить? — шепнул он Минни.

— Подкупить? — детские голубые глаза вытаращились на пастора в совершенном изумлении. — Да что вы, дед, неужто мы в кинематографе? Тут идет практическая борьба, а не глупости.

— Ну, значит, она соблазняет его... — пастор невольно поперхнулся: — соблазняет любовью?

Но Минни уже совсем не слышала его вопроса. Сарра вытащила бумагу и карандаш и свободной кистью руки принялась что-то набрасывать под диктовку Ноэми. Араб глядел с интересом. Вдруг он перегнулся из палатки и зашептался с другим арабом.

Пастор Арениус следил за всеми этими непонятными для него поступками с растерянностью человека, отставшего от своего времени. Он начинал чувствовать к коллективу падших женщин нечто вроде той зависти, какая превращает сердце уличному мальчишке, идущему по улице рядом с марширующим под барабан взводом солдат.

— Но скажите же мне, — шепнул он, наконец, умоляюще, — о чем говорило с арабом это красивое дитя?

— Она спросила, сколько он получит от нашего хозяина и имеется ли между ними письменное условие, — рассеянно ответила Минни, принимая от Сарры исписанную бумажку.

Глава двадцать девятая

ДИКАРЬ ИЗ ПЛЕМЕНИ ТОН-КУА

Вернувшись из тюрьмы, Пэгги швырнула зонтик в одну сторону, шляпку в другую, перчатки в третью, а сама кинулась в четвертую, где стоял ее отец, коронный судья города Ульстера.

Уткнувшись ему в грудь, Пэгги произнесла под счастливым наитием женской логики, обоснованной точъ в точъ так же, как белый цвет заячьей шкуры в зимнем сезоне:

— Папа, я положительно страдаю за вас!

— Это еще почему? — ворчливо осведомился ульстерский судья.

— Неужто вы не догадываетесь! Я... страдаю за вас (поиски в пространстве и в собственной голове, страдальческая гримаса, взрыв наобум)... потому что в Ульстере будут про вас говорить.

— С какой стати?

— Папа! В Ульстере будут про вас говорить, что вы поощряете кавендишизм и даже получаете за это награду!

Последнее соображение мелькнуло в голове Пэгги с быстротой гениальных мыслей, как известно, всегда находящихся неожиданно — на Ньютона под яблоней, на Архимеда в ванне, а на Пэгги перед просьбой к папаше.

Воспоминание о развязном Кенворти, о наглom майоре и о необходимости признать существующим молитвенный культ майоровых брюк заставило судью скрипнуть зубами.

— Между тем, милый, дорогой пусик, папенька, папчик, всех этих разговоров можно было бы избежать, если б вы только сжалились над несчастным молодым дикарем. Папчик, папинька, пусик, сжальтесь над ним! Дайте ему бежать.

Вслед за этой горячей речью последовало множество доказательств дочерней любви, вроде легких покусываний за ухо, щекотки под лысиной, трения кончика носа о кончик носа, запихивания в чужой рот собственного локоня и тому подобных милых проявлений женского темперамен-

та, вплоть до крайне нескромной попытки залезть головой под судейскую манишку — жест, заимствованный юной Пэгги от домашних котят и всегда приводивший коронного судью в неопишное смущение, сопровождаемое чиханием.

— Пэгги! Душа моя! Мисс! Прекратите же...

Здесь мы оставляем английскую юриспруденцию и перенесемся в английскую городскую тюрьму.

Английская городская тюрьма, взволнованная необычайным арестантом, совершенно позабыла о сне и всегдашнем своем режиме. Часовые помирали со смеху, глядя на танцующего надсмотрщика, — что было весьма слабой подражательной попыткой, перенятой надсмотрщиком у танцующей сторожихи, в свою очередь заимствовавшей телодвижения у танцующего тюремного надзирателя, так и не смогшего оторваться от глазка, ведущего в камеру молодого идолопоклонника.

Мы не должны умолчать, что почтенный надзиратель танцевал более или менее бессознательно, копируя танцующего дикаря. Этот последний, являясь исходным пунктом всего звена, отплясывал уже в течение четырех часов, пока не покрылся потом и не свалился в священном безумии у самого подножия майоровых брюк, точнее — у его штрипок.

«Только бы они не вздумали отнять у меня эти пакозные штаны! — подумал несчастный, в ужасе отмечая собственный пульс, перешедший за сто сорок: — я, разумеется, не помру, даже слегка поправлюсь от последствий сидячей жизни, конечно, если мне не придется плясать все двадцать четыре часа в сутки... Но только бы они не вздумали лишить меня этой мерзости, прежде чем я дам ее понюхать собаке техника Сорроу!»

Тут он поднял обе ладони, завертел пальцами во все стороны и издал чмокание, чавканье и трепетанье, так как дверь камеры неожиданно приотворилась. Тюремный надзиратель вошел к нему с лицом, с каким ходят на любовные свиданья. Он держал в руке пудинг. Пудинг был завернут в душистую салфетку.

— Гип-гип-ля-бля, — произнес надзиратель ласково, надеясь, что какой-нибудь из звуков что-нибудь да означает по-дикарски, — сам судья присылает тебе пудинг, нуди, пунтин-гам-гам-хав-хав!

После этой речи надзиратель открыл рот, сунул туда палец, сделал вид, что чавкает, и положил сладкий подарок перед носом безмолвного дикаря.

Но каково было его изумление, когда идолопоклонник приложил ладонь ко лбу, брякнулся ему в ноги, а потом, схватив пудинг и делая вращательные движения каждой частью своего корпуса, благочестиво поднес его прямехонько к майорским брюкам.

— Вот так вера! — пробормотал надзиратель, выходя из камеры: — если б наши епископы имели хоть с горчичное зерно такой веры, у них никогда не отняли бы ни доходов, ни поземельной собственности! Малый с голоду помрет, а первый кусок своему идолу. Н-да. Написать бы об этом в «Миссионерское обозрение»!

Между тем Боб Друк убедился, что его мучитель далеко, и глазок впервые за весь этот день не занят круглым начальственным, налившимся кровью глазом. Тогда быстрее обезьяны он схватил пудинг, понюхал его, развернул, отломил добрый кус и облегченно вздохнул. Надежды его оправдались. В пудинге были веревка, отмычка, нож, пила и письмо. Спрятав эти предметы себе за пазуху, Друк расстелил письмо на полу камеры, лег на живот спиной к двери и стал незаметно читать. Если б сейчас кто-нибудь заглянул в глазок, он подумал бы, что дикарь, наконец, умирится и заснул.

«Милый дикарь из племени Тон-куа!

Вы такой же дикарь, как я — черепаха, и, надеюсь, вы благополучно улизнете от этого несносного Кенворти, который сватался за меня уже два раза, после наглых ухаживаний майора Кавендиша, чьи брюки вы лучше бы продали старьевщику, а насчет меня, если будет время и придут воспоминания, знайте, что за Кенворти я все равно замуж не выйду и ни за кого.

Пэгги Смит, дочь судьи».

В высшей степени теплое и симпатичное выражение глаз дикаря дало бы понять мисс Пэгги, если б она могла его видеть, что время и охота для воспоминаний у идолопоклонника будут в избытке. Прижав тихонько к губам невинный клочок бумаги, Боб Друк сунул его также за пазуху, только ближе к сердцу, чем пилку и отмычку.

Наступила ночь, а он лежал неподвижно. Видя, что дикарь спит, сторожика, часовые и сам надзиратель оставили его в покое. Тогда, осторожно поднявшись на ноги и повязав брюки Кавендиша вокруг талии, Друк начал ловко орудовать полученными инструментами. Не прошло и часа, как окошко было вырезано и веревка спущена со второго этажа в густой тюремный сад. Друк возблагодарил священную пляску, натренировавшую его члены в достаточной степени, прыгнул, как кошка, наверх и перемахнул за крохотное оконце.

Миг — и арестант скрылся в кустах. Вокруг полное безмолвие. Часовые его не заметили. Добраться до каменной ограды, перекинуть через нее веревку и переползти на ту сторону было уже прямо-таки плевым делом. Но здесь мы должны сказать, что молодой сыщик допустил большую неосторожность. Вместо того, чтоб прямо отправиться на вокзал, он долго бродил по темным улицам Ульстера, меланхолически вздыхая и разглядывая все двери и окна ульстеровских особняков. Потом, очутившись на вокзале, он опять-таки не превозмог личного мотива, что, как известно, всегда вредило и вредят общественному лицу, а именно: потребовал конверт и марку, долго кусал карандаш, потом долго писал, нервируя меня в высшей степени, надписывал адрес, вздыхал, возился на стуле, собственноручно снес письмо в почтовый ящик и только после этого сел на лондонский поезд, чем успокоил мое нестерпимое авторское желание видеть его, наконец, в полной безопасности.

Глава тридцатая

НИК КЕНВОРТИ ОПРАВДЫВАЕТ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ, ДЕЛАЮЩИЕ АНГЛИЙСКИХ СЫЩИКОВ ЧЕМПИОНАМИ СЫСКА

Мы оставили несчастного Кенворти на лондонских улицах, окутанных густым туманом. Если б встречные могли видеть как он хмурится, супится, грозит кулаком, бормочет себе под нос и обхаживает все одну и ту же четверть рязной улицы, упирающейся одним концом в церковь, а другим в портерную, его б давно отправили в сумасшедший дом. Но, к счастью для Кенворти, остальное лондонское население вело себя не лучше, чем он. Проплутав часа два, Кенворти зацепился ногой за тумбу, потерял равновесие и покатился длинным скользким коридором в помещение, прохладное, многолюдное и располагающее к себе душу усталого человека.

— Одна-две бутылки портеру, вот что мне нужно, — про-бормотал Кенворти, поднимаясь с колен и подходя к стойке. — Эй, хозяин, бутылочку портера, рюмочку горячительного и сандвич.

Но не успел он крикнуть эти слова, как глаза его встретились с выпученными глазами человека у стойки. Перед человеком лежала целая батарея восковых свечей. Слева от него находилась горка еловых веночков. Справа — множество цветных лампад. Увы, Ник Кенворти был католиком и тотчас же сообразил, что находится в католической капелле. Поджав губы, сыщик немедленно свернул пальцы горсточкой, опустил их в чашу со святой водой, перекрестился и попятился назад к выходу.

Много романов всевозможных авторов описывали и описывают лондонские туманы, производимые под защитой этих туманов преступления, поруганную невинность чужих жен, находящихся у себя в постели чужих мужей, развенчанного политика, попадающего на важные заседания с опоз-

данием на двадцать четыре часа, и тому подобные сюжеты. Но никому не приходило в голову разгадать психологию несчастного, кто блуждает в тумане не столько потому, что не видно пути, сколько потому, что ему решительно некуда идти.

Кенворти был поставлен именно в такое положение. Измученный до последней степени, с отеками ногами и руками, залепленный туманом до куриной слепоты, Кенворти решил, наконец, вернуться в католическую часовню, чтоб просидеть в ней до утра.

— Там, по крайней мере, сухо и есть, где поспать, — шептал он себе под нос, переползая от фонаря к фонарю и держа путь прямо на католическую капеллу. На этот раз, однако, он решил быть на высоте положения, а потому немедленно подошел к чаше со святой водой, обмакнул в нее пальцы, перекрестился и стал благочестиво молиться, раздумывая, как бы ему выбрать уголок потеплее.

— Сударь, не закажете ли чего? — раздалось над его ухом.

— Молебен, — отвечал Кенворти, опуская руку за кошельком.

Но тут справа и слева от него грянули неистовые взрывы хохота.

— Охо-хо-хо! — орал кто-то диким голосом, — гляжу я, братцы мои, пришел человек, руки в пивную полоскательницу, перекрестился на ливерную колбасу и давай... хо-хо-хо-хо, — давай молиться над самым хвостом у копченого зайца.

Ник Кенворти вздрогнул и оглянулся. Вокруг него были чистые деревянные столики, кутившиеся в табачном дыму. Издалека доносилось позвякивание стаканов и мерцали огоньки трубок. Прямо под его носом висел жирный копченый заячий зад, благоухавший помещичьим домом и рождественскими каникулами. Сыщик готов был вторично перекреститься от радости.

— Джентльмены! — крикнул он весело: — коли кто хочет помолиться вместе со мной за этим самым столиком, милости просим. Половой! — портеру, порцию копченого зайца, сэндвичей и... и... (он оглядел стойку) и рюмочку горя-

чительного.

Спустя час знаменитый сыщик отмолил все свои грехи, судя по сияющему выражению его лица и блеску кончика носа. Он требовал все меньше и меньше портеру и все больше и больше горячительного, исходя из правильных соображений о мере емкости собственного желудка. Наконец наступил час закрытия портерной. Увы! Это был ночной час, а на лондонских улицах туман и не думал рассеиваться.

Посетители один за другим, зажигая фонари и чаще, чем надо, кивая головами, выбрались из уютного погребка в ночную сырость и мрак. Один Ник Кенворти и не думал трогаться с места. Сидя против рюмочки, он бормотал проклятия судьбе Смиту и его недотроге-дочери, министерству колоний, Лестраду и даже самому майору Кавендишу.

— Сударь, вам надо выйти вон, — вежливо проговорил хозяин портерной, — у нас строгие правила. Хотя вы и не изволили докупать, но полиция, сударь...

— Я сам полиция! — икая отозвался сыщик, бросив ему в лицо свой полицейский билет: — если ...гм... сажу тут и пью... ик, то не потому, что мне... ик... это нравится. Ничуть. Я отслеживаю преступника.

Хозяин портерной обомлел от ужаса.

— В таком случае, сэр, разрешите послать за констэблем, вам на подмогу, сэр. Мы притворим с улицы ставни, и вы сможете, сэр, сидеть тут хоть до утра.

Проговорив это дрожащим голосом, испуганный хозяин послал полового за констэблем, закрыл ставни, спрятал выручку в несгораемый шкаф, а остатки вина и закусок в ледник, деликатно оставив, как будто невзначай, на стойке пару-другую бутылочек для служителей закона. И лишь после этого отправился домой.

Констэбль между тем, громыхая официальной сбруей и наручниками, сунутыми в карман для преступника, не замедлил явиться, обменялся с сыщиком рукопожатием и, заметив разницу в настроении между собою и мистером Кенворти, тотчас же решил урегулировать этот вопрос. Через короткое время жидкость в обоих смежных сосудах, выражаясь терминами физики, стояла на одинаковой высоте, а

бутылки перешли со стойки на столик. Объяснив друг другу множество биографических моментов, причем сыщик узнал, что констэбля колотит жена, а констэбль узнал, что сыщику отказала мисс Пэгги Смит, прехорошенькая мордашка, — оба мирно заснули на плече друг у друга.

Созвездия текут над Лондоном точь в точь так же, как над Евфратом. Положенное число рабочих часов, отведенных лондонской ночи, давным-давно истекло, хотя тот же туман мешает утренней смене и заставляет подагрическую старуху сверхурочно торчать на небе вместе со всеми своими инструментами в виде облаков, копоты, мглы, смрада и сырости.

— Уф! — пробормотал Ник Кенворти, пробуждаясь от стука стаканов и прихода первого посетителя. То был маленький мальчик с папкой реклам и афиш в одной руке, С ведерком клея в другой. Он сунул кисть в ведро, смазал стену, наклеил на нее яркий плакат и отправился орудовать дальше. Сыщик вытаращился на плакат, протер глаза и вздрогнул, впервые почувствовав себя трезвым: мистер Мэкер предлагал англичанам свои кепки, открывая тайну мыса Макара!

Между тем второй посетитель осторожно нащупывал дверь в пивную. Он, повидимому, только что с поезда. Лицо его носит следы бессонницы и усталости. Через руку перекинута нечто смятое и скомканное, напоминающее дорожный плед. Коленки вымазаны кирпичной пылью. Костюм продран и помят.

Войдя, наконец, в портерную и пугливо оглянувшись по сторонам, путник пробрался к стойке и тихим голосом попросил себе стакан крепкого кофе.

В ту же минуту Кенворти, как лев, кинулся на него и дико заорал констэблю:

— Наручники! Преступник!

Констэбль, воспрянув от сна, выхватил наручники, и, несмотря на мастерской бокс, прыжки, пинки и дикое сопротивление неизвестного джентльмена, он был, наконец, свален с ног не без дружеской поддержки хозяина портерной и на руки его надеты блестящие наручники.

— Что, ехидна? Что, ящерица? — торжествующим голосом проревел Ник Кенворти, глядя в лицо побледневшему и взбешенному Бобу Друку: — думаешь, от знаменитого сыщика Кенворти можно удрать? погоди же. Вести его вслед за мной в Скотланд-Ярд!

Потом Ник Кенворти подошел к плакату, сорвал его со стены, сунул себе в карман и проговорил фразу, ставшую впоследствии исторической:

— Сыщик Кенворти одним ударом уничтожает трех зайцев!

(Загадка для детей первой и второй ступени: где третий заяц?)

Глава тридцать первая

НА ВЕЛИКОМ КАРАВАННОМ ПУТИ В БАГДАД

До городка Мескене караван Гонореску добрался как будто благополучно. Не было никаких признаков бунта со стороны связанных молодых особ и никаких жестов возмущения со стороны миссионера. На тайном совещании со своим секретарем и евнухом румынский князь решил оставить все, как оно есть, покуда караван доберется до сказочного города Багдада.

— Там мы найдем опору у американского консула и сможем избавиться от проклятой венки, — мрачно решил Гонореску, — а до тех пор делайте вид, что уступили. Не сердите английского попа. Берегите кожу и полноту девиц, чтоб они не покрылись пятнами от крику. А самое главное — надо остерегаться привлечь внимание курдов и бедуинов.

Что правда — то правда. Последнее замечание было, как нельзя более, кстати. Вот уже три года бедуины, курды и дикое арабское племя анзах разбойничали на всем пути от Алеппо до Кербелы и Багдада.

Весь мужской состав нашего каравана был спешно вооружен в Мескене. Провизия закуплена и навьючена. И поздней ночью, не привлекая ничьего внимания, Апопокас нанял целую флотилию арабских плотов, «келлех», на которых надо было плыть вниз по течению мелководного Евфрата.

Не успело рассвети, как верблюды с палатками осторожно переведены на плоты. Арабы-гребцы, численностью почти не уступающие погонщикам, сели на корточки, укрепляя мешки, наполненные воздухом. Только при помощи этих мешков, своеобразных аэростатов арабского флота, и держались неуклюжие келлехи на иссохшей от времени и небрежности потомков великой библейской реке.

— Ну, хвала всем чертям мира, что мы, наконец, отплыли! — пробормотал Апопокас, глядя на удаляющиеся огни Мескене и розовую полосу зари. — Пусть-ка теперь попробует английская шельма сунуть нос в наши палатки...

Какая-то шельма положила в эту минуту руку на жирное плечо евнуха и сунула свой нос прямехонько ему в ухо.

— Иды завы каптана! — проговорил гнусавый арабский голос. — Завы каптана или пылом на самые дны.

Апопокас вздрогнул и отшвырнул от себя дерзкую руку.

— Прочь, собака! — крикнул он бабьим голосом. — Как смеешь ты дотрагиваться до европейца, повелителя вселенной... Ой, что это такое? Откуда вы? Что вам нужно?

За спиной араба стояло еще двадцать молчаливых силуэтов в бедных плащах из верблюжьей шерсти и чалмах.

— Завы каптан! — угрожающе гикнул араб.

Апопокас, трясаясь от страха, полез в княжескую палатку, и через минуту перед арабами предстало искаженное от бешенства лицо его румынского сиятельства.

— Как смеете, псы, — заорал было он, выхватывая револьвер. Но в ту же секунду железные пальцы впились в его руку, обезоружили ее, и князь несколько раз встряхнут, как мешок с песком. Арабы обступили их тесным кольцом. Десятки пар глаз, бездонно-глубоких, устремились на побелевшие лица румын.

— В Бассора караван ходыл двадцать курушей день, — проговорил первый араб спокойным голосом, — араб бижал, араб сох, араб мок, араб защищал, араб день работал, ночь работал, ты давал восемь курушей. Не годятся арабу.

Апопокас и князь переглянулись. Надо было вызвать с другой барки двадцать собственных слуг, везомых от самого Бухареста и воспитанных на остатках княжеских блюд. Евнух незаметно вынул свисток, и резкий свист прозвучал в воздухе.

— Зря это, — по-румынски отозвалась темная фигура, подходя ближе. И Гонореску увидел своего собственного камердинера Цицирку.

— Зря это, ваше сиятельство. Мы, кроме того... — Цицирку крепко откашлялся: — выбрали, между прочим, комитет

служащих. Уж простите, ваше сиятельство, но как я буду делегат, должен прямо сказать, что мы их поддерживаем.

Неизвестно, что сделалось бы с фамильной гордостью князя, если бы в эту минуту не выступил его секретарь. Он подмигнул Апопокасу, и взволнованное сиятельство было под-ручки уведено в палатку.

Экономические требования слуг и погонщиков выслушаны. Двенадцать дополнительных курушей в день обещаны и по новой абайе* — тоже. Но когда обещания пришлось скрепить собственной подписью на бумаге, даже секретарь позеленел от злобы.

— Успокойтесь, ваше сиятельство, — шептал он своему патрону, как только арабы удалились и плоты медленно двинулись дальше, — потерпите до Багдада, не показывайте виду. Дайте мне только добраться до американского консула!

Точь в точь таким же шопотом, только несравненно более симпатичным, и из самого симпатичного ротика в мире, — успокаивала на другой барке Минни Гербель встревоженного отца Арениуса.

— Вы видите, батя, нашу тактику. Чего вы волнуетесь? Работа идет, как по маслу.

— Хороша работа, дитя мое, — волновался миссионер. — Раз уже вы приобрели власть над человеческими душами, не проще ли связать наших мучителей и бежать отсюда всем вместе? Несчастные женщины спаслись бы от позорной участи, вы, дорогое дитя, и маленькая Эллида сохранили бы свою невинность, арабы вернулись бы по домам...

— Фью! — свистнула Минни Гербель: — если бы мы писали французский роман, батя, тогда — дело другое. А зачем же лишать наших погонщиков заработка, а нас самих — такой великолепной возможности?

— Великолепной возможности?

— Ну да, вести подпольную работу в Месопотамии.

* Абайя — плащ араба, его главная одежда.

С этими словами маленькая комсомолка затянула веселую песенку, подхваченную без слов всем «ковейтским ком-плектом».

Пастор Арениус умолк и повесил голову. Он делал усилия, чтобы понять эту маленькую венку. Он чувствовал себя одиноким, старым, никому не нужным, покинутым даже самым добрым богом — седовласым богом всех миссионеров и пасторов. Эта молодежь нашла новые законы организации людей и душевных сил. Но молодежь черства, она не знает ни жалости, ни сострадания, ни благоговения к тому, во что вложены надежда и вера тысячелетий...

Как будто поняв его мысли, маленькая Минни подобралась к нему и тронула ручкой его сморщенную руку:

— Взгляните-ка, батя, вон туда!

Палец указывал на длинные узкие плоты, несшиеся со всей силой за барками князя Гонореску. Гребцы вопили и раздирали себе волосы в припадке священных чувств. На плотях ничего не было, кроме длинного ряда тел, завороченных в ковры и цыновки. Невыносимый смрад доносился оттуда. Вот они долетели до барок, с гиканьем, шумом, пением и стонами обогнули их и понеслись еще дальше, оставив в воздухе волну отвратительного зловония.

— Мертвые тела, батя, — сказала Минни Гербель спокойно: — их везут хоронить в священный город Кербелу. Вы ведь знаете лучше меня: шииты верят, что те, кого хоронят на священной земле, отвяжутся от всех своих грехов. А между прочим, батя, как раз теперь в этом вилайете ходит оспа. И мертвые тела повезут заразу, а в Кербеле будет эпидемия, где перемерет еще добрая тысяча. Некоторые вещи, батя, лучше хватать за бороду и драть с корнем, пока они не отравили с полмира здоровых.

Пастор Арениус поглядел вслед исчезающим плотам. Шииты-гребцы пели дикие, меланхолические песни, преисполненные фанатизма. А справа и слева от барок лежала мертвая земля Двуречья, полная песку, пыли, болот, солончаков, миазмов, скорпионов, зарослей и пустынь вперемежку, без единого намека на разумную волю человека и его организованный труд.

Глава тридцать вторая

БАГДАД, ЗОЛОТОЙ СОН ИМПЕРИАЛИСТОВ И КИНЕМАТОГРАФИКОВ

Дуг Фербенкс, где ты? Вот он, настоящий Багдад, столица Гарун-аль-Рашида, мечта тысячи и одной ночи, — без всякого отношения к операторам, декораторам, павильонам, иллюзиям, фокусам оптическим и дипломатическим!

Фелуджа осталась позади. Караван ступил на пыльную землю. Вдалеке, в коричневых развалинах, меж столбов пыли и свечками минаретов, среди гомона, топота, запыления, отбросов, похожих на ярмарочные объедки, показалась столица Ирака, по всей видимости, созданная арабами для арабов на арабской земле.

Если кто в этом сомневался, его тотчас же убеждала арабская конституция, выработанная в поте лица англичанами, арабская проволока, натянутая вокруг Багдада англичанами, арабский монарх Файсал, возведенный на престол англичанами, и, наконец, английская армия и полиция, отстоявшая Багдад от нескольких восстаний и тому подобных недоразумений, случившихся в Ираке «по проискам Коминтерна».

Вместо двадцати четырех тысяч улиц, наполненных во времена Гарун-аль-Рашида дворцами, фонтанами и садами, можно попросту упомянуть о дворце английского верховного комиссара лорда Перси Кокса, фонтане английского верховного комиссара лорда Перси Кокса, бьющем при этом не водой, а чистейшим золотом, и отнюдь не в руки бедняков, а в карманы нотаблей и министров арабского патриотического правительства, и, наконец, о саде английского верховного комиссара, лорда Перси Кокса, который он не перестает городить, насаждать и поливать на столбах арабской патриотической газеты.

В это утро перед дворцом верховного комиссара остановился щегольской лакированный автомобиль. Двое чи-

новников сошли с лестницы и уселись на главном сиденьи, бросив на передки два толстых портфеля из змеиной кожи. Когда автомобиль отъехал, красавец-араб в белой чалме, белой абайе, с алым кушаком вокруг стана, сверкая белизной зубов и белков, вывел под уздцы танцующего скакуна лучших арабских кровей, какие только выращиваются знаменитыми багдадскими коннозаводствами. Жеребец, чьи сухожилия напоминали любителю хорошо натянутые струны скрипки Страдивариуса, огненно косил глазом, ел удила и переступал позолоченными копытами с быстротой пианиста, нажаривающего поочередно обе педали. Короче сказать, со всех точек зрения и других чувств, арабский жеребец лорда Перси Кокса походил на музыку, и, повидимому, сам хозяин был того же мнения, так как сошел с лестницы, усердно размахивая хлыстом, похожим на дирижерскую палочку, а, вскочив в седло, стал изгибаться, подпрыгивать, кривиться, вертеться туда и сюда, качаться взад и вперед точь в точь, как покойный Никиш.

Симфония длилась две-три минуты, возбуждая внимание всех прохожих, покуда сэр Кокс не увидел высокую, стройную фигуру седого человека, переходившего улицу деревянной походкой.

— Вы! — крикнул верховный комиссар, забыв свой этикет. — Эй, стойте! Когда вы приехали? Дайте знак моему автомобилю!

Тотчас же лакированный автомобиль остановлен, жеребец передан на попечение подбежавшего араба, портфели сняты с передков, чиновники посажены на место портфелей, а на заднем сиденьи комфортабельно расположились сэр Кокс и высокий седой человек, все еще пожимавшие друг другу руки.

— Как счастливо, сэр! — шепнул верховный комиссар: — я еду в парламент, где будет обсуждаться провозглашение кавендишизма государственной религией Ирака. Ночью, на загородной даче, назначено заседание Анти-Коминтерна. Первое действие трагедии разработано до мельчайших подробностей. Это очень удачно, что вы успели приехать, встретились со мной на улице, и весь Багдад увидит,

что мы едем вместе !

Пастор Мартин Андрию кивнул головой.

— Я надеюсь, вы не утратили мужества... — нерешительно добавил верховный комиссар, попристальной взгляднув на своего соседа.

Пастор Андрию глядел, двигался и улыбался с рассеянностью человека, чей дух, по евангельской притче, вышел прогуляться по безводным пространствам. Губы его были сухи и надтреснуты. Глаза покрыты пепельным налетом. Голос звучал деревянно. Лорд Перси должен был дважды повторить вопрос.

— Потерял мужество? Нет, — с трудом ответил пастор, — с какой стати я буду терять мужество! План будет осуществлен до последнего акта.

Но эти слова прозвучали, как казенное «так точно». Мартин Андрию походил на марионетку. Верховный комиссар нахмурился:

— Имейте в виду, сэр, что движение ширится и охватывает весь мусульманский мир! Мы отнюдь не шутим! Если учесть процент мусульман в Египте и Индии, нельзя не убедиться, что мы получим в кавендишизме великую колониальную религию!

— Да, — рассеянно ответил пастор.

Лорд Перси подпрыгнул на сиденье:

— Но что с вами, сэр? Я не узнаю вас! Не имеете ли вы, гм... гм... каких-нибудь сведений о своем собственном здоровье? Не надеетесь ли вы...

Резкий крик пастора помешал ему докончить. Мартин Андрию увидел на повороте двух улиц верблюда, входящего в открытые настежь ворота американского консульства. На верблюде была палатка. Ветер взмахнул ее полог, и острые глаза пастора узнали несравненное узкое личико с миндалевидными глазами, удлиненных к вискам и переносице.

— Эллида! — вырвалось у аего резко. — Остановите автомобиль!

Прежде чем скандализированный верховный комиссар смог удержать своего соседа, пастор выпрыгнул из автомобиля и побежал, стуча искусственной ногою, к воротам аме-

риканского консульства. Лорд Перси побледнел и прикусил губу. Чиновники переглянулись с вытянувшимися лицами. Но ни один из них не сделал попытки вернуть пастора, и лакированный автомобиль покатился дальше.

Между тем Мартин Андрию добежал до ворот, захлопнувшихся перед самым его носом. Дернув звонок, он дождался швейцара, выхватил из кармана визитную карточку и сунул ее в дверь.

— Немедленно доложите обо мне американскому консулу! Я пастор Мартин Андрию, пастор Мар-тин Ан-дрию из Белуджистана! Мар-тин Ан-дрию!

Он повторял свое собственное имя с каким-то утробным наслаждением. Но швейцар равнодушно вернул ему карточку.

— Нет приема! Четверг, от десяти до двух!

И, не слушая хриплого крика посетителя, он захлопнул массивную дверь.

Мартин Андрию сжал голову руками. Впервые в жизни он потерял уверенность в собственных силах. Что ему делать? Часы сжали его кисть, как черепаха. Минуты похожи на вечность. До собрания на загородной даче комиссара еще добрых пять часов. Пастор Мартин Андрию, задыхаясь от бешеной жажды, принялся ходить взад и вперед перед консульством, не сознавая больше ни себя, ни окружающего. Он доходил до конца стены и поворачивал обратно, опять огибал стену и возвращался к воротам, и, как следы запертой в клетке кошки, вслед за ним, по пыльной улице Багдада, семенили тревожные и бессильные отпечатки.

Глава тридцать третья

БУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ИРАКСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

В большой белой зале парламента, со священным стихом Корана на стене, в длинных белых абаях восседали арабские вельможи.

Шейх-эль-Мелек, чье политическое воспитание было тесно связано с нотами и банкнотами, поднял седые брови, положил крашеный ноготь на веку правого глаза и тихо шепнул:

— Да почиет желание друзей у меня на глазу! Знаете ли вы, шейхи, что в Багдаде образовался профсоюз лодочников и амбалов?

Шейхи сдвинули брови.

— Знаете ли вы, что багдадский базар зашевелился, подобно исфаганскому? Купцы с трудом удерживают приказчиков и ремесленников. Закрытие базара не в их руках. Может притти минута, когда грязный амбал с проказой на ногах или нищий вожак чужого верблюда смогут назначать дни недели и угрожать правоверным!

— Га! — закричали арабские нотабли.

И как раз в эту минуту лорд Перси Кокс вошел в дипломатическую ложу и скромно сел на свое место. Независимый парламент оживился.

— Шейхи! — закричал Эль-Мелек, выскакивая на трибуну: — народ стал похож на девушку, о которой не знаешь, какую она будет женой! Слуги сопротивляются хозяевам, удар палки превращает собаку в волка. Ходит зараза среди жен и отроков, и наступит день, когда мулла воззовет утром к молитве, а простолюдин наденет обувь и не захочет молиться. Вера отцов ослабевает! Разве не пишет великий муштеид Халеси, что надо обновить религию?

Вельможи величественно наклонили головы. Лорд Перси вздохнул. Французский и немецкий консулы вздохнули тоже.

— И вот, шейхи, — продолжал Эль-Мелек, поводя глазами во все стороны, — да не обидится на меня сын Англии, здесь восседающий, но пусть услышит он смелое слово из уст старого человека! Аллах прислал на помощь религии нового пророка! Великий английский ага-Кавендиш выступил за ислам! Он пострадал за нас, — его замучили, убили, выбросили его останки, но народ похоронит агу в священной земле и хочет провозгласить его пророком. Шейхи! Ислам враждует, пока у нас два пророка, Магомет и Али. Но если мы прибавим третьего, — Ислам объединится! Слышите! шейхи? От моря и до моря, от зари восходящей до зари закатной объединится ислам!

Шейх-эль-Мелек говорил так горячо, словно это было его бесплатное убеждение. Но тут, неожиданно для парламента, выступил неведомый человек страннического вида, не то перс, не то еврей, попавший в парламент точъ в точъ так, как солдаты Фридриха Великого в армию:

— Да ослабнет крик моего осла в полдень, если я совру, сказал он самым спокойным голосом. — Шейх-эль-Мелек прав. Два пророка единого аллаха наделали в исламе много междоусобицы. Но почему он думает, что от трех станет легче? По мне, уж если объединится народ наш, — так по-выбросив всех пророков, живых и мертвых, в одну выгребную яму!

— Большевик! — завопили шейхи в ужасе, повскакав со своих мест. — Это нечестивый Гарун, продавец мочалы! Как он сюда попал?

— Держите его!

— Поищите у него под кушаком, нет ли документов!

— Вяжите его!

Но Гарун, продавец мочалы, оказался ловчее шейхов. Он блеснул желтыми белками глаз, запахнул левую полу бешмета вправо, а правую влево, и так прыгнул вперед, что два седовласых шейха опрокинулись навзничь, словно их дернули сзади за абайю.

В суматохе председатель схватил вместо колокольчика чужой кисет и затряс им в воздухе. Тучи мелкого табаку ослепили парламентские очи и забили парламентские глот-

ки. В чиханьи, кашле, крике турецких, арабских и персидских проклятий, направленных на врага и его тень, оба консула — французский и немецкий — быстро покинули ложу.

— Ну и ну! — бормотал немец, почесывая бороду. — Если б мы догадались насчет Людендорфа, из него вышел бы отличный пророк!

— Парблè! — шипел француз, крутя усы. — Мосье Жоффри мог бы, куда ни шло, сойти за исламиста, или, например, Клод Фаррер!

Один лорд Перси Кокс не бормотал ничего ни в зубы, ни сквозь зубы. Он вышел со столь стиснутой челюстью, что шофер не решился обратиться к нему с вопросом. Лорд Перси бросился на сиденье, надвинул шляпу, поднял воротник, натянул кожаные перчатки и, только когда автомобиль подкатил ко дворцу, сердито тронул шофера кончиком хлыста:

— На загородную дачу!

Через пять минут автомобиль уже огибал великолепное шоссе, ведущее от Багдада до Хамадана. Справа и слева неслись загородные сады арабских и европейских вельмож, богатых купцов и эмирских жен. Сады едва виднелись за высокими глиняными стенами. Но каждый из них был сказочным складом симметричных дорожек с ходящими вдоль них павлинами и цесарками, фонтанов, гротов, бассейнов для купанья, розовых плантаций и кущ из гранатовых и миндальных деревьев, перевитых кудрявыми деревьями хмеля.

Сад верховного комиссара был самым великолепным из всех багдадских садов. От ворот до дворца шла узкая аллея самшита. Вокруг дворца справа и слева стояли две старые чинары, чьи огромные древние стволы казались обтянутыми замшей. Мальчик с галунами ударил в гонг, и с веранды выскочила дюжина английских слуг.

Сэр Перси молча бросил им в руки шляпу, перчатки и хлыст и побежал в глубину дома. Загородная дача была построена на европейский образец, за исключением раздвижной стеклянной крыши. Анфилада комнат вела в центральную круглую залу, полную в эту минуту десятком оза-

боченных людей, одетых в самые пестрые одежды, несмотря на общий им всем англосаксонский тип. Здесь были индусские шелковые кафтаны, аравийские плащи, курдские княжеские куртки и белые феллахские накидки.

— Здравствуйте, господа! — произнес лорд Перси. — Заседание кончилось ничем. В парламент каким-то образом пробрался большевик и сорвал нам голосование!

— Но это же возмутительная отсрочка, — с раздражением отозвался человек в одежде индуса. — Я организовал индийских мусульман, и мы с минуты на минуту ждем официального шага от Ирака.

— Курды требуют правительственных гарантий!

— Луристанцы готовы признать любую религию, если только она будет объявлена одновременно с войной!

— Египтяне согласны на нового пророка, лишь бы это увеличило число праздников!

— Духовенство настаивает на прибавке, говоря, что лишний пророк — лишний рот...

Эти и подобные возгласы со всех сторон оглушили верховного комиссара.

— Господа, вы знаете, что я приложил все силы, — сердито воскликнул лорд Перси, — и в настоящую минуту нас должны заботить даже не отсрочка и не разговоры в парламенте, а нечто похуже.

Он сделал паузу, оглядел всех и понизил голос.

— Пастор Мартин Андрию, только что прибывший в Багдад, показался мне в высшей степени, в высшей степени... а, да вот и он сам!

Перед собранием, вынырнув из-за шелковой портьеры, появился бледный и взъерошенный пастор, с рассеянными глазами, блуждающей гримасой и густым слоем пыли на сутане и брюках.

Глава тридцать четвертая

НОЧЬ НА ЗАГОРОДНОЙ ДАЧЕ

Лица присутствующих потемнели. Несколько пар глаз уставилось на пастора со странным выражением. Мартин Андрию почувствовал холод, пробежавший у него по спине.

— Вот, наконец, и вы, достопочтенный сэр! — произнес человек в одежде индуса, кланяясь пастору с глубочайшим уважением. — Мы рады и счастливы сообщить вам, что у нас все готово. Мы надеемся, что мужество не покинуло вас. В истории Англии, сэр, положительно не будет человека героичнее вас!

Повидимому, эти комплименты не особенно утешили Мартина Андрию.

— Я сказал верховному комиссару, что готов, — угрюмо пробормотал он, садясь за стол. — До сих пор все шло, как по маслу. Мои люди, знавшие меня по здешней работе, собораны и следуют за мной караваном.

— Отлично! — опять произнес индус. — Мы можем, значит, объявить заседание Анти-Коминтерна открытым. Мистер Лебер, приступите к докладу.

Толстяк в одежде афганца открыл шифрованный листик.

— Господа, — произнес он металлическим голосом, — прошло всего два месяца с того момента, как сорок два юриста оформили нашу борьбу с Коминтерном знаменитым принципом: церковь против государства. Этим ходом мы сделали блестящий маневр, создав против Коминтерна, за который не отвечает Советский Союз, организацию, за которую тоже не отвечает наше правительство и которая так сказать, даже действует по отношению к нашему правительству во вред. Сколько вы помните, использовать в этом духе христианство оказалось в высшей степени опасно. Некультурные и примитивные колониальные народы стали воспринимать проповедь христианства слишком банально, делая его, подобно тайпингам, левеллерам и прочим историческим сектам, даже пособником для революционных

настроений. Вследствие этого объединенное заседание князей церкви под председательством архиепископа Кентерберийского пришло к мысли о создании колониальной религии. Так возник кавендашизм.

Толстяк сделал глубокий поклон в сторону рассеянного Мартина Андрью и продолжал:

— В настоящее время дело кавендишизма приобрело прочную базу. Миллионы магометан согласны собраться под его флаг. Сунниты примирятся с шиитами. Египет протянет руку Индии. Головка всего движения будет всецело в руках Англии, тем более, что святые места... святые места...

Здесь мистер Лебер встал, взял длинное перышко и указал на карту, висевшую над его креслом; все взгляды впились в красный кружок, отмеченный им.

— Дорога меж Бассрой и портом Ковейтом. Колодец у четырех долин, Элле-Кум-Джере, — произнес он медленно, — вы видите, зона незыблемого нашего влияния. Возможность диктовать французам. Сцепка всего магометанства в удобном практическом узле... Вот это место мученичества пастора Мартина Андрью и чуда Кавендиша!

Мартин Андрью вздрогнул и поднял голову. На этот раз он не встретил ни одного взгляда. Все глядели на карту.

— Великая и незабываемая сцена, — продолжал Лебер, — готовится нами в глубочайшей тайне. Конечно, если б мы могли действовать, как художники, пригласить какого-нибудь Гриффитса, обучить тысячи статистов, заказать бутафорию, — это произвело бы на туземцев чарующее впечатление. Но, господа, наши единственные актеры — человеческая стихия. Наш единственный режиссер — вот эта карта и радиотелефон в кабинете сэра Кокса. Наша единственная опора — честное слово пастора Мартина Андрью.

— Как вы разработали событие? — хрипло спросил пастор.

Мистер Лебер поглядел на него с нежностью:

— Через три дня, дорогой сэр, из Бассры выйдет религиозная процессия. Она пойдет с талисманами, останками Кавендиша, священными амулетами к четырем долинам, чтоб оттуда спуститься в Ковейт. И через три дня вы со

своим караваном направитесь в свою очередь в порт Ковейт. У колодца Элле-Кум-Джере ваш караван столкнется с процессией.

— У меня не будет никакой охраны?

Мистер Лебер медленно покачал головой.

— Я надеюсь, сэр, вы не хотите лишних жертв.

Пастор Мартин Андрию замолк, потом внезапно встал и схватил свою шляпу.

— Я должен привести в порядок последние земные дела, — заикаясь, пробормотал он, поворачивая весь свой корпус к выходу. Сидевшие за столом переглянулись, но не сделали никакого движения. Пастор судорожно вздохнул и через секунду был у двери. Но не успел он переступить порог, как ему навстречу вырос молчаливый лакей с подносом в руках.

— Выпейте шербету, сэр, — почтительно произнес сэр Перси.

Мартин Андрию отстранил шербет.

— Я спешу, сударь! — воскликнул он нервно. — Говорю вам, мне надо привести в порядок... чорт возьми, что это! Почему он запер дверь?

— Там дует, — сострадательно пробормотал мистер Лебер.

Мартин Андрию вздрогнул и поочередно посмотрел на каждого из них.

— Если там дует, я пойду на веранду или через окно, — крикнул он резким голосом и бросился вперед. Опять никто не шевельнулся. Но что это? Окно затянуто стальной сеткой, дверь на веранду, еще секунду назад открытая, — медленно затворилась перед самым носом у пастора.

Мартин Андрию ударил ее кулаком и, неожиданно повернувшись, кинулся под шелковую портьеру. Там была ниша. Ниша имела выход. Он был свободен. Пастор понесся вперед, как кошка.

Длинный коридор привел его в белую комнату, ярко залитую светом. За деревянным столом сидел плешивый человек в очках и усердно рисовал что-то. Мартин Андрию пробежал мимо него. Человек привстал, подобострастно

вытянулся, хихикнул.

— Сэр, остановитесь! Не желаете ли, сэр?..

Мартин Андрию схвачен лъстивыми пальцами. Почти-тельные глазки бегают по его лицу как насекомые. Большой белый лист тычется ему в лицо:

— Взгляните, взгляните, сэр... долгомесечная работа... Плод душевного напряжения... хорошо ли? Нравится ли вам самому, сэр?

Под хихиканье плешивого человека пастор разглядел величественные штрихи монумента из камня и бронзы, с готической надписью:

Пробормотав проклятье, он вырвался из рук архитектора и пробежал в соседнюю комнату. При его появлении с десяток девиц вскочили из-за пишущих машинок.

— Сэр! Мы изготовили двести пригласительных билетов! Довольно ли?

Мартину Андрию протянут торжественный лист в черной рамке, где отпечатано скорбное приглашение, от имени лорда Перси Кокса, на заупокойную мессу в память его собственной, пастора Андрию, мученической кончины.

— К чорту! — хрипло вырвалось у пастора. — Дайте мне выйти отсюда, я спешу!

Но из открытых настежь дверей, навстречу ему, шла длинная фигура в одежде индуса.

— Сэр, — ледяным голосом прошептал человек, кланясь ему чуть не до земли, — Анти-Коминтерн не находит

возможным выпустить вас до начала события. Соберитесь с силами и возьмите себя в руки. Вспомните, сэр, ваше собственноручное письмо, адресованное три месяца назад нашему консулу в порте Ковейте!

Глава тридцать пятая

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО О ЗАЙЦАХ И СЫЩИКЕ КЕНВОРТИ

Ник Кенворти вышел из трактира в таком необычайном приливе самоуважения, что захотел тотчас же — весьма простительная слабость у великих людей — быть признанным или, что одно и то же, возбудить всеобщую зависть.

Улица была еще туманна. Констэбль вел за ним Друка в стальных наручниках. Кэба поблизости не было. Слушателей тоже. Впрочем, возле стены огромного серого домища стоял чистильщик ножей, крутил колесо и шипел металлическими предметами, приставленными, вопреки их природной сущности, к крутящемуся камню, — сценка, способная напомнить философу иные брачные связи, издающие ничуть не меньше шипенья.

— Констэбль! — громко произнес Кенворти, бросив гордый взгляд на чистильщика и подняв кверху палец. — Вы сейчас пойдете за кэбом. Но, прежде чем привести кэб, остановитесь и обдумайте все, что вы видели своими глазами. Никакая теория, констэбль, не научит вас искусству сыска лучше, чем классическая практика!

Констэбль остановился. Чистильщик поднял голову. Даже Друк сделал самое покорное лицо, — дескать, что есть, то есть, что классично, то классично. Кенворти порозовел от блаженства.

— Обратите внимание, констэбль, на всю цепь — звено за звеном. Перед вами сыщик, — я не говорю знаменитый сыщик, но вы слышали, по всей вероятности, его имя в каждом участке!

При слове «сыщик» чистильщик ножей раскрыл рот и так заработал ногами, что камень завертелся не хуже молнии.

— И вот, — продолжал Кенворти, — этому известному сыщику поручают поймать опытного преступника, бежав-

шего из ульстерской уголовной тюрьмы. Другой бы на моем месте, констэбль, окружил себя сотней помощников, оцепил все вокзалы, устроил засаду в Уайтчепле, вооружил лодочников, покрыл всю Темзу полицейскими яликами, разослал телеграммы с описанием наружности беглого преступника... Так я говорю или нет?

— Честное слово, так, — утрюмо вырвалось у самого Боба Друка, сердито переступившего с ноги на ногу и чуть не столкнувшего точильный камень.

— Но я поступаю иначе, — милостиво прервал Кенворти: — человеку даны мозги, чтоб не шевелить зря руками и ногами. Я просто пошел в портерную, сел и стал думать. Что говорит логика? Логика говорит: «все люди подчинены человеческим привычкам», — «преступник есть человек», — «следовательно, и преступник подчинен человеческим привычкам»!

— Господи, боже мой, сэр! — воскликнул констэбль.

— Чорт побери! — завистливо пробормотал Друк, скосив на сторону не только лицо, но и обе кисти с наручниками, вследствие чего стальные браслеты так и прижались к острому ребру точильного камня.

— Слушайте дальше, констэбль! — упоенно вещал Кенворти. — Каковы человеческие привычки, присущие всем людям? Прежде всего кушать и пить. Были бы мы с вами людьми, если бы мы не кушали и не пили? Нет! Можем ли мы с вами отучиться кушать и пить? Еще раз нет...

(Ж-ж-ж-ж... ш-ш-ш-ш, — жужжал и шипел точильный камень, кушая стальную браслетку.)

— И потому, констэбль, для меня было ясно, что преступник рано утром захочет кушать и пить и вследствие закоренной человеческой привычки пить по утрам кофе он будет искать место, где ему это кофе дадут. А так как — следите за цепью моих рассуждений, констэбль! — рестораны открываются не раньше одиннадцати, то преступник вынужден будет, говорю я, спуститься в портерную и измененным голосом, подняв воротник к лицу, спросить себе кофе!

Здесь и констэбль и Кенворти бросили разом такой пронзительный взгляд на Боба Друка, что несчастный преступник зашатался.

— Сказать по чести, сэр, после этого можно сесть, где сидишь, и не встать! — с восхищением проговорил констэбль. — Все равно, сэр, умнее, чем ваша логика, ни с какой стороны не придумаешь!

Кенворти принял комплимент, как заслуженный.

— В том-то и заключается практика, любезный, — само--довольно закончил он свою лекцию. — И когда я теперь пойду в Скотланд-Ярд, мистер Лестрад выйдет ко мне, держа в руках телеграмму: «Ужасная неприятность, Ник, — скажет он мне, потому что, констэбль, он зовет меня просто по имени, как близкого человека: — можешь себе представить, этот негодяй сбежал из ульстерской тюрьмы!» — Неужели, Лестрад? — отвечу я спокойным голосом: — а мне показалось, я держу его за моей спиной с наручниками на руках и под охраной этого молодца, констэбля номер... Ай!

Пронзительный крик вырвался из груди знаменитого сыщика. Констэбль вздрогнул и обернулся. Прямо перед ним на земле валялись перепиленные наручники, а Боба Друка простыл и след.

— Собака! — воскликнул Кенворти, кидаясь на точильщика: — ты освободил государственного преступника!

Точильщик встал со своего сиденья, глядя на сыщика честными серыми глазами, полными слез:

— Этого, сэр, я от вас не ожидал! — дрожащим голосом ответил бедняга. — Коли я заслушался себе в убыток вашей соловьиной речи, так меня пожалуйть надо, а не крыть такими словами! Как же это я мог его освободить, сударь, если он не заплатил мне за работу ни полпенса!

— Что правда, то правда, — вступился констэбль, — не отчаивайтесь, мистер Кенворти! Тут поблизости есть хороший ресторанчик; где публика обедает за полшиллинга. Часа через четыре, по вашей логике, сэр, мы спокойно можем, сидя за столиком, рассчитывать...

— Дурак! — бешено прервал его Кенворти, выхватывая свисток и издавая пронзительный свист. — Оцепи дом! Уст-

рой засаду на черной лестнице! Опиши швейцару наружность преступника! Вооружи дворников! Он мог скрыться только в этот дом и никуда больше!

Глава тридцать шестая

БРЮКИ МАЙОРА КАВЕНДИША ОКАЗЫВАЮТ БОБУ ДРУКУ ЧУДОДЕЙСТВЕННУЮ ПОМОЩЬ

Что правда, то правда! Боб Друк скрылся именно в парадный подъезд серого домища, предварительно перечитав все блестящие дощечки с фамилиями жильцов, висевшие возле дверей.

— Один шанс из тысячи, но все-таки шанс! — бормотал он, несясь стремглав вверх по лестнице. — Коли я знаю человеческую природу не хуже мистера Кенворти, я спасусь. Ага! Вот он!

Друк остановился перед массивной дверью со сверкающей надписью:

*Д-р СУЛЬПИЦИЙ БЛЕССИНГ,
венеролог*

и изо всей силы дернул звонок.

— Стакан воды! Доктора! Заприте дверь! — шепнул он изнеможенным голосом, вваливаясь в переднюю и падая на руки прехорошенькой горничной в чепчике. Тотчас же из-за дверей выглянул тощий доктор с синим носом и красными глазками.

— Сударь, я уповаю на врачебную тайну! — плачущим голосом простонал Друк. — Брат моей невесты гонится за мной! Он выдает себя за сыщика! Могу ли надеяться, что такой знаменитый доктор... ай! Я слышу шаги! Он подкараулил меня! Он идет сюда!

— Ни слова, молодой человек! — воскликнул доктор Блессинг, хватая своего пациента и втаскивая его в кабинет.

В ту же минуту раздался резкий звонок. Горничная в

чепчике открыла дверь. На пороге стоял Ник Кенворти, дыша как паровоз и вращая глазами:

— Будьте добры сказать мне, звонил ли к вам...

Доктор Сульпиций Блессинг прервал его речь:

— Войдите, войдите! Правда, у меня нет приема, но вы сегодня первый обратились ко мне за помощью, а я в ней никогда не отказываю красивым молодым людям, жертвам нашей гибельной цивилизации. Давно ли вы захворали, сударь?

Кенворти судорожно отшатнулся:

— Так у вас никого не было?

— Говорю вам, вы первый...

Ник Кенворти резко повернулся и сбежал с лестницы. Доктор подмигнул хорошенькой горничной в чепчике. Та закрыла дверь, положила цепочку, задвинула засов.

Сульпиций Блессинг потер руки с сознанием выполненного долга и возвратился в свой кабинет. Боб Друк лежал на диване, ломая голову над тяжелеей задачей: он припоминал, нет ли у него где-нибудь хоть какого-нибудь прыщика, пятнышка или пореза от бритвы.

— Дорогой юноша, — произнес доктор, садясь к столу, надевая очки и разворачивая огромнейшую толстую книгу, похожую на Библию, — не волнуйтесь! Все обойдется! Брат вашей невесты, между нами говоря, в высшей степени мускулистый человек с бицепсами, ушел ни с чем. Теперь отвечайте на мои вопросы, как на исповеди. Ваше имя?

— Кав... Кав... Кавендроп!

— Кавендроп? Ага. Возраст?

— Двадцать семь лет.

— Пол?... Впрочем, это само собой подразумевается. Ну-с, а теперь — когда и при каких обстоятельствах вы захворали?

Наступила самая трудная пауза в жизни Боба Друка. Он тяжело вздохнул, заморгал и опустил глаза в землю:

— Собственно говоря, доктор, я не совсем уверен, в точности ли я подцепил эту самую болезнь, или она гнездится в моем организме, так сказать, в скрытой форме, до поры до времени невидимо людскому глазу!

— На этот счет, молодой человек, не беспокойтесь! Исследование вашей крови...

— Ай! — воскликнул Боб Друк. — Не надо исследовать кровь! Я вам все расскажу, сэр, как родному отцу с матерью. Дело это в высшей степени запутанное и таинственное.

Доктор снисходительно улыбнулся и похлопал по толстой книге.

— В этой книге, сударь, собрано и запечатано могильной плитой столько тайн и загадок, что вы можете безбоязненно говорить о своей!

— Начну, уважаемый доктор, с того, что мне пришлось гостить в одном родовом замке. Дело было весной, я был обручен с очаровательной молодой девушкой. Не судите о ней по ее брату. Это не родной брат, а сводный. Моя невеста, сэр, в высшей степени милая, благовоспитанная и приятная девушка, вся в локончиках, с голубыми глазами, нежным голосом и большой наблюдательностью. Эта девушка могла бы сделать честь любому герцогу. Я был влюблен в нее. Она тоже была влюблена в меня. Мы были влюблены друг в друга. И представьте себе, сэр, когда до свадьбы осталось всего три дня, я почувствовал, что ее брат, сводный, а не родной, сэр, — подозревает меня!

— Но, позвольте, вы уже были больны?

— Нет, сэр, поручиться вам не могу. Я не медик. Я юрист. Я ручаюсь только за внешние факты, а не за внутренние!

Упорство Боба Друка произвело на доктора самое неприятное впечатление. Пробормотав себе что-то под нос, он открыл лампочку, придвинул кресло к свету, умыл руки и остановился перед пациентом:

— Я вас попрошу, молодой человек, раздеться!

Боб Друк съежился и втянул голову в плечи. Но неутомимый Сильпициус Блессинг настойчиво дотронулся до ворота его пиджака. Несчастный Боб, чувствуя себя посрамленным, стащил пиджак и жилетку. Но тут взгляд доктора Блессинга уперся во что-то, обмотанное вокруг его живота. Друк побагровел: он забыл про штаны Кавендиша! Между тем роковые штаны, повязанные вокруг его туловища, так

и торчали всеми своими швами наружу, и большая шелковая метка:

Major Cavendish

явственно говорила о том, что Боб отнюдь не был их собственником.

— Мистер Кавендроп, что это значит? — возмущенно воскликнул доктор, уставившись на злополучную реликвию. — Что это значит, я спрашиваю вас... ах! ах! Кавендиш!

С этими возгласами доктор всплеснул руками, упал в кресло и устался на Боба Друка дьявольски расширенными глазами.

«Арестует! — с отчаяньем подумал Боб. — Проклятые штаны! Пропал. Втяпался!»

— Дорогой молодой человек, — произнес, наконец, доктор нежным голосом, — милый, дорогой, деликатный и несчастный молодой человек! Разрешите, я доскажу за вас вашу роковую историю! Вы гостили в замке своего друга. Была охота или что-нибудь в этом же роде, одно из подходящих занятий джентльмена на лоне природы! Вы, по всей вероятности, вымокли, а может быть, упали с лошади и, не имея запасной одежды, вынуждены были воспользоваться брюками вашего друга! Ведь так? Увы, юноша, вы заплатились за это здоровьем! Ваша несчастная невеста должна отказаться от вас. Чистая совесть ваша готова возроптать на всевышнего! И, не будучи виноваты, вы стесняетесь предо мною, врачом, как молодая девушка!

Доктор прослезился. Боб Друк, потрясенный его тоном, прослезился также.

— Сэр... — прошептал он растроганно, — ну прямо-таки как по нотам, от первого до последнего! Хиромант не сказал бы правильней вас! Откуда вы все это узнали?

Доктор вытянул сухой палец и молча указал на метку:

Major Cavendish

А потом, все так же молча, взял со стола свою книгу, протянул ее Бобу Друку и показал четкую надпись страницей выше той, куда был занесен мистер Кавендроп.

Major Cavendish

На этот раз нервы Друка не выдержали. Вскочив как ужаленный он впился в надпись засверкавшими глазами:

— Майор Кавендиш! Как, доктор? Неужели же...

Доктор Блессинг захлопнул книгу.

— Молодой человек, это все, что я мог сказать вам, не нарушая врачебной тайны!

Глава тридцать седьмая

СТРАННАЯ МАТЬ ЕЩЕ БОЛЕЕ СТРАННОГО СЫНА

Роскошный особняк в аристократической части Вены. Балкон, с которого прежние патриоты каждый день могли видеть Франца-Иосифа, выезжающего на прогулку в Шенбрун. Ковры, цветы, пальмы, люстры, лакеи. Блестящая вереница комнат. Столовая, где все готово к чаю: на круглом столе, покрытом вышитой скатертью, — чайный сервиз с дворянскими коронками, печенье, торты, засахаренные фрукты, гора сандвичей. Хозяйка только что встретила гостью, оповещенную лакеем. Но не успел этот последний выйти и притворить за собой дверь, как знатная дама вздохнула во всю силу своих легких, искала в юбке карманов и, не найдя их, со злостью приподняла подол кружевного платья и отерла им вспотевшее лицо.

— Ты не поверишь, Резеда, чего это мне, матушка моя, стоит — выносить ихнюю музыку, ни дна ей, ни покрышки, да еще без табачку и без абсенту, разве только рюмочки две на ночь! — простонала она с совершенным отчаянием, всплескивая худыми, как спички, пальцами, униженными кольцами. — Если б не парнишка, миленькая ты моя, — давно бы я натюкалась горькой и повесилась промеж дверей на шелковом шнурке.

— Н-да! — сипло ответила гостя: — скользковато. Говорю тебе, скользковато ходить. Дом богатый, а не нашли горсти отрубей или хоть цыновочку какую, чтоб малость подстелить на полу-то. Уж больно он у тебя обшваркан.

С этими словами гостя сердито покосилась на блестящий паркет, сняла пару стоптанных туфель и в теплых красных чулках прошла до дивана, где и уселась, сложив руки на животе. Хозяйка подобрала кружевной подол, достала из-за шелкового чулка мешочек с табаком и закатила себе изрядную понюшку.

Когда они сидят рядом, гостя и хозяйка, обе кажутся измученными девяностолетними клячами, хотя каждой из них не больше пятидесяти. Крашенные космы подвиты над дряблыми лицами, иссохшими от белил и румян. Губы вялы, как у мертвой наваги. Глаза прячутся в набухших от старости веках. Но если хозяйка с ног до головы в кружеве, шелке и драгоценностях, то ее гостя, по имени Резеда, тщательно завернута в штопаную мантильку, под которой нет даже блузы, а на голове своей, вместе с париком из рыжих волос, носит точь в точь такую наколку, какая водится у портных для втыкания булавок и иголок.

— Как бы он не рассердился, парнишка-то, коли увидит меня рядышком с тобой на этой самой канаве с пружинками,— шопотом осведомилась Резеда у хозяйки.

Та не успела ничего ответить. Внизу хлопнула дверь. Легкие, молодые шаги прозвучали по лестнице. Портьера колыхнулась. Обе старухи, смертельно побледнев, поднялись с дивана и для чего-то встали на цыпочки.

В столовую вошел стройный молодой человек, с головой, похожей на упрямую голову Диониса, и с очаровательной ямочкой на правой щеке. Это был Бен, канатный плясун. Он увидел обеих старух и тотчас же подошел к ним, отвесил самый почтительный поклон и поцеловал руку сперва хозяйке, потом Резеде.

Хозяйка, трясаясь от страха, сунула поцелованную руку между складками юбки и багрово покраснела.

— Бен, голубчик, не откушаешь ли стопочку... то есть не разопьете ли вы чашечку этого самого китайского чаю, что тут заварен на манер земляничного листа. Уж мы с мадам Резедой хотели было за стол сесть...

Канатный плясун еще раз поклонился и с самым рыцарским видом предложил мадам Резеде руку. Если б ее вели не к столу, а на кухню, чтоб употребить там на пожарскую котлету, старуха едва ли чувствовала бы себя более удрученной. Она положила руку на крепкую ладонь юноши, шагнула, приседая, вперед, затрясла наколкой и так и довела свою присядку вплоть до самого стола, где с облегчением уставилась на сахарницу — предмет, повидимому,

ей вполне знакомый.

— Вон энтакая сахарница была у Машки-Побегушки, когда она, бывало, заваривала себе ромовую настойку... Положит, бывало, четыре куса...

— А помнишь Польшку, так та тоже чай пила! — поспешно вставила хозяйка, чтоб перевести разговор на другую тему.

— Как же, и Польшку помню. Последний кавалер у ней был из венгерцев. Сколько она, бедная, слез процедила, когда он сволок ее чайник вниз по лестнице и расшиб его на каске у полицейского. Как же, помню, два года отсидки за буйство.

Бен Тромбонтулитатус выслушал не моргнув. Он тщетно ждал, чтоб которая-нибудь из старух занялась хозяйством. Но, не дождавшись, подсел к серебряным чайникам, разлил чай по чашкам и две из них поставил перед старыми леди, отшатнувшимися от них как в припадке водобоязни. Хозяйка, однакоже, сделала геройское усилие. Она ухватила чашку за ручку, поднесла ее к губам, опрокинула себе в рот, едва почувствовав, что кипяток обжигает ей глотку и язык, прожженные раз навсегда совсем другой жидкостью.

Благополучно покончив с чаем, хозяйка выпучила багровые от слез глаза на стол, нашла лимон и отправила его себе в рот, точь в точь как кусочек огурца, — на закуску.

— Очень вкусно, — страдшьчески проговорила она, заметив вопросительный взгляд юноши, — так вкусно, Бен, голубчик, что жалко даже пить все сразу, ей-ей.

— Это мне напомнило нашу последнюю вылазку, — хриплым шопотом заговорила Резеда, отодвигая от себя чашку. — Я и Булка-Луиза были безработные. Я-то из больницы, а у Булки-Луизы... эй, да вы и не знаете, верно, что так кликали в те времена вашу мамашу! А у Булки-Луизы, говорю я, были свои счета с полицией по поводу медицинского билета. Ну вот, куда нам деваться? Улицы, вы не поверите, выслеживались, как банкирская контора. Мы в ресторан, сели и задумали спросить себе что поприличней. Долго искали по карте, а она, ваша мамаша, говорит ла-

кею: «Дайте нам, говорит, две порции сифону, но только, говорит, без всяких напитков, потому — мы не пьющие». А нас, вместо уваженья, по затылку да по затылку, да вытолкали прямо на полицейского.

Бен опустил глаза на скатерть. Хозяйка исподтишка дернула Резеду за платье. Старуха тотчас же умолкла, и, так как перед ней не было никаких ресурсов, кроме налитой чашки чаю, она собралась уходить. Обе приятельницы долго целовались в губы и жали друг другу локти. Наконец Резеда отерла слезы, шепнула Булке-Луизе пару-другую слов утешенья, вроде «крепись» и «плюнь да зажмурься», а потом отбыла вниз по лестнице в сопровождении долговязого лакея, корчившего всю дорогу несносные гримасы.

Канатный плясун и его мать остались одни.

Старуха отворотила побледневшее лицо от сына и глядела в окно. Худые пальцы ее, унизанные кольцами, дрожали. Маленькие замученные глаза полны скрытого ужаса.

Бен сделал между тем самое довольное и даже веселое лицо в мире. Он положил невзначай ладонь на дрожащие пальцы старухи. Он произнес дьявольски веселым голосом:

— Мамаша, хорошо вам теперь живется, а?

— Уж куда лучше, Бен, голубчик!

— Никто вас не посмеет пальцем тронуть! Платье на вас самое что ни на есть лучшее! Коли прислуга чем провинится, вы мне только шепните!

— Хорошо, Бен, голубчик!

— Захотите кататься, мамаша, у вас есть автомобиль!

— Да уж знаю, сыночек!

— В путешествие поедете, так в самом первом классе!

— Разумеется, дорогой ты мой!

— И знайте, мамашечка, что я вам купил дворянское достоинство. Вы теперь не кто-нибудь, а самое настоящее дворянское лицо безо всякого с нашей стороны обмана... Слышите, мамочка? Поднимите-ка голову! Сделайте гордое выражение! И заживем же мы теперь с вами назло всем людям...

С этой длинной и жизнерадостной речью канатный плясун вдруг задрожал, как маленький мальчик, сунул голо-

ву в колени несчастной старухи и затих от того же внезапного ужаса, каким была охвачена его мать, — ужаса перед безвыходностью жизни, безвыходностью людского позора, безвыходностью памяти, донесшей все прошлое цельнехоньким, как на ладони, в угасающих глазах искалеченного человека.

Глава тридцать восьмая

СЫН ПРОСТИТУТКИ

— Мамаша, вы обещали мне рассказать, откуда я взялся, — нежным голосом произнес Бен, прерывая молчание, — уже два года, как обещали. Ну-ка, начните-ка, да не беспокойтесь. Я буду таить это не хуже вашего!

Старуха содрогнулась и устремила на сына испуганные глаза.

— Нет, мамаша!—ответил сын, прочтя в них что-то, известное им одним. — Уж коли я сказал не буду, — значит, не буду. Вы можете не называть эту собаку, я не стану разыскивать его, если это вам неудобно!

— Ладно, — тихо прошептала та, что называлась в молодости Булкой-Луизой, — я расскажу тебе все, как оно есть, если только это малость облегчит твою душу, Бен. Что из того, что твоей матери лучше лизать языком горячую скороду, чем рассказывать тебе это. Сиди, сиди!

С этими словами она удержала сына за рукав, вытерла языком губы, отвела лицо в сторону и начала самый странный рассказ, какой когда-либо доводилось слышать сыну от матери.

— Я жила, сын мой, у отца, на ферме, возле маленького городка, который лучше будет не называть, и должна была повенчаться с одним молодым человеком, носившим твое имя, когда за три дня до нашей свадьбы отец должен был покинуть ферму, чтоб не быть из нее выгнанным. Случилось это потому, что он проголосовал на выборах не за нашего лэндлорда, а его приказчик, упаси тебя, боже, встретить когда-нибудь этого человека, вспомнил все старые долги моего отца, погашенные и непогашенные, да так, что отцу не осталось времени даже охнуть. Сильный человек с карандашом в руках всегда сделает по-своему, Бен, на этом и на другом свете, будь это лэндлорд или сам бог. Свадьба расстроилась, вещи выбросили за ворота, соседи дали повозку, ехать было некуда, и мать моя от страха готова была

бежать и умолять приказчика об отсрочке, как вдруг прибегает из замка, запыхавшись, ключница и говорит, что будто бы леди очень расстроена жестокостью своего мужа и, чтобы как-нибудь нам помочь, хочет взять меня в замок в услужение, как я есть, хоть в одном переднике. Мать и отец, посоветовавшись, решили, что лучшего для меня будущего сейчас и придумать нельзя, сняли с повозки мой узелок, благословили до лучшего дня и отправили с кастеляншей. Леди приняла меня с лаской, мне отвели комнату, дали хорошую еду и одежду, и так я стала жить в замке, обучаясь домашней службе, штопке и шитью, прислуживая за столом и набивая лорду трубку. Разговаривали они между собой редко и все больше о своем сыне, который должно быть был очень болен, так как миледи, говоря о нем, понижала голос и вытирала слезы, а лорд колотил палкой по полу. Когда сын приехал, я очень удивилась, почему они горевали, так как это был молодой человек моих лет, красивый собой и здоровый, как лошадь. Ел и пил за двоих, ходил на охоту, свистел песни, стрелял, играл на билиарде, гонял собак и поглядывал на всех девушек. Мне он сильно не понравился, да и никому из нашей девичьей не нравились его привычки, но, конечно, нас об этом он не спрашивал, Бен.

— Мама! — разочарованно вздохнул акробат: — только-то и всего! Я думал, будет покрепче. Глупая история с лэнд-лордом и обольщенной девушкой! Когда я ее слышу, я вижу наших девушек! Ни одна из них не сумела всадить этим гадинам нож в сердце, а только и делали, что обольщались!

— Слушай-ка до конца, — сурово прервала старуха, — может, оно и вышло бы так, как ты говоришь, хоть я и любила своего жениха без памяти, но в этой истории есть заковыка, Бен. Говорю тебе, есть заковыка. Молчи, парень, уж коли я начала рассказывать. Однажды к вечеру сын лорда был застигнут дождем в охотничьем павильоне, и миледи крикнула мне, чтоб я снесла ему плащ и зонтик. Я бросила башмаки, добежала босиком до павильона и вручила плащ молодому лорду, но, когда хотела бежать обратно, он схватил меня силком за одежду, втащил в павильон и, сколь-

ко я ни кричала, ни плакала, ни отбивалась, сделал со мной, что хотел, потому что из-за дождя и ветра криков моих никому не было слышно, а павильон был пуст. Знай, Бен, что, когда я вышла оттуда, я повернула по мокрой траве не обратно к замку, а к пруду, и, наверное, меня вытащили бы оттуда багром дня через три, если б не человек, носивший твое имя, мой бывший жених. Как я рассказала ему все, передать не могу, но только жених мой взял меня за руку, повел за собой и привел к родителям, не говоря никакого дурного слова. Здесь я жила с неделю, и, может быть, мне еще можно было бы выкарабкаться, сынок, если б не старичок, деревенский доктор. Он поглядел на меня раз и другой, а потом не велел жить на ферме и есть из одной чашки с родителями Бена, потому что нашел во мне нехорошую болезнь. В то время, сынок, нынешних лечений еще не было, да и в нашей местности люди не слыхивали про такую болезнь. Я ушла с фермы, и кастелянша снова повела меня в замок.

— Так во мне кровь гадины, да еще с дурной болезнью! — прошептал Бен сквозь зубы.

— Миледи приняла меня обратно и была очень довольна, что молодой лорд останется жить в замке. Спустя три месяца я носила тебя, Бен, и перестала думать о смерти.

— Почему? — резко спросил сын.

Старуха взглянула на него, и маленькие ее глазки за-сверкали ненавистью:

— Потому что я хотела родить тебя, хоть бы мне пришлось ползти для этого на край света, сынок, — родить тебя, зачумленного болезнью, чтоб швырнуть гнилое отродье в шелковый подол твоей бабки! Посмотрела бы я, как она помучается, сживая тебя со свету!

— Ага, это хорошо, — хрипло одобрил акробат.

— И уж таила же я тебя, ела и пила с оглядкой, чтоб не съесть крысиную потраву, подлитую кастеляншей. Обвязывалась и бинтовалась, чтоб не заметили в замке! Была весела и покорна с молодым лордом, со старым лордом и с самой миледи! А когда пришло время рожать, я ушла в чащу леса, родила тебя под сосной у ручья, сама тебя при-

няла, встала и, как была, — ночью — дотащила тебя на деревенскую околицу к старичку-врачу. Постучалась — он спал. Ждала до утра, бросила тебя перед ним на стол и попросила сказать, каков ты уродился. Он принял, посмотрел на свет, похлопал и говорит с удивлением, что такого странного случая не помнит за всю свою жизнь.

— Ведь мальчишка-то у тебя, Луиза, здоров, как орешек! Бен, канатный плясун, вскочил и зашагал по комнате.

— Так оно и вышло, сынок, — продолжала старуха, — с какой стати, не могу понять, вышел ты у меня свеженький и здоровый, точно не от гнилого отца. И тогда я взяла тебя, обеими руками, понесла назад в лес, вырыла яму и хотела закопать живым в землю, а самой удавиться тут же на сосновом суку, но циркачи перехватили меня за этим делом.

— Циркачи?

— Да, бродячие. Проезжали они в кибитке на четырех белых кобылках, а за ними шли ученые собаки и стриженные лисицы. Они выхватили тебя из ямы и предложили продать им на цирковую жизнь. Но я за тебя, мальчик, денег не взяла. Я отдала тебя им, как ты есть, с ногами и с руками и с отметиной на шее в придачу, где я поставила свой ноготь, чтоб удушить тебя. Я бы отдала им и свою шкуру, родившую тебя, до того было мне тошно таскать эту шкуру всю долгую жизнь. Но они довезли меня до Лондона и бросили на панели. Добрые люди напоили меня. Пить хорошо, сынок, очень хорошо, — придет твое время и ты будешь пить. А там пошло нелегкое житье по лондонским трущобам и кабакам. Но выпадали веселые деньки. Выпадали и сытные. Были и хорошие друзья вроде Резеды или Машки-Побегушки. Итак, я было уж примирилась и надеялась помереть как настоящий человек, на белых простынях в больнице, при курином супе, если б не проезжий цирк, будь проклята та минута, что мы с пьяницей Резедой заезвались на дрессированную собаку! «Бен, — крикнул старый дурак, хозяин, узнав меня своим собачьим нюхом, — погляди-ка на свою мамашу, из когтей которой мы тебя выгребастали». Ну, и надо ж им было назвать тебя Беном — чорт

в злую минуту подсказал! Я не отперлась от тебя, и зачем я загубила себя, сынок, зачем тебя загубила...

— Мамаша! — воскликнул акробат, кидаясь к старухе.
— Вот когда я узнал свою мать! Уважаю вас, горжусь вами честное слово! Дайте-ка покажу вам этот рубец вашего ноготка, — он еще виден!

Глава тридцать девятая

МНЕНИЕ ТЕХНИКА СОРРОУ О БОБЕ ДРУКЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО УЛУЧШАЕТСЯ

— Тук-тук!

Перед дверью конспиративной квартирки Сорроу в Гаммельштадте остановилась запыхавшаяся парочка — величественный джентльмен с багровым носом и молодое круглолицое существо в ямочках и кудряшках

Оглядев их критически сквозь щель в дверях, Сорроу хотел без дальнейших слов снова захлопнуть дверь.

— Сударь! — гневно воскликнула Пэгги. — Мой жених, мистер Боб Друк, написал мне ваш адрес и ваше имя и мы с папашей выехали, совсем не подозревая, что вы такой грубиян! Если б я знала об этом, ни за что, ни за что бы не приехала и не заставила папашу подать в отставку!

В нежном голоске мисс Пэгги задрожали гневные слезы.

— Входите! — пробормотал Сорроу, не обратив никакого внимания на чувствительность мисс Пэгги Смит. — Входите и повторите-ка насчет парня, с какого это часу он стал вашим женихом?

Пэгги вошла в жилье техника Сорроу вместе со своим папашей, в высшей степени скандализованная. Начать с того, что жилье это было мало, низко и сыро. В нем не имелось ни лежанки, ни стола, ни стульев. Две-три скамьи были скорей свалены сюда за негодностью, нежели поставлены. Пыль и паутина не вытирались с прошлого года. Мыши ходили по половицам.

Ульстерский судья брезгливо шагнул вперед, обмахнул носовым платком скамью и сел на нее, прежде чем техник Сорроу успел уравновесить ее с другого боку, отчего председатель правосудия занял в высшей степени одностороннее положение в воздухе.

— Папа! — воскликнула Пэгги с отчаяньем. — Как вы можете ломать себе голову перед этим дерзким человеком!

Я убеждена, что мистер Друк ошибся! Идемте скорей отсюда!

— Терпенье, моя дорогая! — пробормотал судья, добродушно поднимаясь на ноги. — Фемида... гм... научила меня обращению с весами и качелями. Сядьте на другой конец, не волнуйтесь и не забудьте, что мы готовы на все ради разоблачения этого негодяя Кавендиша!

При последнем слове техник Сорроу вздрогнул и поглядел на судью.

— Так вы по поводу Кавендиша? Сядьте, сэр, сядьте, мисс! Не тревожьтесь насчет пыли, это ведь место для явки, а не жилье. Коли я закрою дверь (он запер дверь), мы будем отрезаны от всего света. Значит, Боб прислал вас по делу?

— Совсем нет, мистер Сорроу! — ответила Пэгги, смягчаясь. — Вы должны знать, что бедный мальчик был арестован под видом дикаря и должен был сидеть в ульстерской тюрьме неизвестно сколько времени. Я послала ему в пудинге орудия бегства. Он бежал из тюрьмы. И он прислал мне письмо, сэр, с предложением руки и сердца: «Бегите с вашим папашей, не медля ни дня, ни ночи, к моему старому другу Сорроу и назовитесь моей невестой», — это были его собственные слова.

— Гм, гм, — задумчиво пробормотал Сорроу, ломая себе голову над выходкой Друка. — А не можете ли вы, мисс, установить с точностью, чего ради молодой человек так поспешил с объяснением?

Пэгги зарделась:

— Я думаю, мистер Сорроу, он приревновал меня! Он боялся, что сыщик Кенворти... видите ли, я написала ему, что майор Кавендиш и сыщик Кенворти за меня сватались.

Сорроу подскочил на месте.

— Майор Кавендиш за вас сватался? И вы его видели собственными глазами?

— Разумеется, сударь, — вступился ульстерский судья, — сознаюсь вам, благородное желание мистера Друка разоблачить этого вредного человека сыграло в моем согласии главную роль. Как видите, я вышел в отставку.

— И вы оба могли бы узнать майора, где бы вы его ни

встретили? — лихорадочно перебил Сорроу.

— Как собственную мать, сэр, — ответил судья.

— И вы могли бы сейчас... могли бы сейчас... — голос техника Сорроу осекся: — описать его наружность и все приметы?

— Само собой! — в один голос ответили судья и его дочь. — Нет ничего легче, мистер Сорроу, если видишь человека и в лицо, и в спину, и сбоку, и спереди чуть ли не три года под ряд, не говоря уже о том, что он всячески хочет запечатлеться у вас в сердце и в памяти!

Техник Сорроу назвал мысленно Боба Друка золотым парнем. Было, конечно, не совсем ладно обманывать такую кругленькую девушку, как мисс Пэгги, обещая на ней жениться. Но ведь иначе Боб Друк не смог бы сдвинуть ее с места и передать в распоряжение союза!

— Ничего, ничего, мисс, — ласково пробормотал Сорроу, чувствуя угрызения совести и впервые за всю свою жизнь смягчая голос ради женщины, — Боб Друк, знаете ли, славный малый. С детства был уже такой: посватается и... Садитесь помягче, вот вам моя покрывка!

С этими словами Сорроу постелил на скамейке собственный плащ. Он не мог, положительно не мог справиться с охватившей его дрожью. Он чувствовал, как зубы его начинают стучать. Через секунду он получит точное описание майора Кавендиша!

— Могли бы вы, сэр, поехать со мной в веселенькое путешествие по Персидскому заливу? — спросил он неожиданно ульстерского судью, откладывая блаженную минуту открытия майоровой тайны с таким же чувством, с каким опытный младенец вынимает изо рта монпасьешку, чтоб не съесть ее сразу.

— По Персидскому заливу?

— Ну да, видите ли, нам необходимо остановить готовящееся зрелище. Этот греховный и преступный майор, сэр, добился провозглашения своих порочных останков святыми, и культ его должен быть отпразднован на-днях, недалеко от порта Ковеита. Нужно разоблачить майора Кавендиша, прежде чем его превратят в святыню!

Ульстерский судья снял очки и поднял к небу близорукые глаза:

— Мистер Сорроу, как вы представляете себе наше вмешательство?

— Видите ли, сэр, мы имеем основание предполагать, что майор Кавендиш не был убит! Я держу в руках... Что с вами?

Пэгги и судья покрылись землистою бледностью. Глаза их испуганно расширились.

— Майор Кавендиш... не убит? — пролепетала Пэгги.

Сорроу кивнул головой.

— Но тогда... — судья уткнул лицо в носовой платок и произнес простуженным голосом: — добрейший мистер Сорроу, тогда я должен советовать вам отказаться от этого дела!

— Да почему же? — с досадой воскликнул техник.

— Майор Кавендиш — опасный человек, — медленно произнес судья, — очень опасный человек. С тех пор как до нас дошли слухи о его убийстве, я и моя дочь спим спокойно. Но до этого дня, сударь, мы не спали вовсе.

— Тем более, сэр! — ворчливо вскричал Сорроу. — Опасного да еще вредного человека надо прикончить для пользы общества! Если я докажу, что он жив и его останки это останки гаммельштадтского пьяницы, купленные за сто марок, а вы к тому же малость подбавите насчет святой личности майора и его житейских делишек, — это будет мировой скандал! Вся пресса ухватится за это дело, и майор Кавендиш будет вторично погребен, как оса, у которой вырвут жало!

Но судья не ответил на эту страстную речь ни единого слова. Он сидел с неподвижным лицом и покачивал головой. Мисс Пэгги опустила глазки и теребила оборки своего платья. Она была также безмолвна.

— Чорт побери! — вырвалось у техника Сорроу. — Чем больше страха вы проявляете, тем больше у меня решимости взять этого негодяя за шиворот! Ну, ладно, мы вас оставим в покое. Езжайте себе с вашей дочерью, куда хотите, только оставьте мне, сударь, самое точное, самое подробное описание майора Кавендиша и всех его примет, видимых и невидимых!

Глава сороковая

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА КЕНВОРТИ

Наступило самое торжественное мгновенье. Судья переглянулся со своей дочерью. Техник Сорроу насторожил уши.

— Сядьте поближе, мистер Сорроу, — шопотом пробормотал судья, косясь на дверь, — хоть я и знаю, что здесь нас никто не слышит, тем не менее описывать живого майора, —это вовсе не то, что мертвого!

Когда Сорроу придвинул уши чуть ли не к самому рту судьи, этот последний начал свое показание:

— Знайте, мистер Сорроу, что ни я, ни моя дочь — мы не из трусливых. Если мы проявляем сейчас... гм... гм... некоторую нервность, то потому, что судьба всех, знавших майора, поистине наводит на размышление. В нашем городке не осталось в живых никого, кто имел несчастье знать этого низкого человека так же коротко, как и мы. Вокруг его фамильного замка устроены чуть ли не проволочные заграждения. Про самый замок жители рассказывают такие страсти, что это отбивает охоту приближаться к нему. Экономка майора, как говорят, сошла с ума. Вы понимаете, что, если майору выгодна фигура умолчания, поставленная взамен его особы, он не постесняется поблагодарить меня за многоречие пульей, ядом, доносом, тысячью непредвиденных вещей.

— К делу! — лихорадочно перебил Сорроу. — Опишите мне, наконец, этого человека, да так, чтоб я мог его узнать без карточки в руках!

— Имейте терпенье, — прошептал судья, — внешность майора напоминает... Позвольте, я начну с деталей. Три года тому назад майор, только что вернувшийся из Малой Азии, увидел мою дочь на прогулке...

— К делу, сударь! — отчаянно простонал Сорроу. — Вашу дочь я вижу своими глазами. Опишите мне наружность майора!

— Сэр, — с достоинством проговорил ульстерский судья, — без моей дочери я не увидел бы и самого майора, а если б я не увидел майора, вы бы никогда не услышали от меня его описание! Надо иметь в виду всю причинную связь, если хочешь получить полное представление о предмете. Итак, мистер Сорроу, майор встретил мою дочь на прогулке, влюбился в нее и попросил разрешения бывать в нашем доме. Я вдовец и потому очень боюсь незнакомых мужчин. Узнав об этом, я первым делом раскрыл справочную книгу, составленную для меня моим другом, нотариусом. Что там стояло возле имени майора Кавендиша? Там стояло, кроме всего прочего, два слова: неизлечимый сифилитик и бабник. Пэгги, душа моя, заткни уши!

— Я уже слышала, папочка, — пробормотала Пэгги.

— Напрасно, сударыня! — отрезал судья. — Итак, прочитай эти два слова...

— Сударь, — взмолился техник Сорроу, — нельзя ли отложить этот рассказ и в первую очередь заняться описанием? Какого роста майор? Какой он масти? Не похож ли на общеизвестный тип? Лыс или многоволос? Какого цвета у него глаза? Толст он или тонок? Его возраст? Голос? Жесты? Его особенности и приметы?

— Пусть будет по-вашему! Слушайте! — Судья набрал воздуха в легкие:

— Наружность майора Кавендиша такова: росту он...ай!

В дверь коспиративного жилья техника Сорроу раздался явственный стук.

Техник Сорроу вскочил и сунул руку в карман. Револьвер был на месте.

— Кончайте! Какой он наружности? — шепнул он судье.

Но судья и его дочь были объаты совершенным ужасом. Тук-тук-тук-тук-тук...

— Сударь, кончайте! — взмолился Сорроу.

Тук, тук, тук!

— Это, наверное, майор Кавендиш! — белыми губами пролепетал судья. — Он убьет нас. Не открывайте!

Но техник Сорроу уже подошел к дверям.

— Именем закона! — раздалось по-английски и по-не-

мецки.

И, как только Сорроу повернул ключ, в комнату протиснулась коренастая свирепая фигура с квадратной головой, низко уходящей в плечи. Маленькие глазки злорадно впились в ульстерского судью и его дочь.

— Сэр, именем закона вы арестованы. Вот приказ английских властей, вот разрешение на ваш арест немецкой полиции. Очень, очень прискорбно встретиться с вами и вашей дочерью при таких обстоятельствах. Относительно этого пожилого джентльмена у меня есть бумага на производство обыска. Ни с места!

Сыщик Ник Кенворти, выпалив эту речь единым духом, вынул автоматический револьвер, положил его рядом с собой на стол и махнул рукой. В комнату вошел добросовестный немецкий шуцман.

— Обыщите эту берлогу, — процедил Кенворти сквозь зубы, — да выстукивайте получше, тут могут быть тайники.

Пока шуцман, засветив электрический фонарь, под ироническим взглядом Сорроу, выстукивал и вынюхивал каждый квадратный сантиметр пустой комнаты, Кенворти развалился на кресле и не спускал глаз с бледного личика мисс Пэгги.

— Да-да! — произнес он торжествующе. — Такая опытная ищейка, как Ник Кенворти, не даст обвести себя вокруг пальца. Что говорит логика, мисс Смит? Логика говорит по по телеграфу и по радио знаменитому сыщику Кенворти: «Дикарь сбежал из тюрьмы». — Ладно, — спокойно отвечает сыщик, — если сбежал тот, кого мы поручили судье, — значит, виноват судья. Но логика продолжает развиваться: «Ник, — говорит она, — судья-то ведь тоже сбежал и, вдобавок, вместе с дочерью!» — Ого, — отвечает сыщик, — значит, надо ловить судью! Следите за моими словами: надо ловить судью! Поймав судью, можно поймать и его дочку, а поймав дочку — натурально заполучить и дикаря. Вот каким способом, мисс Смит, я выследил вас и вашего папашу до самого этого притона. Не беспокойтесь! Вокруг поставлена засада. Молодчик наверняка подъедет на огонек. На этот раз он будет в хороших руках, мисс, не сомневайтесь!

Бедная мисс Пэгги вздрогнула и посмотрела на техника Сорроу. Но к ее удивлению, старичина Сорроу не проявил ни малейшего огорчения. Наоборот, он подмигнул ей самым веселым образом и пробормотал:

— Ну, коли так, не миновать парню...

Запыхавшийся шуцман между тем не нашел ничего, кроме пыли, паутины и мышей. Половицы скрипели и шатались, стены осыпали штукатурку, но нигде не было ни малейшего следа тайника.

— Хорошо, — проговорил сыщик, — джентльмены, вы арестованы. Благоволите итти вслед за нами... Эге! Тише! Ни звука!

Последние слова относились к звонкому шуму шагов по безлюдной улице. Шага приближаются, взошли на крыльцо, стукнули возле двери, кто-то схватился за скобу. Сыщик Кенворти застыл с дьявольским торжеством на лице. Мисс Пэгги смертельно побледнела и приложила руку к сердцу. Техник Сорроу разразился каким-то странным кашлем, похожим на кваканье.

Дверь медленно приоткрылась... Боб Друк заглянул в комнату.

— Боб, тебя должны арестовать! — крикнул Сорроу пронзительным голосом.

— Милый мистер Боб! — страдальчески вырвалось у дочери судьи.

— Ага! — прорычал Ник Кенворти, срываясь с места.

Но Боб Друк, одетый почему-то в костюм железнодорожного проводника, с лихой кепкой на макушке, — молниеносно оглядел комнату, на секунду задержал зрачки на острых зрачках Сорроу, не обратил ровно никакого внимания на мисс Пэгги и вдруг, с самым решительным видом, — протянул Нику Кенворти обе руки для стальных наручников.

Глава сорок первая

ДРУЖЕСКАЯ УСЛУГА ТЕХНИКА СОРРОУ

— Ну, — произнес доктор Блессинг рано утром, будя спящего человека на диване, — я очень рад, дорогой мистер Кавендроп, что могу сообщить вам приятную новость. Моя служанка достоверно узнала, что засада снята. Вы можете спокойно вернуться домой и высмеять брата вашей невесты. Вы можете отрицать, что были у меня. Но рекомендую вам, дорогой сэр, следить за своим здоровьем и систематически обращаться ко мне!

— О! Буду счастлив! — пробормотал спящий джентльмен, сбрасывая с лица одеяло и обнаруживая веселую, круглую рожицу Боба Друка. — Вы оказали мне столько услуг, что если б я даже сию минуту заболел и лечился у вас по гроб моей жизни, и то, сэр, я не отблагодарил бы вас достаточно.

— Шш! — мягко шепнул доктор. — Ни слова об этом. Одевайтесь, сэр.

Друк не заставил себя просить и через десять минут был готов. Но, когда он протянул своему спасителю руку, тот лукаво улыбнулся и указал ему на стул:

— Еще минуточку, мистер Кавендроп. Может случиться, что враги вас все-таки затравят. Бывали случаи в моей практике, когда недоброжелатели со стороны невесты или жены прибегали к печатной огласке. В этом случае, сударь, вам поможет вот это свидетельство.

Тут доктор Блессинг написал что-то на бумаге и торжественно протянул ее своему пациенту:

— Я осмотрел вас, сударь, и не нахожу в настоящую минуту ничего подозрительного. Эта бумага удостоверяет вашу полную и медицински подтверждаемую пригодность для брачного сожительства. Берите ее, и да сохранит вас судьба от ваших врагов!

Через полчаса Боб Друк, счастливо избежав всяких встреч с полисменами, прибыл в омнибусе на пристань, а через

два часа он уже катил в Гамбург. Но это был не оборванный и загнанный Боб Друк, со штанами майора Кавендиша вокруг пояса. Он одет джентльменом, обзавелся парой рыжих бак, принял вид симпатичного шотландского сквайра, а так как в Шотландии недолюбливают не только чужие брюки, но и свои собственные, — Боб Друк спрятал драгоценную реликвию Кавендиша в ручной чемодан. В Гамбурге он пересел с парохода на поезд.

Не доезжая моста через знаменитую Гаммельштадтскую трясину, прославленную гибелью майора, Боб Друк взял свой чемоданчик и проследовал во всю длину международного вагона к тому купе, которое обычно занимает проводник.

— Том, дружище, это я! — шепнул он, постучавшись. — Менд-месс, Том!

Дверь медленно приоткрылась. В нее выглянул белокрысый тощий немец с чахоточными глазами, отнюдь не похожий на веселого Тома-трубочиста.

— Вам что надобно? — осведомился он угрюмо. — Если вы ищете прежнего проводника, так обращайтесь не сюда, а в гаммельштадтскую тюрьму. Он сегодня ночью арестован!

С этими словами немец желчно захлопнул дверь. Друк побледнел от неожиданности. Том арестован! Едва дождавшись остановки, он спрыгнул на платформу Гаммельштадта и оглянулся вокруг. Под вокзальными часами сидел унылый торговец спичками. Друк подошел к нему, размахивая чемоданом.

— Дайте-ка спички! — пробормотал он, бросая ему медяк. Человек молча вынул спичечную коробку, пристально посмотрел на покупателя и протянул ее вместе с клочком бумаги. Друк сунул коробку с бумажкой в карман, отошел в сторону, закурил, не торопясь развернул бумажку...

Чорт возьми! Это была телеграмма Тома. Ехать к Сорроу нельзя!

Друк взмахнул своим чемоданчиком и вошел в буфет. Здесь он заказал себе шотландскую селедку, шотландское виски, шотландский бифштекс и уселся, как можно выше задрав ноги, покрытые шотландским пледом. Между тем

продавец спичек, подкинув свой товар на плечи, поплелся к выходу, и, видимо по рассеянности, забрел в телефонную будку, где пробыл не больше минуты.

— Сколько следует? — с сильным шотландским акцентом добивался Боб Друк у вокзального кельнера. — Селедка — раз, виски — раз, два раза, три раза — и бифштекс раз!

Пока кельнер высчитывал, за столик Друка с шумом опустился новый пассажир.

— Очень хорошо, сударь, очень хорошо! — произнес он одобрительным голосом. — Видать, что вы прямо из Шотландии, и к вашему ассортименту, можно сказать, недостает только шотландского брака. Впрочем, может быть, и он у вас не за плечами?*

С этими словами незнакомец подмигнул и подморгнул Бобу так выразительно, что тот сразу узнал в нем Сорроу.

— Насчет твоей наружности — тоже не плохо, — ответил он, не меняя позы, — только малость криво подклеил усы. Выпей-ка, старичина, со мной стаканчик да сообщи, что у вас за странности. Почему арестован Том? Не заезжала ли к вам... гм... гм... одна молодая особа?

— Все по порядку, мистер Мак-Друк, все по порядку! — весело ответил Сорроу. — Ты заслужил, чтоб сообщить тебе самую приятную новость, какую только я приберег. Чистая работа, парень. Союз будет доволен тобой. А теперь вставай-ка да идем на перрон, так как я слышу гуденье экспресса, а для нас с тобой закуплены хорошенькие места до Константинополя.

— Как?!

— Ну да, мы едем в Константинополь, и собака едет с нами в собачьем вагоне, на этот раз, я надеюсь, без всяких оконных прыжков. А из Константинополя мы полетим прямехонько на Ковейт.

* Сорроу намекает здесь на мисс Пэгги Смит. Шотландский брак — один из курьезов шотландского законодательства, по которому каждая женщина, проводшая с каким-нибудь мужчиной ночь в одном номере гостиницы, считается его законной женой.

Боб Друк не стал больше расспрашивать, но проявил несносную растерянность и нерешительность. Несмотря на гудки, суматоху, торопливость Сорроу, он сбегал на почту и телеграф, отправил несколько спешных телеграмм одному адресату, но в самые разные города, и, наконец, запыхавшись, уселся против Сорроу в купе второго класса, повидимому, очень мало утешенный предстоящим путешествием.

— Ну, Сорроу, — уныло пробормотал он, озираясь на свой чемодан, — я везу с собой штаны нашего майора. Они будут хорошей понюшкой для Небодара, если только библейский пес доберется живым до Месопотамии. Еще, старина, я везу с собой две приметы майора, по которым можно, как коня по копыту, узнать этого интригана прямехонько по задней ноге. Но скажи мне, была ли у вас, гм... гм...

— Не волнуйся, дружище, — ласково ответил Сорроу, положив руку на плечо Боба с самым неподдельным уважением, — я понимаю упреки твоей совести. Я понимаю, парень, что нелегко было надувать эту божью букашку со всеми ее кудряшками и рисковать своей холостой жизнью ради пользы дела.

— Что-о?! — протянул Боб растерянным голосом.

— Ну да, парнюга, не легко сидеть на иголках, не знаючи, как отвязаться от непрошенной невесты. А потому знайка, что я успел-таки выпотрошить твоего тестя до последней буквы и смогу отыскать майора Кавендиша, пожалуй, и без Небодара. Что до твоей невесты, Друк, девочка отлично устроилась в тюрьме с папенькой и Томом, загрированным под тебя.

Друк вскрикнул, вскочил и отчаянно уставился на Сорроу.

— Ну да, парнище, чего ты пугаешься? Том-то ведь живехонько разочарует ее, и не пройдет и суток, как она сама вернет ему данное тебе слово и освободит тебя, бедняга этакий, от всякой семейной ответственности на этом и на том свете!

Глава сорок вторая

АНЛИЙСКИЙ КОНСУЛ В ПОРТЕ КОВЕЙТЕ

Всякий раз как у русского консула, товарища Прочного, был прием, английский консул, сэр Томас Антрикот, имел неприятную беседу с секретарем.

— Сколько человек ждут у нас приема, Чарльз?

Секретарь почесал за ухом и заглянул в пустую прихожую:

— Несколько человек, сэр, без каких-нибудь пяти-шести.

— А сколько человек у Прочного, Чарльз?

Секретарь выглянул в окно. Русское консульство находилось прямехонько перед английским, и в открытые двери валом валил народ.

— Никого, сэр, если не считать какой-то толпы!

Английский консул вздохнул:

— Идите, Чарльз, и посмотрите, как ведет себя мистер Прочный. Проследите за его манерами. Узнайте, гм, в чем тайна его популярности. Но осторожно, Чарльз, осторожно!

— Понимаю, сэр!

С этими словами секретарь схватил портфель, кепку, выбежал на улицу и шмыгнул в густую толпу, гортанно горланившую перед русским консульством. Здесь были степенные арабы, хитрые персидские купцы, ремесленники, батраки, амбалы, лодочники, крючники. Все они оживленно спорили, толкались и протискивались к дверям. Секретарь пролез в самую их гущу и был незаметно вынесен в огромную приемную залу консульства, где он тотчас же увидел товарища Прочного. Это был белобрысый молодой человек в русской рубашке, стоявший посреди своих посетителей и охрипший от горячего спора.

— Ты рассуди сам! — кричал крючник, пролезая вперед и хватая его за рукав. — Мамук работает восемь часов, и ты его застраховал. Мамук имеет жалованье, дом и еду, а я работаю день и ночь, и меня никто не застраховал, сплю под

небом, ем луковицу. Скажи Бабуган-Аге, что так не годится!

Бабуган-Ага, богатый яличник, медленно вышел из толпы, ехидно улыбаясь и поднимая, в знак презрения, одно плечо выше другого.

— Чего ты пристал к саибу, сорная трава? — крикнул он на крючника. — Саиб имеет свои законы, Бабуган-Аги имеет свои. Хочешь работать, бери, что даю, не хочешь — уходи в страну русских. Пусть тебя там страхуют хоть на тысячу золотых туманов, ленивый мул, ослиное ухо!

— Бабуган-Ага по-своему прав, — дружески ответил консул, обращаясь к крючнику, — ты, парень, работаешь не у меня. Я не имею права вмешиваться в законы, какие существуют в твоей стране.

— Да еще, саиб, он заслуживает, чтоб его драли его собственными крючьями, — злорадно продолжал Бабуган-Ага: — он вор, лютый вор и мошенник! Он тащит веревки с моих яликов, он обокрал мой сад, он нагрубил моей теще, он вымазал навозом моего осла; он лжет на каждом шагу, точно получает за каждую ложь по рупию! Да еще смеет итти тебя беспокоить, когда ты не имеешь в нашей стране никакой власти! Зря только, саиб, ты нанял Мамука и соблазняешь этих собак! Они не стоят твоей милости!

— Ай-ай, Бабуган-Ага! — сочувственно воскликнул консул. — Твои слуги обворовывают тебя, насмеются над тобой и твоей тещей? Бедный Бабуган-Ага! Посмотри, как работает у меня Мамук. Эй, Мамук!

Из угла вынырнул веселый молодой араб, чистенький, как орешек. Он держал в руках шкатулку.

— Мамук у меня казначей. Видишь эту шкатулку? Мамук держит мои деньги и не обворовывает меня. Он не мажет моего осла навозом. Он не грубит моей теще. Мамук хороший работник, честный работник, вежливый работник. Таковы законы в моей стране, Бабуган-Ага, что мы страхуем работников и даем им хорошую жизнь, а они находят, что честными быть выгодней. Попробуй, Бабуган-Ага, не будет ли и у тебя того же.

Крючник и Мамук переглянулись и оскалили зубы. Бабуган-Ага бешено сверкнул белками:

— А вот я поступлю с ним, как с чумным псом, и выгоню его, и возьму взамен десять других, которые будут лизать мои ладони за луковицу! Вот что я попробую по нашему обычаю, саиб!

— Бедный Aral Вместо одного, тебя будут обворовывать десять и десять грубостей наделают твоей теще. Пощади хоть ее, если не себя!

Взбешенный яличник круто повернулся и вышел. Крючник с веселой гримасой побежал вслед за ним: он отлично знал, что сегодня же получит от хозяина прибавку. А усталый и потный от жары товарищ Прочный продолжал выслушивать сотни жалоб и претензий, не имевших никакого отношения к русскому консульству. Он ходил от одного к другому, похлопывал по плечам жалобщиков, пил чай вместе с купцами, ругался вместе с амбалами, позволял каждому теребить себя за кушак и рукав, — словом, вел себя так, что Чарльз не без пользы простоял в его канцелярии.

— Сэр! — воскликнул секретарь впопыхах, врываясь к лорду Антрикоту. — Демагогия, чистейшая демагогия! Я изучил, сэр, все его приемы! В десять минут можете достичь того же самого!

Пока английский консул, поджав губы и подняв брови, выслушивал своего секретаря, привратник был в свою очередь поражен как громом: перед дверями консульства появился клиент! Это был маленький человек, чернявый, как жук, с длинными напыженными усами, в мундире, до такой степени расшитом галунами, что найти на нем свободное местечко было не легче, чем обнаружить на европейской карте клочок земли, не покрытый таможенной. Клиент закрутил усы кверху, осведомился, когда принимает консул, и проследовал в приемную. Привратник что было силы позвонил к секретарю. Секретарь взглянул в окошко и обомлел:

— Сэр Антрикот, — воскликнул он дрожащим голосом, — в приемной посетители!

— Сколько?

— Человек десять без девяти, сэр! Не забудьте, что я вам сообщил! Смелее, сэр! Сделайте выпуск побольше!

Лорд Антрикот вытянул из штанов изрядный кусок крахмальной рубашки, расстегнул ворот, растрепал волосы и бодрой походкой пошел на прием. При виде его посетитель почтительно встал с места, сделал несколько шагов и остановился. Английский консул был положительно пьян! Он шел танцующими шагами, красный, как рак, растрепанный и с рубашкой на выпуск!

— Здравствуй! — произнес он дружески, подходя к человеку, и положил ему руку на плечо.

— Не знаю, сэр, за кого вы меня принимаете! — пробормотал черномазый, возмущенно раздувая усы и отступая к дверям. — Южное солнце, сэр, может быть припекло вам голову... Я князь! Я владетельный князь Румынии, Гонориус Гонореску!

— Отлично, друг, — ответил консул, — князь ли ты, или носильщик, дом мой открыт для каждого, и ухо мое опущено к устам ближнего моего. Говори, в чем имеешь нужду!

Но румынский князь, испугавшись опущенного уха консула еще больше, чем его выпущенной рубашки, быстрее зайца юркнул на лестницу и дал стрекача. Только возле будки привратника он остановился и отдышался.

— Плохой климат! — пробормотал он, подходя к привратнику и доставая большой белый конверт с золотым обрезом, — повидимому, господин консул пострадал от этого климата на оба уха. Вот возьмите, любезный, конверт и передайте ему, когда он оправится!

— Странно, — в свою очередь, пробормотал сэр Томас, распечатывая конверт, — мистер Прочный делает при помощи этой тактики чудеса, а я почему-то отпугиваю человеческие сердца! Посмотрим, что это такое... Эге-ге-ге! Чарльз, подите-ка сюда!

На лице консула появилась нежнейшая улыбка. Глазки его сощурились. Секретарь с интересом заглянул в бумагу и прочитал вполголоса:

*Его сиятельство,
князь Гонориус Гонореску,*

приглашает Вас почтительно на открытие виллы

«ГОНОРИЯ»

*(эстрада, рулетка, отдельные кабинеты, лучшая
кухня, симфонический концерт, карнавал),
имеющее быть сегодня, в 10 ч. вечера
Ул. Фонарей, 14.*

Глава сорок третья

КРИКИ НА УЛИЦЕ

— Сегодня вечером мы с вами прогуляемся, Чарльз, — милостиво произнес сэр Томас, — приготовьте два одинаковых домино! Карнавал в порту Ковейт!.. Это, знаете ли, имеет дипломатический интерес.

— Решаюсь возразить вам, сэр, — несмело прошептал секретарь: — процессия Кавендиша начинается сегодняшней день... Город будет полон кровавых столкновений... лучше выждать сообразно с инструкциями мистера Лебера!

— Оставьте вашего мистера Лебера! Оставьте инструкции! Говорю вам, Чарльз, что в интересах диплома... ай! Что это за шум?

С улицы неслись унылые гортанные крики, полные тягучего и мрачного отчаянья. Консул и секретарь бросились к окну. Маленькая европейская улица, полого спускающаяся к набережной, переполнена необычайной толпой. Из восточных кварталов движется множество мусульман, обнаженных по пояс, с огромными шестами и древками, на самой верхушке которых торчат талисманы и амулеты, завернутые в алые шелка. Головы идущих гладко выбриты на маковке, рты растянуты, как у рыб, в диком, фанатическом напеве. Вокруг них и перед ними толпа дервишей и мулл, время от времени ударяющих в ладоши. Тогда шествие приостанавливается, и все поющие, сколько их есть, свободной рукой бьют себя по голой груди, издавая резкий, гнусавый крик:

«Ризэ-Азас-Эмруз!»*

— Чорт возьми, точь в точь как в Мохарраме!** — воскликнул сэр Томас. — Глядите, Чарльз, глядите внимательно!

* Это день траура.

** Мохаррам — шиитский праздник в память убитого пророка Гусейна.

Впитывайте это зрелище всеми порами! Перед вами торжество английского гения! Что дерзает наш гений, Чарльз? Завоевывать человеческие темпераменты! Мы присутствуем при величайшей исторической победе: при искусственном, так сказать, инкубационном зарождении новой религии!

— Тише, сэр! — пробормотал Чарльз, опасливо косясь на толпу. — Этим чертям совсем не до шуток!

И действительно, зрелище начинало становиться тягостным. Напряженные, отуманенные опиумом, неподвижные зрачки фанатиков, вперенные в дервишей и мулл, точно пьянели от несказанного, призывного языка жестов. Муллы ничего не говорили, они звали толпу руками. Эти руки, воздетые над сотней голов и сопровождаемые тысячью плывущих под ними зрачков, подобно поплавку, идущему над крючком, — вздрагивали и дергались, обуреваемые тяжким грузом человеческого фанатизма, пойманного на их приманку. Они плясали в воздухе танец десяти пальцев. Каждый палец, то острый, то блеклый, то напоминающий, то мстительный, то прямой, то крючковатый, звал, грозил, хихикал, заклинал, плескался, как кисти бамбука в воздухе, привлекая, закруживая и защекотывая за собой толпу. Крики и стоны становились все чаще, все пронзительней. Из глоток сами собой выходили глубокие вздохи, словно от нажима мехов. Кой у кого в руках блеснули ножи. По израненным, исколотым грудям потекла кровь...

«Ризэ-Азас-Эмруз!»

— Ну, если кровь потекла в самом начале, сэр, это будет похуже Мохаррама! Не чересчур ли стараются наши муллы? Страшновато, сэр!

— Молчите, Чарльз, — с неудовольствием отозвался консул, начиная испытывать неприятное покалыванье под ложечкой, — разве вы не читали инструкцию Анти-Коминтерна? Там сказано, что каждая религия должна укрепляться на крови. Чем больше крови, тем крепче религия.

— Но, сэр, там говорится также о том, что эта кровь... должна быть жертвенной! А ведь у нас, пока что...

Сэр Томас Антрикот вздрогнул и быстро отвернулся от окна:

— Чорт возьми, Чарльз, хорошо, что вы мне напомнили! Где письмо моего друга, пастора Мартина Андрию? Вчера, по телефону из Багдада, мне сообщили пренеприятные вещи. Письмо надо хранить как зеницу ока. В случае чего оно будет... гм... будет в своем роде залогом, чтоб поднять решимость бедного Андрию !

— Письмо в железном шкафу, — ответил секретарь и тотчас же отправился в кабинет своего патрона, чтоб убедиться в его сохранности. Но не успел он переступить порога, как издал отчаянный крик.

Консул побледнел и бросился вслед за секретарем. В кабинете побывали воры! Окно, выходящее на веранду, распахнуто. Живая изгородь безобразных кактусов, колючих и мясистых, истоптана чьим-то каблуком. Бумаги на письменном столе перевернуты, перетроганы, разбросаны по полу. Ящики выдвинуты. Книжный шкаф открыт настежь, и с десяток книг валяется с оборванными переплетами.

Секретарь подскочил к железному шкафу.

— Поцарапан, но не открыт! — воскликнул он радостно.— Наше счастье, сэр, что мы во-время спохватились. Вот оно, это письмо! Нам с вами следует безвыходно быть дома и усилить стражу вокруг консульства.

— Совсем нет, Чарльз, — ответил консул, облегченно вздыхая при виде письма, — это были простые, мелкие ворюжки, — видите, они украли мои золотые запонки, которые я утром нечаянно оставил здесь. Наоборот, нам необходимо рассеяться, чтоб наши нервы не спасовали, куда будет длиться неделя Кавендиша. А письмо... дайте-ка его сюда!

Сэр Томас взял из рук секретаря драгоценный документ, обернул его шелковым платком, распахнул пиджак и засунул пакет глубоко, в секретный карман жилетки.

— Ну, вот теперь, — пробормотал он, застегивая карман на автоматические кнопки, сцепленные кусочками магни-

та, — чтоб украсть это письмо, понадобится украсть жилетку, а чтоб украсть жилетку, надо будет украсть меня самого. Не думаю, чтоб это удалось даже самому ловкому вору в мире. Успокойтесь же, Чарльз, и распорядитесь насчет двух домино. Мы непременно поедем на открытие «Гонории»!

Когда консул и секретарь вышли из кабинета, было несколько секунд тишины. Только слабый морской ветер шевелил бумажки и кисейную занавеску. Но вот из-за портьеры раздался шелест, и чьи-то ловкие, легкие ноги скользнули по паркету, словно по воде. В комнате очутился стройный, красивый, как Дионис, юноша, с крепкими кудрями вокруг невысокого лба, с яркими глазами, веселым блеском зубов и очаровательной ямочкой на правой щеке. Он прыгнул на подоконник и скользнул вниз, между кактусами, не задев ни одного из них.

— Чепуховое дело! — пробормотал он сквозь зубы, перелезая через ограду, увитую плющом. — Надеюсь, это будет моим последним делом. Всего два акта: симуляция кражи, чтоб узнать, где документ находится, и самая легкая кража в мире, для которой надо только весело провести вечер. Мамаша будет довольна! Я обряжусь дьявольски хорошо и потанцую на карнавале, как никогда не танцевал!

Глава сорок четвертая

ОТКРЫТИЕ ВИЛЛЫ «ГОНОРИЯ»

Южная ночь падает вниз, как коршун. Не успело солнце уйти куда следует, а уже синие воды Персидского залива стали черными, на небе выскочили звезды, каждая на своем месте, установленном астрономией, и внизу зажглись тысячи фонарей, каждый на своем месте, установленном полицией. Порт Кувейт был положительно пьян от огня, иллюминаций, крика и запаха крови. Низкие крыши восточного квартала густо усажены женщинами в чадрах. Узкие улочки полны фанатиков. Крики, самоизбиения, кружения, шум падающих тел, стон и бред опиумистов, вопли женщин не утихают ни на минуту. А в европейском квартале, возле самого мола, где чернеют иностранные суда всех мастей и флагов, загорелись тысячи пестрых огней над веселым, кружевным павильоном, построенным в китайском стиле, увешанном фонариками и бубенчиками и носящем на фронте световую надпись:

«VILLA HONORIA»

— Ну, коли вы все еще недовольны, на вас ничем не угождать! — проворчал Апопокас, останавливаясь перед румынским князем в своем беге между стульями, кадками, столиками, размещаемыми по веранде. — Девочки наряжены — лучше нельзя, повар стряпает точно на королевскую кухню, миссионера мы спровадили в самое подходящее время, приглашения приняты, от гостей отбою не будет, — одним словом, ваша Гоноррея...

— Гонория, а не Гоноррея... — сердито прервал румынский князь. — Остолоп, ты хочешь меня осрамить! Сколько раз я тебе повторяю: Гонория, Гонория, Гонория! Вилла Го-

нория!

— Я и говорю, — вилла Гоноррея! — обиделся Апопокас. — Что я, глухой, что ли?!

Вилла и впрямь, заботами Апопокаса, приняла самый щегольский вид. Внизу, возле открытой сцены, была великолепная оранжерея, с раздвижным стеклянным потолком, с фонтанчиками из мадеры, малаги и ширазких вин. Еще ниже, в полуподвале, затканый зелеными китайскими штофами, приют опиумистов, с лежанками, занавесками, лампочками под потолком в форме пауков. На втором этаже целая галерея передвижных кабинок, где все устроено на манер трувильских морских раздевален: оконца на залив, запах моря и водорослей, деревянные стены, зеркала, удобные лежанки, купальные костюмы. Еще выше, под куполом китайского домика, азартный игорный зал с крупье и состоящими на службе шулерами, которым обещаны награды за увечья и страховка в случае тюрьмы: их держали для любителей скандалов.

Еще не пробило десяти часов, а к блестящему полукругу лестницы стали, как майские жуки, жужжа, подлетать черные автомобили. Дверцы хлопали, словно крылья. Один за другим по лестницам всходили карнавальные гости. Тучный американский консул со своими атташе в красном домино. Тощий немецкий и сухопарый австрийский в домино небесного цвета. Английский консул в розово-желтом. Десятки чиновников, шпионов, гарнизонных офицеров, ученых, сидевших над геологией, минералогией, флорой и фауной, — загорелые под ковейтским солнцем, одичавшие от ковейтской скуки, потирая ладони и причмокивая от удовольствия, один за другим, всходили по блестящим ступеням. Грянула острая музыка джаз-банда. Для любителей Востока в одной из ниш мяукали персидские сазандари, аккомпанировавшие персу, певшему из Саади. Тысячи звуков наполнили залу. Занавес раздвинулся. С эстрады вниз, сопровождаемые самим князем Гонореску, одетым в военный мундир, чинно сошли девицы из «ковейтского комплекта». Появление их было обдуманно до мельчайших деталей. Это был трюк — величайший трюк Гонореску: все девицы,

от первой до последней, были одеты, как «приличные женщины».

Они шли, благовоспитанно улыбаясь. Ни одна не подвела глаз, не намазала губ сильнее, чем дамы из общества. Гонореску чопорно кланялся и представлял их обществу:

— Лэди Сарра!

— Баронесса Минни!

— Принцесса Эллида!

И дипломаты склонялись к их ручкам. Не прошло и десяти минут, как они уже были во власти всех чар, паутин и паучков, расставленных румынским князем. Только тогда грянул европейский оркестр, заглушая тоскующую музыку Востока, облако конфетти наполнило залу, тысячи змей серпантина стали взвиваться вверх и оплетать люстры, и в открытые настежь двери из темной глубины ночи ринулись целые толпы замаскированных.

— Хорошо! — пробормотал Гонореску, сидя у себя в капитанской будке, похожей на кабинет телефонистки. — Очень хорошо! Такого комильфо нет даже в Бухаресте. А ну-ка, действуют ли мои аппараты?

Он снял трубку, нажал один из звонков и прислушался.

— Ага! Ложа американского консула! Разговаривает с толстяком в рыжем домино, профессором Брашо... Не сходятся в цене! Ну-ка, ну-ка, подробней!

В телефонную трубку явственно донесся плачущий голос Брашо:

— Но вы сможете, сэр, благодаря этой бацилле держать в маразме все колониальные народы!

— А зачем нам держать их в маразме? — лениво ответил американец. — Кто же, скажите, будет тогда доставлять нам сырье?

Румынский князь одобрительно кивнул головой в знак полного согласия со своим патроном и нажал другую кнопку. Аппарат соединился с соседней ложей. На зеркальной пластинке явственно отразился белобрысый товарищ Прочный в полотняной гимнастерке и без всякого домино. Он окружен целым цветником девиц, сомкнувшихся вокруг него кольцом.

— Ага, лучшие номера нашего комплекта! — пробормотал князь. — Должно быть, выпытывают у него, согласно инструкции... послушаем-ка!

Он прижал трубку к уху, надавил педаль, позвонил раз, другой, третий, топнул ногой, — ничего, ни звука! Из ложи русского консула не доносилось к нему ни шороха, да и не могло доноситься, если принять во внимание все кружевные носовые платки, заткнутые без всякой экономии в маленький, спрятанный под портьерой рупор.

Взбешенный Гонореску вскочил, чтоб выяснить это подозрительное обстоятельство. Но он еще не вышел из комнаты, как к нему влетел бледный Апопокас.

— Ваше сиятельство! Ваше сиятельство!

— Что еще случилось?

— В зале появились странные люди! У них у всех есть пригласительные билеты, но... Ваше сиятельство! Мне кажется, билетов этих гораздо больше, чем было разослано. Поглядите сами!

Апопокас вытащил Гонореску вслед за собой. Они бежали на крытую галлерею. Внизу, под куполом, лежит зала, залитая светом, конфетти, серпантинном, вином. Душный запах с воем и стоном скрипок поднимается кверху. Зала полна народу, — полна до неприличия, до тесноты и неразберихи.

— Я не звал так много людей! — испуганно прошептал князь.

Между тем странные люди в масках, веселясь, гикая, делая телодвиженья, проносились попарно, собирались в круги, в кресты, в тройки, махали руками, кружились, распуская вокруг полы домино, и нельзя было ни в одном из них признать служилую европейскую аристократию Ковеята!

Дипломатические гости тоже почуяли что-то неладное. Их грубо теснили к стене. В лицо им швыряли целые мешки конфетти. Под полумасками навстречу им скалились странные смуглые губы с жемчужинами зубов. Английский консул, сэр Томас Антрикот, растерянно оглянулся: его секретарь, Чарльз, смыт толпой, и его нигде не видно.

Сэр Томас сделал попытку выбиться, даже крикнул «Чарльз», но вместо секретаря ему на руку легли чьи-то дрожащие пальцы. Высокая, стройная женщина с изумительным лицом, похожим на лицо Диониса, глядела на него полными слез глазами.

— Сэр, простите... Меня затолкали... я... я ищу мужа, мне дурно, сэр!

С этими словами красавица пошатнулась, опустила ресницы и упала прямо на руки английского консула.

Глава сорок пятая

ГАРУН, ПРОДАВЕЦ МОЧАЛЫ

Чарльз, секретарь английского посольства, делал героические попытки, чтоб удержаться против течения. Он толкал замаскированных коленями, спиной, локтями, плечами, готов был кусать их зубами, чтоб только догнать своего патрона. Однако вакхическая толпа несла его, баюкала, качала в такт музыкальным волнам вальса, бешено вившимся в диком кружении такими заразительными «тремя четвертями», что Чарльз, несмотря на весь свой ужас, не мог не выделять танцевальных па.

— Сударь, вы толкаете меня! — пронзительно взвизгнул один из маскированных, которого Чарльз нечаянно схватил за руку. Полумаска приподнялась на лоб. Обиженный и до одури напуганный английский таможенный чиновник выпучился на секретаря.

— Это вы! — изумленно произнес Чарльз. — Я никого не узнаю в тесноте. Я потерял сэра Антрикота. Умоляю вас, помогите мне его догнать!

— Тут что-то делается, сударь! — прохрипел чиновник. — Мне положительно жутко. Не кажется ли вам, что толпа все возрастает?

Они принялись вдвоем орудовать локтями, пока наконец не протиснулись к тому самому месту, где секретарь потерял консула. Но там его уже не было. Только в глубокой нише, полузакрытый шелковой портьерой, полулежал кто-то и, казалось, спал. Чарльз кинулся туда с недобрым предчувствием. Так и есть! Сэр Томас Антрикот лежал на каменном сиденьи в глубоком сне. Руки его раскинуты. Пиджак плотно застегнут. Домино запахнуто. Секретарь лихорадочно расстегнул его, сунул руку под жилетку и дико вскрикнул: письмо, роковое письмо было вырезано вместе с карманом!

Таможенный чиновник уставился на секретаря, ничего не понимая. Чарльз был бледен, как мертвец.

— Консула усыпили и обокрали, — шепнул он, опасливо косясь по сторонам, — надо дать знать полиции. Бежим отсюда!

А в это время за той же шелковой портьерой неподвижно стояла фигура женщины, опустившей капюшон глубоко на лоб. Она была бледнее секретаря. Два ярких, чересчур ярких глаза из-под прямых бровей, похожих на античные брови Диониса, впились в развернутый лист бумаги, дрожавший у нее в руке. Женщина дочитала письмо, свернула его, спрятала на груди.

— Нет, это не должно попасть в руки австрийскому консулу! — пробормотала она со странным выражением ненависти и торжества. — Нет, это слишком большой козырь!

Она осторожно выглянула в залу и тотчас же отпрянула назад. С двух сторон, не спуская глаз с ниши, где лежал неподвижный сэр Томас, к ней подвигались две длинные, тощие, сухие фигуры в голубых домино: австрийский и немецкий консулы.

— Дудки! — глуховатым голосом продолжала красавица: — не для вас я вытащил каштаны из огня! Это стоит дороже какого-нибудь венгерского дворянства! Ищите-ка меня хоть при помощи полиции!

С этими словами она плотно задернула портьеру, натянула на лицо полумаску, запахнулась в капюшон и, выждав минуту, когда движение в зале стало еще тревожней и беспорядочней, ринулась вниз с лестницы и смешалась с толпой.

Между тем Чарльз успел вызвать полицию. В Ковейте, как и всюду, где хозяйничают англичане, она вербовалась из вышколенных, вымуштрованных индусов. Смуглые люди в полицейских мундирах и белых касках, молчаливые, узколицые, как тени, выросли у входа в «Гонорию». Десятка два их, поблескивая эполетами и оружием, ровным шагом поднялись по лестнице. Навстречу им уже бежали сам сиятельный хозяин, дрожащий от страха, и потерявший голову Апопокас.

— Обман! Низкий обман! — вопил князь Гонореску, хватая молчаливого начальника полиции. — Я не выдавал столь-

ко пригласительных билетов! Злоумышленники втерлись в мой дом с неизвестной целью! Господина Томаса Антрикота усыпили и ограбили! Меня самого чуть не усыпили и не ограбили, если б только я заснул! Арестуйте их!

— Тише! — сухо проговорил индус, не шевельнув и бровью. — В порту большие политические беспорядки. Надо как можно скорее вывести отсюда лиц дипломатического корпуса. Распорядитесь, чтоб ни музыка, ни веселье не нарушались!

Но и музыка и веселье мгновенно оборвались, как только первый полицейский мундир вырос на верхней ступеньке лестницы. И, точно по мановению волшебного жезла, кто-то вдруг оборвал пестрые ленты серпантина. Фонтаны остановились. Толпа затихла. Без крику, без сговору, в одну и ту же секунду сотни рук приподнялись к полумаскам и сорвали их с лиц. В странной, изменившейся, умолкнувшей, неподвижной зале стояла, переводя тяжелое дыхание, грозная, безмолвная, вооруженная толпа арабов.

На верхней ступеньке появились второй, третий, четвертый полицейские. Скоро вся небольшая кучка их стояла наготове, поблескивая смуглыми зернами глаз и нащупывая рукой револьверы. Несколько секунд тишины. Потом, сквозь тихо подавшуюся толпу, прыгнул человек не то арабского, не то европейского типа, оборванный, в бедном бешмете и стоптанных туфлях. Он остановился перед индусом и взглянул ему прямо в глаза.

— Не твоих ли это соотечественников взнуздали, как коней в конюшне? — проговорил он ироническим голосом, запахивая полы своего бешмета левую направо, а правую налево. — Да буду я жертвой молоку твоей матери, если ты не стыдишься того, что делаешь. Не на арабской ли ты земле, индус? Зачем ты наводишь порядок у чужих, а не станешь хозяином у себя дома?

— Га! — закричали арабы, надвигаясь на полицейского. — Гарун, продавец мочалы, прав! Чего вы пришли хозяйничать на нашей земле, рабы английских псов?! Уходите обратно!

— Бунт! — пролепетал румынский князь с перекошен-

ным судорогой лицом. — Апопокас, собери девичник, запри кассу, уложи вещи, приготовь все к отъезду. Мы погиб-ли, если не улизнем!

Пятясь спиной от арабов, оба доблестных румына, зеленые от тошнотворного страха, добрались до собственных комнат, где уже сидел, трясясь, как сито в руках булочника, Врибезриску, всем своим туловищем защищая сундук с деньгами.

Между тем Минни и ее подруги, накинув шарфики на голову, шли по безлюдным закоулкам виллы. Через минуту шум, глухие голоса полицейских, разъяренные крики американского представителя остались позади. Черная ковейтская ночь пахнула им в лицо тысячью запахов и ветром Персидского залива. Они были на свободе. Пробираясь по набережной, к оцепленному войсками дипломатическому кварталу, они не разговаривали и не оглядывались, а потому и не заметили высокой, статной женщины в черном капюшоне, ловкими и бесшумными прыжками поспевавшей вслед за ними.

Глава сорок шестая

ТРУДКНИЖКА

В русском консульстве, на лестнице, втянув голову в плечи, сидит верный Мамук. Не успел он услышать шорох приближающихся шагов по гравию, как уже узнал своего господина.

— Саиб, — шепнул он, бесшумно, как кошка, кидаясь к товарищу Прочному, — сегодня большой день для араба! Файсал не будет больше выколачивать из нас последние куруши! Файсал больше не правит арабами! Англичане уйдут по ту сторону залива, саиб! Так говорил мне верный человек, приехавший из Багдада!

— Хорошо, Мамук, не давай своему языку убежать вперед от туловища, чтоб он не заблудился, — лукаво ответил русский консул. — Видишь этих ханум? Мы их принимаем в наше подданство. Зажги свет, вызови секретарей!

Через минуту обширная приемная консульства, устроенная в персидском стиле, с мозаичным мраморным полом, лазурными карнизами и ожерельем мавританских полуарок по углам, наполнилась толпой девушек. Секретари засели за свои конторки. Лампочки зажжены. А Мамук опять бросился на лестницу — жадно слушать раскаты и шорохи самой заразной музыки в мире — революции. Дипломатический квартал уже никем не охранялся. Сотни людей с факелами пробегали вниз к набережной. Религиозная процессия, оттиснутая мятежниками в восточную часть города, вынуждена была раньше положенного срока выйти на шоссе к Бассоре для того, чтоб встретиться у Элле-Кум-Джере с двумя другими потоками: одним, идущим из Бассоры, и другим — из Багдада. И яростные крики мятежников, достигнув фанатиков кавендишизма, слились в один сплошной рев, подзадоривая толпу против единственного врага: англичанина, убийцы пророка Гуссейна, убийцы нового пророка Кавендиша...

«Ризэ-Азас-Эмруз. Мщение! Мщение!»

«Хорошо! — думал Мамук, от нетерпения сжимая руками собственные пятки. — Очень хорошо! Очень, очень хорошо арабу!».

— Э, ханум, вы куда?

Последний вопрос обращен к статной, высокой женщине, тихо вынырнувшей из темноты. Не отвечая, она отвернула от Мамука искаженное, бледное лицо, обрамленное черным капюшоном, взошла по лестнице и проникла в залу. Здесь на нее напала странная робость. Красавица плотнее надвинула капюшон и, оглянувшись, увидела толпу девушек, бежавших из виллы «Гонория». Они стояли у столика, за которым деловитый парень грыз перо.

— Анкету, товарищи, — бормотал он на плохом английском языке, — первым делом заполняйте анкету. Кто это написал «проститутка»? Вы, товарищ Сарра? Такого звания у нас в Союзе нет... Товарищ, не напирай, по очереди!

Красавица в капюшоне прислушалась и задрожала. Невольно она схватила чью-то хрупкую, детскую ручку, сжала ее и спросила властным, глуховатым шопотом:

— Что это такое?

Детская, хрупкая фигурка обернулась. Очаровательное личико с веснушками возле носа и широкими голубыми глазами мелькнуло перед статной женщиной. Глаза их встретились, и обе вскрикнули.

— Вы? — радостно вырвалось у Минни. — Вы, красивая дама из гаммельштадской тюрьмы! Вы тоже попали в притон? Вы хотите принять русское подданство?

— Вы, — отозвалась бывшая леди Кавендиш, — маленькая пиголица-коммунистка! Вы с падшими женщинами? Что это значит?

— Падших женщин тут нет, гражданка! — сурово окликнул секретарь. — Падшие у нас только скоты при эпизоотии, которые поколели. Станьте в очередь. Кто следующий?

— Записывайтесь с нами! — взволнованно шепнула Минни, сжимая крепко руку своей соседки. — Здесь оставаться нельзя. Иностранцам будет туго, пока их отсюда не выкурат. Вас увезут в Бейрут или в Яффу!

Красавица блуждающими глазами оглядела залу. Первый раз в жизни рука ее чувствовала дружеское пожатие. Хрупкие пальчики оплели ее пальцы, как плющ. Что-то пробегало от них к ней в кровь, что-то странное, теплое, ослабляющее, — напиток, никогда не заставлявший дрожать ее сердце, — нежность... Жестокая складка у слишком алых губ дрогнула. Жестокий блеск в слишком ярких глазах потемнел. Она вырвала руку, подошла к столу, крикнула глуховатым голосом:

— Консул! Зовите сюда консула! Важное дело!

Девушки изумленно расступились. Товарищ Прочный подошел к столу. Тогда, одним взмахом, красавица сбросила с себя шпц и очутилась в легком черном трико циркача, обтянутом алым кушаком.

— Я Бен, канатный плясун, — прознес глуховатый голос, — австрийцы наняли меня выкрасть письмо у английского консула. Вот это письмо. Читайте! В ваших руках оно будет вернее, куда человек, о котором здесь говорится, не будет затравлен, как дикий кабан!

Оскалив зубы с торжествующей ненавистью, канатный плясун протянул русскому консулу сложенный вчетверо документ.

Товарищ Прочный развернул письмо. Поглядел на подпись. Легкая краска бросилась в невозмутимое лицо. Приподняв брови, он медленно, слово за словом, прочитал документ, сложил его и протянул секретарю.

— Здесь есть штемпель и номер английского консульства, письмо занесено во входящие ведомости. Спрячьте его тщательно. Этот документ...

Гав-гав-гав! Неистовый, мрачный, почти озлобленный лайпотряс воздух. Огромный, нескладный псина с мордой неизлечимого меланхолика кинулся в толпу, дополз, дико колотя по полу обрубком хвоста, до стройных ног циркача, обнюхал их, завизжал, сделал попытку укусить, а потом замер, уткнув в них нос, с видом покорного любовника, лежащего под башмак.

— Чортова собака! — сердито вскричал техник Сорроу, вбегая вслед за Небодаром и обрушиваясь на него с хлы-

стом. — Простите, товарищ Прочный. Мы только что прилетели на юнкерсе, и этот пес, сукин сын, вместо того чтобы выслеживать майора Кавендиша, опять побежал, задрал хвост, к мошеннику циркачу! В жизни моей не видел такого постного пса, аллилуйя ты этакий, низкая псытина!

Сконфуженный Боб Друк с чемоданчиком подошел вслед за Сорроу. Стоило ему так возиться с майорскими брюками, если понюшка оказалась никуда не годной. Эге! Это что за знакомая головка!

Между тем циркач сердито нагнулся к неподвижному Небодару и погладил его между ушей.

— Дурень, ты жив! — проворчал он, усмехнувшись. — Это наша цирковая собака. Он играл роль майора Кавендиша, когда я разыгрывал его жену... Ну да, господа, коли на то пошло, велите вашему секретарю записывать все как оно есть. Дело не хитрое. Что до пса, так он никого не может разыскивать, если почует мой запах.

Сорроу поглядел на циркача, а потом на русского консула.

— Но времени у нас в обрез, мы должны во что бы то ни стало предотвратить комедию с чудом Кавендиша! — проговорил он ворчливо. — Союз Месс-менд собрал знатные материалы. Нельзя доводить мусульман до нового фанатизма!

Товарищ Прочный, улыбнувшись, взял у секретаря письмо и протянул его технику Сорроу.

— Читайте, товарищ Сорроу, и помалкивайте! Выйдет или не выйдет чудо Кавендиша, а уж этот документ выйдет завтра из печати, да еще на всех языках, можете быть в этом уверены. Ваше дельце от этого не проиграет. И к тому же, по последним известиям, англичане доживают в Ираке последние дни!

Как бы в ответ на его слова, в открытые окна понеслись резкие, гортанные крики арабов, воинственно провозглашавших свою свободу среди черного и затаенного безмолвия дипломатического квартала.

Между тем Бен, канатный плясун, кончив диктовать,

оглянулся по сторонам и придвинулся ближе к секретарю.

— А как насчет перехода в русское подданство? — произнес он недоверчивым голосом. — Примете вы меня?

Секретарь почесал за ухом.

— Он спас меня из тюрьмы! — серебряным голоском проворковала Минни.

— Так вы уж заполните анкету, а там мы посмотрим, — ворчливо ответил секретарь. — Возраст? Социальное положение?.. Что? Сын проститутки! Да сколько вам раз повторять, глухие вы, что ли!.. Я внесу гражданку мамашу в вашу трудкнижку!

Бен, канатный плясун, слушал все это со странным лицом. Гражданка-мамаша! Трудкнижка! И не нужно никакого дворянского достоинства! И не нужно никакой памяти!

Глава сорок седьмая

КОЛОДЕЦ У ЧЕТЫРЕХ ДОЛИН

Утром, в полумраке, пастор Мартин Андрию тяжело поднял веки. Из-под опущенных ресниц обшарил комнату, тихонько приподнялся, надел носки, обмотал искусственную ногу тряпкой. Спальня с тростниковыми занавесками на окнах — безмолвна. Дверь полуоткрыта. На пороге огромный старый индус спит, положив лицо на ладонь.

Мартин Андрию постоял неподвижно, потом сделал шаг. Другой. Добрался до спящего индуса, поднял ногу и перешагнул его. Перед ним тихая лестница в сад, полная розовых отсветов зари и шороха рос. Свободен! Грудь пастора сама собой втянула воздух...

— Да, приятная погода, сэр! — вкрадчиво произнес кто-то, продевая свою руку через его руку. — Я тоже люблю подниматься до солнца!

Мартин Андрию судорожно вздрогнул. Мистер Лебер как будто и не заметил! Он повел его под руку, словно старую герцогиню Ланкастерскую, почтительно отбрасывая с дороги каждый камешек.

— Дорогой и глубокочтимый сэр, это хорошо, что вы уже встали. Вам следует возвыситься духом. Хотел бы, сэр, пожелать вам, чтоб ваше подвижничество лежало сейчас перед вашим духовным взором, как эта ясная гранатовая аллея!

Мартин Андрию дрожал, не в силах расцепить челюсти.

— Анти-Коминтерн уполномочил меня, сэр, посадить вас на лошадь. Мы выбрали белую лошадь. Это, конечно, деталь, но вы сами будете благодарны нам за стильность. Абдулл!

Молчаливый слуга в чалме вынырнул из-за деревьев.

— Поднеси сайбу его наряд и приготовленную чашу!

Абдулл исчез и через пять минут возвратился с двумя рослыми индусами. Они несли на шелковых подушках белый хитон, похожий на хитон тамплиера, с красным крестом

на груди, открытой шеей и широкими рукавами.

— Вы принадлежите к старинному ордену, святой отец, — к ордену мучеников. Мы долго обдумывали одежду. Надо произвести впечатление некоторого единства, вы понимаете меня, — без привкуса католичества или реформации!

Между тем индусы по знаку, данному Лебером, преклонили перед Мартином Андрью колени, взяли по щепотке земли из-под его подошв и посыпали себе головы. Потом, вскочив на ноги, они схватили пастора за локти, и, покуда один держал его в железных тисках, другой обшаривал с ворота до пяток. Стиснув зубы, Мартин Андрью смотрел, как его обыскивают. Вот из-за пазухи смуглые пальцы вытянули стилет с отравленным лезвием и бросили на траву, к ногам мистера Лебера. За стилетом туда же полетели револьвер, шелковый шнур, бритва, кошелек, свисток, множество таинственных мелочей пасторского туалета.

— Все это не будет вам никогда более нужно, отче! — мягко проговорил мистер Лебер. — Ну, кажется, все.

Невольно веки Мартина Андрью дрогнули и прикрыли глаза, сверкнувшие радостью. Но от Лебера не укрылось ни то, ни другое. Он сделал знак индусам, оставившим было пастора, и смуглые пальцы снова забегали по обнаженному телу. Вот они что-то нашли, приподняли, показали Леберу: между двумя коричневыми ногтями крошечный пузырек с каплей фиолетовой жидкости! На этот раз Мартин Андрью яростно вскрикнул, рванулся и ударил индуса по лицу. Пузырек полетел в траву.

— Ай-ай-яй! — укоризненно пробормотал Лебер: — самоубийство! Удел мещан, кончающих мелким петитом в газетной хронике! Неужели вы предпочтете его тому величию, которое уготовано вам, отче? Не допускаю мысли. Абдулл, предложи святому отцу напиток!

Абдулл благоговейно преклонил колени. На подносе в его руках — хрустальная чаша. В чаше — рубиновое вино, лучшее столетнее вино из сокровищ ширазских подвалов, о котором сложилась легенда, что его пил пророк.

Мартин Андрью взял чашу и осушил ее. Она должна была прибавить ему силы и мужества. Но сухой кровавый огонь

разлился по его жилам сладострастной жаждой жизни. Тысячи очарований, как обнаженный нерв, стрельнули острою болью в его теле: воздух, солнце, розы, сухость и блеск горизонта, жаркая сушь земли, соленая хрусткость пыли под ногами, тусклый румянец гранат, мускулы собственных рук, курлыканье далекой птицы — жизнь, жизнь, наслаждение всем живущим! И вдруг, в эту минуту, воспаленные глаза пастора встретили чей-то глаз из-под купы деревьев. Это был Гуссейн, спрятавшийся в траву. Он делал ему знаки. Он говорил саibu руками, глазами, губами: саиб, Эллида найдена! Терпенье, саиб! Твой верный слуга исполнил, что ему приказали!

Вино или кровь, но что-то ударило в голову пастора с нечеловеческой силой. Он повернулся к мистеру Леберу, помолодевший и решительный:

— Где же ваш белый конь?

— Погодите,— тихо ответил Лебер, внимательно наблюдая за ним, — переоденьтесь!

Мартин Андрью облачился в хитон, выпрямился, сухой и стройный, и незаметно мигнул Гуссейну; все хитроумие человека, задумавшего спастись, ожило в эту минуту в каждом атоме его существа.

— А теперь, отче, садитесь со мной в автомобиль, — подозрительным голосом пробормотал Лебер, — у нас нет времени на процессию. В Багдаде и Ковейте политические беспорядки. Нам надо выгадывать каждую минуту. Мы подьдем к Элле-Кум-Джере, и вы пересядете на лошадь за двадцать минут, до колодца у четырех долин!

Это было уже худо. Но Мартин Андрью верил, лихорадочно верил в собственную жизнь, в ту волну могучего хотения жизни, которая жгла и баюкала сейчас его кровь. Он еще раз обернулся к Гуссейну и послушно сел за Лебером в маленький глухой автомобиль мышиного цвета.

Со стороны узлового сплетения двух дорог, Ковейтской и Бассарской, приближалось тягучее пение огромной толпы. Каждые пять минут процессия останавливалась.

Муллы и дервиши выскакивали вперед и гнусавым голо-
сом, разрывая на себе одежды, кричали:

— О пророк, пророк! О день траура! Приведи сюда убий-
цу Кавендиша, убийцу нового пророка правоверных, убий-
цу с заклеянным челом, чтоб мы разорвали его, чтоб мы
омочили руки в его крови, чтоб мы окропили кровью свя-
тую могилу! Яви, яви чудо! О день траура! Ризэ-Азас-Эм-
руз!

Тысячи рук начинали наносить себе удары ножами по
бритым черепам. Кровь струилась вниз, и ее никто не вы-
тирал. Яростные рыдания стояли в воздухе. Муллы дико
вскрикивали и снова вели толпу, а на шестах и кровавых
лоскутах покачивались амулеты с останками Кавендиша.
Вдруг, не доходя километра до колодца Элле-Кум-Джере
муллы переглянулись и тихонько шепнули друг другу са-
мым практическим голосом, лишенным всякого экстаза:

— Что это там за серый человек с посохом? Инглэзы не
заплатили за него! Он не входит в программу... Что нам с
ним делать?

Серый человек с посохом тихо плелся по дороге, под-
ставив седые кудри солнцу и пыли. Это был усталый старый
Арениус, брошенный караваном Гонореску и пешком воз-
вращавшийся домой. Он спешил к колодцу, изнемогая от
жажды. Но старые ноги едва передвигались. Опершись на
посох, он остановился, обернулся и увидел процессию. Тот-
час же на лице его произошла перемена. Подслеповатые
голубые глаза засверкали, дрожащие руки выпрямились,
схватили посох и грозно замахнулись им в воздухе.

— Нечестивцы, оставьте вашего идола! — крикнул он
по-арабски. — Не вам ли сказано: нет бога, кроме — бога!..
А вы отдаете душу падали!.. Гнили! Смертному человеку!

Арениус не успел закончить. Нож вошел на лету в его
глаз, вонзился глубоко, и старик упал ничком в пыль, обли-
ваясь кровью. Процессия с воем и стонами прошла над его
телом. И все ближе и ближе вырисовываясь вдаль, остав-
ляя справа синие очертания гор, а слева далекие голубые
извилины моря, надвигалось на них белое пятнышко: мрамор-
ный склеп у квадратного колодца Элле-Кум-Джере, стояв-

шего на скрещении четырех долин. Вой и стоны сделались непереносными. Ослабев от потери крови, десятки людей падали на землю, чтоб больше не встать. А муллы кружились и звали толпу все безумней и все иступленной. И когда шоссе сделало поворот —

Глава сорок восьмая

ЧУДО МАЙОРА КАВЕНДИША

— перед обезумевшей толпой неожиданно открылась необычайная картина. Как раз перед мраморным склепом, на пригорке, неподвижно стоял караван. С десятков людей спешили; верблюды пили воду; два всадника на конях застыли друг возле друга: один на маленькой косматой лошадке, черный, бородатый, смуглый; другой, в белом одеянии на белом коне, сухой, вытянувшийся и стройный, как Георгий-победоносец с византийского полотна.

— Эалля! — завопил мулла, поворачиваясь к толпе. — Вы видите! Видите! Неверный у священной гробницы! Что он тут делает?

Рокотанье толпы, как морской вал, подползло к ушам всадников.

— Сэр, вам пора начать, — шопотом сказал косматый, — выньте спичку и чиркните о гробницу, точно собираетесь закурить.

Пастор Мартин Андрию повернулся к нему, оскалив длинные желтые зубы. Волчий взгляд его засветился чудовищным презрением и ненавистью:

— Трижды дуррак! — прошипел он сквозь зубы. — Прочь от меня! Долой с этим вздором!

Пришпорив лошадь, он поднял ее на дыбы и в ту же секунду качнулся: белый конь тяжело прохрипел, припадая на ноги: у него были перерезаны сухожилия. Мартин Андрию швырнул поводья и с силой вылетел из седла.

— Прочь! Прочь от меня! — дико крикнул он на косматого, ковыляя в сторону от колодца на деревянной ноге. — Ни один дьявол не заставит меня лезть на смерть! Ну-ка! Заставьте-ка! Кукиш — вот вам чудо, палачи, убийцы, актеришки! Попробуйте-ка, попробуйте заставить меня заговорить!

Косматый перебежал дорогу и схватил пастора за хитон:

— Опомнитесь, сэр! Ради вашей души! Ради вашего ве-

личия! Ради вашей собственной идеи! Что скажет Анти-Коминтерн! Вас засмеют, оплюют, раздавят, вы будете пресмыкаться, ходить шутком, предателем, трусом, луном!

— Чем вам только угодно! — хихикал пастор, прыгая с кочки на кочку. — Что я, дурак, что ли, лезть на штыки этих грязнулей... Очень мне нужен мавзолей... да я променяю всех вас, с мавзолеем в придачу, за одну девчонку, за одну веснушечку на девчоночке, за одну корочку хлеба... Уйдите вы, скот, или я закричу этим людям, что вы меня грабите!

— Все погублено! — простонал косматый, оглядываясь на караван: — десять минут прошло, яд начал действовать, люди околевают до начала мученичества! Провалилось! И по милости этого животного!

Он повернулся и бросился бегом к колодцу. Медленно клонясь на траву, умирали без стопа и без хрипа, с мутнеющими зрачками, люди пастора Андрию, которым был дан яд для облегчения смертного часа. Но вдалеке, оцепенев, стояла толпа, представление сорвано, и черный люд умирал до начала спектакля, не приняв мученического венца.

Косматый подтянул подпруги на своей лошади, вскочил в седло и поскакал наперерез толпе.

— Муллы! — воскликнул он еще издали, выкатывая глаза и маша руками. — Да прославится имя Али-Гуссейна и Аги-Кавендиша! Слушайте, слушайте, слушайте! Смерть Язиду! Смерть убийце Аги-Кавендиша!

Толпа рванулась и замерла. Муллы обменялись быстрым взглядом. Этот взгляд значил: «Старый инглэз струсил! Перемена программы!»

— Говори, правоверный, и да не сойдет ложь с твоих уст иначе, как с дуновением жизни! — мрачно проговорил мулла, выступая вперед и удерживая за собой окровавленную толпу фанатиков. — Кто этот чужестранец, что осмелился подъехать к священной гробнице? Чьи люди поили верблюдов у чистой воды пророка?

— Это преступный Мартин Андрию, убийца Аги-Кавендиша! — пронзительно крикнул косматый. — Он ехал с ним вместе в поезде и ночью убил его. Велик аллах! Могучи законы бога! Они привели убийцу ко гробу убиенного! Под-

нимите священные талисманы и растерзайте убийцу!

— Чудо! — завопили все муллы и дервиши, сколько их было, и стали раздирать свои одежды.

— Чудо! — застонала толпа.

— Ловите убийцу!

— Смерть Язиду!

— Смерть пастору Мартину!

Дико вопя и завывая, тысячное стадо кинулось через лощину, в кусты, колючки и щебень, где на пыльной земле еще сохранились отпечатки беглеца: два следа, жирный и бледный, крупный и мелкий, от здоровой и от деревянной ноги.

Пастор Мартин Андрию бежал без передышки. Но деревянная нога застревала в сухих рытвинах. Колючки цеплялись за хитон. Сердце останавливалось. Нечаянно оглянувшись, он увидел, как тысячи людей, горошинками рассыпавшись по тропинкам, неслись и катились на него со всех четырех сторон.

— Ай! — визгливо крикнул пастор, споткнувшись о камень. Что-то хрустнуло. Деревянная нога, застряв в расщелине, переломилась пополам. Мартин Андрию схватил ее обломок, швырнул от себя и разразился проклятьем. Сотни тяжелых прерывистых дыханий бегущих, набегающих, наваливающихся людей окружили его кольцом. Секунда и чьи-то ногти вонзились в плечо пастора.

— Га! — простонала толпа, ударяя себя в груди. — Га-а-а! Велик аллах! Велики законы его!

На искаженном лице пастора Андрию мелькнула гримаса. Он сделал попытку вырваться. Стал корчиться. И вместе с тошным страхом, плевками, слюной, хрипя от безумной тяжести, давившей ему печень, извиваясь, корчась, выкрикнул:

— Сволочи! Сброд! Спасите меня!.. Пустите! Караул! Не я! Не я. Никогда я не убивал Кавендиша! Не мог его убить! Ведь я сам...

Кровавая каша полезла ему в глотку. Толпа навалилась на пастора Мартина Андрию, задавила его, выпустила из него кишки, как дети выпускают из тубика клей синдетикон.

— Скандал! — пробормотал косматый, еще раз взглянув вниз в ущелье четырех долин, с горы, на которую вынесла его лошадка. — Ну и трус же он был, прости, господи!

Глава сорок девятая

С КОТОРОЙ НАДО НАЧАТЬ ЧИТАТЬ ВСЮ КНИГУ, НАПИСАННУЮ ПО ДОБРОМУ ВОСТОЧНОМУ ОБЫЧАЮ ЗАДОМ-НАПЕРЕД

— «Красное Знамя»! «Красное Знамя»! «Роте Фане»! Орган германской компартии!
— «Звезда Востока»! Газета персидских коммунистов!
— Журнал «Мусульманский Восток»!
— Московская «Правда»!
— Сенсация! Европейский скандал! Полный текст письма!

Газетчики не успевали выкликивать. Газеты выхватывались из рук. Покупали все: европейцы, купцы, арабы, курды-кочевники, немцы, туристы, дамы, рабочие...

На огромном листе, без комментариев, без объяснений, под черным дурацким колпаком с бубенчиками, был напечатан на трех европейских и трех азиатских языках следующий документ:

№ 183

А/II

Английское консульство ПОРТ КОВЕЙТ

Сэр Томас, старый тюфяк! Твое письмо с выражением горячей скорби по поводу приговора, вынесенного мне этим кастратом, доктором Сульпициусом Блессингом, я получил и смеялся над ним. Неужели ты воображаешь, что я (я!) буду кротко ждать прогрессивного паралича и приятной перспективы есть манную кашку из рук своей экономки? Узнай, старое ничтожество: мне предстоит иная доля, уготованная всем великим развратникам, судя по Житию святых и истории

римских пап, — я должен принять мученический венец и положить собою начало новой религиозной эры, потому что религия — единственная наша узда на морду того колониального мула, кто начинает уже лягаться под влиянием русской пропаганды.

Что же касается до кровавой жертвы, без которой ни одна религия не обходится, то я сам буду и жертвой и палачом в одном лице. Комедия разработана с шекспировской остротой. Я еду в Кувейт в качестве убийцы самого себя. Культ Кавендиша сохранит меня в памяти одной половины человечества, культ английского пастора, мужественно принявшего смерть из рук иноверных, — в другой. Согласись, что прославиться в двух лицах — редчайший удел, возводящий меня на ближайшую к святой троице ступень. Только этим еще и стоит позабавиться тому, кто перепробовал все блюда на пиршестве.

Твой неизменно
майор Кавендиш.

Замок Ульстер

ЭПИЛОГ

— Да! — величественно сказал мистер Плойс, окидывая взглядом собрание пайщиков и устремляя глаза на телефонную трубку. — Вот эта трубка, джентльмены, только что сообщила нам, чем кончилась вредная империалистическая затея Англии. Она кончилась, джентльмены, скандалом и революцией! Революцией и скандалом! Хороший урок для тех, кто считает себя солью человечества. Эта же трубка сообщит нам сейчас... — Мистер Плойс скромно улыбнулся: — ...о цифре нашего общего дивиденда, принесенного завоеванием колониального рынка. С тех пор, джентльмены, как вышла знаменитая диссертация инженера Пальмера «Мир как воля и реклама», прошло не более трех месяцев, а уже принципы, в ней изложенные, полностью воплощены компанией Америкен-Гарн. Популярность русской революции послужила для нас даровой рекламой. Миллиарды наших товаров кинуты на мировой рынок и благодаря своим рисункам и лозунгам, отвечающим вкусу дикарей, они имели исключительный успех. Разрешите мне вычислить, сколько очистится для каждого из нас...

Дзинь-дзинь!

— Ага! — прервал себя Плойс, беря трубку и поднося ее к уху. — Алло! я самый. Что скажете, мистер Пальмер? Наши товары... да... расхватываются с неслыханной быстротой... Джентльмены, вы слышите? «Рвутся прямо-таки из рук...» Ага! «Портовые склады уже пусты...» Гм! Гм! «Мировые цейхгаузы опустошены...» О-о-о! Вот что значит реальная экономическая политика! «Там, где еще остались товары, их обчищают снизу доверху...» Но... что вы сказали? Повторите?!

Трубка вывалилась из рук мистера Плойса. Глаза стали оловянными. Голос охрип.

— Но... но... за них ничего не платят!

Пайщики компании Америкен-Гарн расходились с собрания далеко не в том настроении, с каким пришли на не-

го. Весьма возможно, что именно поэтому громкая песня из окон десятикорпусной фабрики произвела на них весьма отрицательное впечатление. А песенка была превеселая, и, пропев ее, ткачи, сколько их ни было, глянули в окна и высунули вслед отъезжавшим пайщикам языки.

Сестры-прядилицы, братья-ткачи!
Песню потягивай, нитку сучи!

Не будет ни сирого
У нас, ни вельможи!
Для нового мира мы
Выткем одежды...
Эх, да!
Не будет ни сирых
У нас, ни вельмож,
Для нового мира
Одежу даешь!..

Сестры-прядилицы, братья-ткачи.
Песню потягивай, нитку сучи!

Примечания

Роман М. С. Шагинян (1888-1982) «Дорога в Багдад» был впервые напечатан в вечерней «Красной газете» в октябре-декабре 1925 г. под заглавием «Месс-Менд, или международный вагон». Десять лет спустя, в рамках подготовки к изданию собрания сочинений, Шагинян несколько переработала роман. Окончательный текст романа, получившего название «Дорога в Багдад», был опубликован в журнале «Молодая гвардия» (1935, № 12) и в составе тома IV «Собрания сочинений 1903-1933» (М.:ГИХЛ, 1935).

Роман публикуется по «Собранию сочинений» 1935 г. Текст дан без изменений, за исключением исправления некоторых опечаток. В оформлении обложки использован коллаж А. Родченко, иллюстрировавший обложку одного из выпусков романа «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.